

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 22 ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

Издательство Московского университета

№ 2 • 2010 • АПРЕЛЬ—ИЮНЬ

Выходит один раз в три месяца

Содержание

Общая теория перевода

- Бойко Б.Л.* Теория и практика военной лексикографии (на материале военных немецко-русских словарей 1931—1945 гг.) 4
- Гарбовский Н.К., Мишуров Э.Н.* Военный перевод в современном мире (теоретико-методологические, лингвистические, военно-исторические и социально-политические аспекты). 16

История перевода

- Галл В.* Из записок парламентаря 42
- Garderes Ramuntxo.* Historique des “Interprètes Militaires” français 54
- Гардер Рамунчо.* История военных переводчиков во Франции 55
- Матасов Р.А.* Синхронные переводчики на Нюрнбергском процессе: *Humani nihil a me alienum puto* 74
- Рахманкулова И.-Э. С.* Дорога на фронт 86
- Суходрев В.М.* Язык мой — друг мой (из воспоминаний переводчика) . . 100
- Торсуков Е.Г.* Альма-матер военных переводчиков 112
- Цвиллинг М.Я.* Как я выучил немецкий язык 127

Contents

General Translation Theory

<i>Boiko, B.L.</i> Theory and Practice of Military Lexicography: A Study Based on Military German-Russian Dictionaries of 1941—1945	4
<i>Garbovsky, N.K., Mishkurov, E.N.</i> Military Translation in the Modern World: Theoretico-Methodological, Linguistic, Historical and Politico- Social Aspects.	16

Translation History

<i>Gall, V.S.</i> From the Memoirs of a Truce Envoy.	42
<i>Gardères, R.</i> The History of French Military Interpreters	54/55
<i>Matasov, R.</i> Simultaneous Interpreters at the Nuremberg Trial	74
<i>Rachmankulova, I.-E.S.</i> The Way to the Front Line	86
<i>Sukhodrev, V.M.</i> My Tongue is My Friend (From the Memoirs of an Interpreter)	100
<i>Torsukov, Y.G.</i> The Alma Mater of Military Translators and Interpreters . . .	112
<i>Tsvilling, M.Ya.</i> How I learnt the German Language.	127

В канун празднования 65-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне мы посвятили этот номер нашего журнала особой отраслю переводческой деятельности – военному переводу.

Военные переводчики вписали славную страницу в историю Великой Отечественной войны.

В разведке, в подразделениях пропаганды на противника и в других структурах военные переводчики составляли важное звено информационного обеспечения боевой деятельности войск, внося свой вклад в дело Победы. Сбор и обработка разведывательных сведений, перевод и изучение захваченных документов противника, радиоперехват, допрос военнопленных, рейды в тыл противника, парламентёрство, написание агитационных листовок на языке противника – вот далеко не полный перечень тех обязанностей, которые возлагались на военных переводчиков в боевых частях и соединениях. Военные переводчики обеспечивали все важнейшие переговоры с союзниками на Тегеранской, Ялтинской, Потсдамской конференциях.

Нюрнбергский процесс над нацистскими преступниками открыл новую эру в переводческой деятельности – эру синхронного перевода. Е. Гофман – преподаватель Военного института иностранных языков – возглавил первую группу советских переводчиков-синхронистов, составивших костяк новой переводческой профессии.

Военные переводчики, преподаватели и выпускники Военного института иностранных языков, заложили основы не только теории военного перевода, но и теории перевода в целом.

В значительной степени современная отечественная наука о переводе основывается на идеях тех лингвистов, чья судьба так или иначе была связана с военным переводом или подготовкой военных переводчиков. Работы В.Г. Гака, В.Н. Комисарова, Р.К. Миньяра-Белоручева, Л.Л. Нелюбина, Я.И. Рецкера, А.Д. Швейцера составляют золотой фонд отечественной науки о переводе.

В канун юбилея Великой Победы мы желаем всем военным переводчикам – ветеранам войны – здоровья, счастья и внимательного отношения к ним общества в наше непростое время.

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

Б.Л. Бойко,

доктор филологических наук, профессор Военного университета Министерства обороны РФ. E-mail: borisboiko@gmail.com

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ВОЕННОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ (на материале военных немецко-русских словарей 1941—1945 гг.)

В статье проводится анализ военного немецко-русского словаря, который использовался в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Композиция словаря отражает уровень лексикографической культуры отраслевых словарей и включает словник, состоящий из 35 тыс. слов и выражений и 6 тыс. сокращений. Словнику предшествует предисловие, инструкция о пользовании словарём, немецкий алфавит. После словника приводятся обозначения отделов штаба дивизии и примеры обозначения численности войсковых соединений немецких вооружённых сил. Каждая словарная статья имеет свою оригинальную и одновременно типовую структуру: заглавное или заголовочное слово, грамматическая и страноведческая информация о слове, его перевод или интерпретация. В отдельных случаях словарная статья содержит словосочетания и фразеологизмы, образующие словарное гнездо, и их русские соответствия.

Ключевые слова: макро- и микроструктура словаря, словарная статья, заглавное слово, издание, принципы отбора лексики, интерпретация значений слов.

Boris L. Boiko,

Dr.Sc. (Philology), Professor at the Military University, Moscow, Russia; e-mail: borisboiko@gmail.com

Theory and Practice of Military Lexicography: A Study Based on Military German—Russian Dictionaries of 1941—1945

This article is dedicated to the analysis of the military German—Russian dictionary used throughout the Great Patriotic War of 1941—1945. Its construction reflects the lexicographical culture of specialized dictionaries: vocabulary, which comprises over 35 thousand words and phrases as well as abbreviations surrounded by the author's introduction, instruction for users, alphabets, supplementary information about the symbols of staff departments and the strength of German units. Each dictionary entry has its own unique structure: entry word or headword, word-groups and phrases accompanied by some information on the German military forces.

Key words: macro- and microstructure of a dictionary, dictionary entry, headword, edition, vocabulary selection strategies, interpretation of word meanings.

Предмет нашего исследования — военный немецко-русский словарь, созданный отечественными лексикографами в 1931 г. и совершенствовавшийся от издания к изданию в течение последующих 14 лет. Хронология изданий, отражающая эволюцию лексикографической теории и практики, имеет следующий вид.

Первое издание военного немецко-русского словаря датируется 1931 г., его дополнительный тираж в объеме 12—21 тыс. экз. — 1932 г. Составители словаря — Ф.Е. Кузнецов и А.М. Таубе. Макроструктура словаря включает словник (корпус) и окружающие тексты. Объем словника, как указано на титульном листе, — 25 000 слов из основных отраслей военного дела¹. Предваряющие тексты включают издательское предисловие, рекомендации по пользованию словарем, объяснение сокращений и значков, список использованных справочных пособий и словарей. Обращает на себя внимание, что в издательском предисловии в ряду справочных пособий назван ныне забытый немецко-русский военно-технический словарь конца XIX в.² В составе заключающих текстов — словарь сокращений и примеры обозначения войсковых частей и штабов. В предисловии сообщается, что издание открывает серию намеченных к выпуску военных иностранных словарей³. Подготовка военного немецко-русского словаря, поясняется далее в предисловии, вызвана развитием военного дела, моторизацией и механизацией армий, возрастающим значением авиации, внедрением в военное дело различных отраслей науки и техники. При подборе переводных эквивалентов использовались термины, имеющиеся в уставах Рабоче-Крестьянской Красной Армии и новейшей военной литературе. Если заглавному слову не находился однозначный русский эквивалент, то предлагался его описательный перевод. Основу для выборки единиц словника составили германские и австрийские уставы, труды немецких военных авторов, военные журналы на немецком языке.

Второе исправленное и дополненное издание словаря выходит из печати в 1936 г.⁴ В издательском предисловии сообщается о том, что из словаря исключены термины, вышедшие из употребления,

¹ Военный немецко-русский словарь: 25 000 слов из основных отраслей военного дела / Сост. Ф.Е. Кузнецов, А.М. Таубе; Под общ. ред. О.Ю. Шмидта. При участии К.С. Кузьминского и М.М. Каушанского. М.: Сов. энциклопедия, 1931. 684 столбца.

² *Миллер И.И., Модрах К.А.* Немецко-русский военно-технический словарь. СПб.: Тип. Акад. наук, 1887. 846 с.

³ В этой связи уместно отметить подвижнический лексикографический труд доцента, а затем профессора Военного института иностранных языков Красной Армии, в последующем — Военного института иностранных языков Александра Михайловича Таубе. Параллельно с Военным немецко-русским словарем, выдержавшим с 1931 по 1945 г. пять изданий, А.М. Таубе разработал Военный французско-русский словарь (издания 1931, 1937, 1942 гг.), Военный англо-русский словарь (издания 1938, 1942, 1949 гг.), Морской англо-русский словарь (составители А.М. Таубе, В.А. Шмид, издание 1943 г.).

⁴ Военный немецко-русский словарь: ок. 30 000 слов и ок. 4 000 сокращений, применяемых в воен. лит.-ре. 2-е изд., испр. и доп. / Сост. Ф.Е. Кузнецов, А.М. Таубе; Гл. ред. О.Ю. Шмидт. Ред. Ф.Н. Петров, В.Г. Боговой. М.: Сов. энциклопедия, 1936. 440 с.

его словарь пополнен главным образом за счёт технических терминов. В словарь дополнительно введены «выражения немецкого военного жаргона». С целью упрощения словарных статей составители отказались от гнездования. Символ †, сопровождавший в первом издании единицы военного жаргона, заменен на помету [жар.]. Для наглядности сопоставим фрагменты словаря первого и второго изданий, содержащие леммы с первым компонентом сложного слова *Kommiß*-:

1931	1936
<p>Kommiß... военный, строевой, строевого образца; казённый beim ~ sein состоять на действительной службе; ~ anzug <i>m</i> казённое (служебное) платье; ~ bäckerei <i>f</i> военная хлебопекарня; ~ brot <i>n</i> солдатский хлеб; ~ dienst <i>m</i> строевая служба (в отличие от штабной); ~ gewehr <i>n</i> винтовка военного образца; ~ hengst <i>m</i> † начальник-формалист. kommissig † придиричивый по службе. Kommission <i>f</i> комиссия. Kommißknopf <i>m</i> † см. Kommißhengst; ~ offizier <i>m</i> строевой офицер.</p>	<p>Kommiß... военный, строевой, строевого образца; казённый. Kommißanzug <i>m</i> казённое (служебное) платье. Kommißbäckerei <i>f</i> военная хлебопекарня. Kommißbrot <i>n</i> солдатский хлеб. Kommißdienst <i>m</i> строевая служба. Kommißgewehr <i>n</i> винтовка военного образца. Kommißhengst <i>m</i> [жар.] формалист. kommissig [жар.] придиричивый по службе. Kommission <i>f</i> комиссия. Kommißjesus <i>m</i> [жар.] «военный иисус» (прозвище военного служителя культа). Kommißknopf <i>m</i> [жар.] см. Kommißhengst. Kommißoffizier <i>m</i> строевой офицер. Kommißstiefel <i>m</i> солдатский сапог. Kommißtuch <i>n</i> «солдатское» сукно.</p>

Существенным отличием второго издания словаря стало введение специальных символов для обозначения видовой принадлежности слова, например, отношение понятия, выражаемого заглавным словом, к авиации сопровождается символом самолёта, к артиллерии — символом скрещенных мортир. Морские термины сопровождаются символом якоря, железнодорожные — символом локомотива, термины, относящиеся к кавалерии, — символом, напоминающим шахматную фигуру коня. Как и в первом, основное место в издании 1936 г. отводится словнику и словарю сокращений. В заключающих текстах словаря приводятся примеры обозначений войсковых частей и штабов и численности войсковых соединений. Эта информация, выходящая за рамки собственно двуязычной лексикографии, усиливает, говоря современным научным языком, лингвострановедческую, шире — культурологическую составляющую словаря, подчеркивает посредническую миссию составителей, которые стремятся сообщить пользователю словаря дополнительные знания о вооружённых силах страны входного языка.

Третьему изданию военного немецко-русского словаря, который вышел из печати в 1942 г., предшествовала публикация краткого дополнения, составленного адъюнктами Военного факультета западных языков Н.В. Гейн и Е.А. Гофманом и отредактированное А.М. Таубе⁵. Дополнение имеет формат записной книжки, оно помещено в мягкую, но прочную обложку серого цвета. В издательском предисловии сообщается, что в текст словника вошли новые термины; к отдельным словам, уже имевшимся в словаре, разработаны новые значения. Как сообщается далее в предисловии, эти термины взяты из новейших источников и материалов, полученных уже в ходе Отечественной войны с германским фашизмом (словосочетание «Великая Отечественная война» еще не введено в речевой оборот). Дополнительное издание предназначается для военных переводчиков и войсковых штабов действующей Красной Армии.

Несмотря на небольшой объём, дополнение сохраняет мегаструктуру военного немецко-русского словаря, его второго и последующих изданий. Дополнение открывается кратким издательским предисловием, за ним следует словник, словарь сокращений, справка обозначений отделов штаба. Отличительной чертой дополнения стала лексикографическая обработка новейших терминов, отражающих реалии начавшейся войны: **Jagdgruppe** *f* истребительная группа (*3 эскадрильи = 27 самолётов*), **Kommandobehörde** *f* орган командования (*от дивизии и выше*), **Rotte** *f* ав. двойка (*2 самолёта*), **Einfachfähre** *f* ординарный паром (*из 2 полупонтонов или цельных понтонов*), **einsetzen** применять, использовать, **Ladeschütze** *m* заряжающий, **einteilen** выделять, назначать, **Flakvierling** *m* счетверенная зенитная установка, **feldmäßig** в полевых условиях, **Hochbau** *m* подвеска провода, **Soldbuch** *n* солдатская книжка и др.

Обращает на себя внимание экстралингвистическая информация, содержащаяся в словарной статье — **Jagdgruppe** *f* истребительная группа (*3 эскадрильи = 27 самолётов*), **Kommandobehörde** *f* орган командования (*от дивизии и выше*), **Rotte** *f* ав. двойка (*2 самолёта*), **Einfachfähre** *f* ординарный паром (*из 2 полупонтонов или цельных понтонов*). Информация, казалось бы актуальная на данный отрезок времени, на самом деле сокращает время жизни словаря, так как организационная структура и вооружение воинских подразделений претерпевают постоянные изменения.

Третье издание военного немецко-русского словаря, датированное 1942 г., отличается от второго издания, осуществлённого в 1936 г.,

⁵ Дополнение к военному немецко-русскому словарю А.М. Таубе / Сост. Н.В. Гейн, Е.А. Гофман. Под ред. А.М. Таубе; Военный факультет западных языков. М.: Огиз, гос. изд-во ин. и нац. словарей, 1941. 96 с.

значительными дополнениями и изменениями⁶. С титульного листа исчезает фамилия одного из составителей словаря — Ф.Е. Кузнецова. Между основным текстом словаря и его дополнением располагается краткая информация военно-страноведческого характера — обозначения отделов штабов дивизии и примеры обозначения численности войсковых соединений, образующие два самостоятельных приложения к словарю. Основному словнику предпосланы: краткое издательское предисловие, рекомендации по пользованию словарём, список сокращений и немецкий алфавит. Словарь включает 35 000 слов и выражений из основных областей военного дела и около 6000 сокращений, применяемых в военной литературе. На титульном листе имеется также указание о месте разработки словаря — Институт иностранных языков Красной Армии. Текст дополнения, изданного шестью месяцами ранее в формате записной книжки, с минимальными поправками включается в третье издание.

Четвёртое издание словаря (1944) печатается с матриц третьего издания, переработке подвергается лишь дополнение⁷. В издательском предисловии сообщается, что около двух тысяч новых военных терминов добавлены старшим лейтенантом административной службы Л.Я. Борщевской и отредактированы доцентом Б.Э. Шванебахом. Расширяется раздел немецкого алфавита: наряду с латинским он включает готический шрифт, что объясняется необходимостью чтения армейскими переводчиками рукописных трофейных материалов⁸.

Пятое издание словаря выходит в свет в 1945 г. тиражом 50 тыс. экземпляров⁹. Слова и сокращения, размещавшиеся в дополнениях

⁶ Военный немецко-русский словарь: ок. 35 000 слов и ок. 6000 сокращений, применяемых в воен. лит.-ре. 3-е изд., испр. и доп. / Сост. Ф.Е. Кузнецов, А.М. Таубе; Гл. ред. О.Ю. Шмидт. Ред. Ф.Н. Петров, В.Г. Боговой; Ин-т иностр. яз. Красной Армии. М.: ГИС, 1942. 640 с.

⁷ Военный немецко-русский словарь / Сост. А.М. Таубе; Ок. 35 000 слов и выражений и ок. 6000 сокращ., 4-е изд. с прилож. доп.; Ин-т иностр. языков Красной Армии. М.: ОГИЗ, Гос. изд. иностр. и нац. словарей, 1944. 758 с.

⁸ Вспоминая свой фронтовой опыт работы военного переводчика, профессор М.Я. Цвиллинг пишет: «Своеобразные трудности возникают при работе с рукописными текстами (журналы боевых действий, приказы на уровне батальона-роты, солдатские письма, личные документы и т.д.). Многие бумаги писались буквально «на коленке», карандашом, нередко они попадали к нам размокшими или загрязнёнными. Дополнительной трудностью был рукописный готический шрифт («Deutsche Schrift»). Он и в образцовом исполнении труден для расшифровки, а в виде каракулей, наспех набросанных полуграмотным солдатом или унтером, и вовсе как китайская грамота. Справляться с этой задачей помогла подготовка, полученная в ВИИЯ — курсантов специально приучали разбирать трофейные письма и иные материалы» (см.: *Цвиллинг М.Я.* Военные переводчики — боевой отряд филологов // *Цвиллинг М.Я.* О переводе и переводчиках. Сборник научных статей. М.: Восточная книга, 2008. С. 33).

⁹ Военный немецко-русский словарь / Сост. А.М. Таубе. 5-е изд., перераб. и испр.; Ин-т иностр. языков Красной Армии. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1945. 612 с.

к третьему и четвёртому изданиям, в пятом издании вводятся в текст основного словника и словаря сокращений. В кратком предисловии сообщается, что словарь освобождён от значительной части устаревших слов и сокращений, относящихся к организации германской армии до 1935 г. и австро-венгерской армии. Исключается большое количество общетехнических терминов. Одновременно словарь пополняется новым материалом по последним германским источникам — уставам и трофейным документам. Перерабатывается словарь и в своей военно-страноведческой части — пополняется и уточняется список примеров обозначений войсковых соединений, частей и штабов, вводятся новые приложения, содержащие наименования чинов германской армии и чинов генералов и офицеров медицинской и ветеринарной служб. Существенное отличие пятого издания словаря от предыдущих состоит в том, что в нём традиционное предисловие «От издательства», обезличивающее авторское начало в создании словаря, заменяется на предисловие «От составителя», подписанное автором словаря.

Макроструктура словаря предопределяет отбор лексики, выбор принципа расположения слов и словарных статей, выделение омонимов, включение в корпус словаря и в приложения несобственно-лексикографических материалов — грамматических статей, иллюстраций и пр. [Так, 1990, с. 258—259].

Отбор лексики для включения в словник испытывает на себе влияние двух тенденций — экстенсивности, т.е. стремления авторов охватить максимальное количество единиц, и селективности, выражающейся в необходимости ограничить словник с учётом объёма и назначения словаря. В идеальном случае в основе отбора лексики лежат оригинальные тексты, образцы устной речи, немаловажную роль играет и личный опыт составителя. Имея в виду три издания словаря А.М. Таубе военных лет (третье, четвёртое и пятое), мы можем констатировать совершенствование словника за счёт исключения из него неактуальной лексики, отражающей реалии германских вооружённых сил первой трети XX в., и включения лексики, отбираемой из новейших трофейных текстов.

Речевой компонент в словаре представлен не только экспрессивно окрашенной лексикой (пометы *жарг.*, *разг.*), но и размещёнными в словарных статьях законченными фразами:

а) командами: zu Befehl! — слушаюсь! есть!; Gewehr ab! — к ногам!; ganze Abteilung — kehrt! — кругом! и т.п.;

б) указаниями-инструкциями, например на документах: Kenntnissnahme und Beachtung — принять к сведению и руководству; g. Kdos (geheime Kommandosache) — совершенно секретно; n.f.d. (nur für den Dienstgebrauch) — только для служебного пользования и др. (языковые примеры даются по пятому изданию словаря А.М. Таубе).

В основу отбора лексики военного немецко-русского словаря были положены следующие принципы:

1) соотношение синхронии и диахронии — обновление лексики, относящейся к военному делу в целом, как отражение эволюции в пределах соответствующих предметно-понятийных рядов;

2) соотношение общего и частного в словнике, когда некоторый общий фонд военной и общетехнической лексики противопоставлен лексемам, относящимся к различным вооружённым силам стран немецкоязычного ареала, различным отраслям военного дела или техническим отраслям, которые находят применение в военном деле;

3) соотношение языкового и речевого в словаре:

а) противопоставление исходной формы слова в словнике его реализации в речи — законченные фразы или устойчивые словосочетания, некоторые сокращения, употребляющиеся как законченные фразы;

б) противопоставление нейтральной лексики и лексики, отмеченной в функционально-стилистическом плане: канцелярской, жаргонной, разговорной.

Названные принципы реализуются в тексте словаря в расположении слов и словарных статей, его микроструктуре (структуре отдельной словарной статьи), лексикографировании омонимов, размещении несобственно лексикографических материалов.

Принятый в словаре принцип расположения слов и словарных статей — алфавитный, а для сложных слов с одинаковым первым компонентом и однокоренных (по одному из компонентов) фразеологизмов — алфавитно-гнездовой. В третьем и четвёртом изданиях словарное гнездо совпадает с рамками словарной статьи, иницированной соответствующим заглавным словом: **Landungsabteilung** *f* десантный отряд; **Landungsbefehl** *m* приказ о высадке десанта; **Landungsbrücke** *f* пристань; десантный мостик и т. п. В пятом издании словаря словарное гнездо включает и сложные слова с одинаковым первым компонентом: **Landungsabteilung** *f* десантный отряд; ~ **fähre** *f* десантный паром.

Микроструктура словаря (структура отдельной словарной статьи) включает заглавное слово, его переводной эквивалент или толкование, например: **befehlen** приказывать, **Beobachtung** *f* наблюдение. Если не находится переводной эквивалент, то, как правило, раскрывается образность внутренней формы слова: **Blaujacke** *f* «синяя куртка» (прозвище матросов), **Dachs** *m* егерский ранец; «барсук» (прозвище молодых офицеров). Словарная статья может включать одно слово или несколько, в последнем случае она организована как словарное гнездо: **khaki** цвета хаки, защитного цвета (см. *m*[акже]. *feldgrau*), **befestigt** укреплённый, **Troddel** *f* темляк, **Handgemenge** *n* рукопашная схватка; ~ **granate** *f* ручная граната.

Сокращения отдельных слов приводятся непосредственно как в словарной статье, например, **Haubitze** *f* *сокр.* **H.**, **Hb.** гаубица, **Furt** *f* *сокр.* **Ft.** брод, так и в отдельном списке сокращений, который располагается непосредственно за словником: **Krkrtrg.** Krankenträger санитар-носильщик, **Stellv.** Stellvertreter заместитель, **Div.** Division дивизия и др. Омонимы в словаре сокращений образуют отдельные словарные статьи: **Е.К.** eiserne(s) Kreuz железный крест (орден), **Е.К.** Ersatzkompanie запасная рота, рота «эрзаца»; или как одна словарная статья: **l.** lang длинный, leicht легкий, links налево.

Непременная часть словарной статьи — пометы, обозначающие различные сферы употребления слова. В зависимости от вида помет составители словаря выступают то в роли лингвиста, то в роли эксперта военного дела. Грамматические пометы указывают на род существительных: **Heer** *n* сухопутная армия, войско, **Rücklauf** *m* откат (орудия), **Verteidigung** *f* оборона. Стилистические пометы указывают на принадлежность заглавного слова к канцелярской лексике, к военному жаргону, на его отношение к основному фонду военной лексики (имеется в виду устаревающая или устаревшая лексика). Слова, относящиеся к военному жаргону, сопровождаются символом †: **Etappenschwein** *n* † «герой тыла», **Gulaschkanone** *f* † походная кухня. Символом * (звездочка) помечена устаревшая, вышедшая из употребления лексика: **Bureau*** *n* бюро; канцелярия; отдел, **dechiffrieren*** *см.* entziffern, **Terrain** * *n* (*см.* *m*[акже] Gelände). Часть помет обозначает принадлежность заглавного слова к региональной лексике и терминологии, употребляющейся или употреблявшейся в национальных армиях Германии [Г.], Австрии [А.], Австро-Венгрии [А.В.], Швейцарии [Шв.]. **Oberbefehlshaber** *m* главнокомандующий; командующий армией [Г.], **Kraftfahrzeug** *m* автотранспортный взвод [А.], **Aufführer** *m* разводящий [А.В.], **Ambulanz** *f* *сокр.* **Amb.** полевой госпиталь [Шв.].

Часть лексики сопровождается пометами по отраслевой принадлежности: ав. — авиация, арт. — артиллерийское дело, вет. — ветеринарное дело, кав. — кавалерия, м. — морское дело, мет. — метеорология, ф. — фортификация и т.п.: **Landebahn** *f* посадочная дорожка (зона) [ав.], **Reizwirkung** *f* раздражающее действие [хим.], **Ruderpinne** *f* румпель [м.], **Sandsack** *m* мешок с песком [ф.], **Seitenabweichung** *f* деривация, боковое отклонение [арт.].

Словарная статья может начинаться заглавным словом — не только существительным, но и глаголом, прилагательным, причастием вторым. Одно и то же терминологическое словосочетание может располагаться одновременно в двух словарных статьях: например, **blinder Schuß** «холостой выстрел» находим в гнезде **blind** и в гнезде **Schuß**, или только в одной словарной статье: например, **geschlossener Einsatz** «введение в дело [использование] целиком»

(сегодня мы бы уточнили — «боевое применение [введение в бой] в полном составе». — *Б.Б.*) размещается в словарной статье с заглавным словом **geschlossen**, в то время как словарная статья с заглавным словом **Einsatz**, включающая несколько аналогичных двухкомпонентных терминологических словосочетаний — **besonderer Einsatz**, **einheitlicher Einsatz** и др., словосочетание **geschlossener Einsatz** не содержит.

Аналогично словосочетание **zum Angriff schreiten [vorgehen]** ‘перейти в наступление’ находим и под **Angriff**, и под **schreiten**, и под **vorgehen**, в то время как **das Gewehr strecken** «положить ружье, сдаться» (точнее было бы «сложить оружие». — *Б.Б.*) располагается только в гнезде с заглавным словом **Gewehr**, а гнездо **strecken** ограничивается словосочетанием **eine Drahtleitung strecken** *св.* «тянуть» провод.

Проблемы омонимии в словнике не находят своего последовательного решения. Об индикации омонимов ничего не говорится в инструкции о пользовании словарём, однако, просматривая словник, обнаруживаем у нескольких омонимов-существительных традиционные индексы в виде римских **I** и **II**: **Haft I f** арест, заключение, содержание под стражей и **Haft II m** связь, сцепление; застежка; **Leiter I m** проводник; руководитель; начальник (учреждения, отдела) и **Leiter II f** лестница; *мор.* трап. Разделение омонимов по словарным статьям проведено непоследовательно, что подтверждается статьей **See m** озеро; море. Омонимы **See I m** озеро и **See II f** море могли бы составить содержание отдельных словарных статей.

Омонимы-глаголы не индексированы: **ansprechen** ‘заговаривать; окликать; распорядиться; реагировать; приходить в действие; взрываться’, тогда как с учетом категории переходности/непереходности и семантики могло бы быть: **ansprechen I vi** и **ansprechen II vi** в форме самостоятельных словарных статей.

Переходные глаголы-омографы типа **überführen** и **überführen**, **umstellen** — **umstellen** разнесены по самостоятельным словарным статьям в силу различия семантики и парадигм формообразования: **überführen** — **führte über** — **übergeführt** «переводить, перевозить; перекладывать, перемещать; перечислять» и **überführen** — **überführte** — **überführt** «уличать»; **umstellen** — **stellte um** — **umgestellt** «переключать, переставлять» и **umstellen** — **umstellte** — **umstellt** «окружать, оцеплять».

Несобственно-лексикографические материалы в корпусе словаря представлены эксплицитно в форме приложений в пятом издании, это: «Примеры обозначения войсковых соединений и штабов», «Обозначения отделов штаба», «Чины германской армии», «Чины генералов и офицеров медицинской и ветеринарной службы». Од-

нако немалую долю военно-страноведческой (шире — энциклопедической) информации содержат пояснения, имеющиеся в отдельных словарных статьях. В самом общем виде их типология может быть представлена следующим образом:

— пояснения, характеризующие организационную структуру войсковых подразделений, частей и соединений: **Beritt** *m* кав. отделение (низшее адм.-хоз. подразделение), **Feldwache** *f* полевой караул (силой от отделения до взвода), **Kampfgruppe** *f* боевая ударная группа (временное тактическое соединение);

— пояснения, характеризующие наименования должностей, воинских званий, категорий военнослужащих: **Ministerialrat** *m* министерский советник (военный чиновник в ранге полковника), **Wachtmeister** *m* вахмистр (старший сержант в коннице, артиллерии и войсках связи), **Kommandeur** *m* командир; штатный командир (батальона и выше);

— пояснения, характеризующие особенности призыва, прохождения службы, социального обеспечения: **Dienstverpflichtung** *f* служебное обязательство, контракт (для добровольцев), **vermißt** пропавший без вести; пропал без вести (пометка), **Sterbegeld** *n* трёхмесячное пособие семье умершего (в размере полного оклада);

— пояснения, характеризующие отдельные средства вооружённой борьбы (маркировку, калибр, вес, год изготовления и т.п.): **Infanteriegeschütz** *n* пехотное орудие; **leichtes I.** легкое (75-мм) пехотное орудие, **Blaukreuz** *n* «синий крест» (марка химических снарядов с раздражающими ОВ), **Abreibkappe** *f* предохранительный колпачок (ручной гранаты обр. 1939 г.);

— пояснения, характеризующие особенности протекания боевых действий, команд, сигналов: **kommen** передавайте, перехожу на приём (служебное слово в радиотелефонии), **nah** близкий; ~e **Entfernung** короткая дистанция, ближнее расстояние (100—400 м для пехоты), **verlustreich** с большими потерями; кровопролитный (о бое);

— пояснения, характеризующие вооружённые силы Германии на разных этапах их строительства и реалии фашистской Германии: **Reichswehr** *f* рейхсвер (официальное название вооружённых сил Германия в 1919—1935 гг.), **Gauleiter** *m* гауляйтер, областной руководитель, ~ **leitung** *f* областное руководство (фашистское), **Grenadier** *m* гренадёр (с ноября 1942 г. — название рядовых германской пехоты);

— пояснения, характеризующие исторические реалии: **Fähnlein** *n* *ист.* отряд ландскнехтов (силой 400 человек), **Chevaulegers** *m* *pl* (читай: шволежэ) *ист.* «шеволежеры» (баварская легкая конница), **Kohorte** *f* *ист.* когорта (400—500 человек);

— пояснения, характеризующие предназначение и технические свойства материалов: **bucken** подпрыгивать (об оружии при выстре-

ле), **stoßen** толкать, ударять(ся); наносить удар; вгонять; втыкать; сращивать; отдавать (о ружье), **Feldfernkabel** *n se.* полевой телефонный кабель для дальней связи; полевой кабель дальнего действия (4-жильный с резиновой изоляцией);

— пояснения единиц измерения: **Seemeile** *f* морская миля (в Германии 1852 м), **Neustrich** *m* тысячная (1/6400 окружности), **Pfund** *m* фунт (500 г).

Проблема несобственно-лексикографической информации в словаре по своей сущности смыкается с более широкой проблемой соотношения лингвистического и экстралингвистического в словаре. Она может рассматриваться как в противопоставлении «словник — приложения», т.е. на уровне макроструктуры словаря, так и в рамках словарной статьи, т.е. на уровне микроструктуры словаря.

В словарной статье противопоставляются её лингвистический и экстралингвистический компоненты. Лингвистический компонент — это грамматический и реже фонетический комментарий слова, выделение и классификация значений, речевые / языковые иллюстрации, фразеология и идиоматика. Экстралингвистический компонент может включать энциклопедические, культурно-исторические и этнолингвистические сведения. Экстралингвистический компонент выражен, как было показано выше, частично пометами, частично пояснениями, входящими в состав словарного определения (в словарях пояснения, как правило, помещаются в круглые скобки и набираются курсивом). Задолго до теоретической дискуссии о том, нужно ли отражать энциклопедические, культурно-исторические и этнолингвистические сведения в толковых и переводных словарях и какое они должны занимать место в структуре словарной статьи¹⁰, военная лексикография решила этот вопрос практически уже в военные и послевоенные годы.

Предпринятый нами краткий анализ Военного немецко-русского словаря изданий 1931, 1936, 1942, 1944 и 1945 гг. позволяет сделать вывод о том, что данный словарь представляет собой лексикографическое пособие:

— отражающее изменения в организации воинских формирований, средствах вооружённой борьбы, военном деле в целом (отбор лексики, пополнение словника);

— отвечающее потребностям практического переводчика, который работает в отрыве от больших библиотек, отсюда политехничность словаря, его военно-страноведческий и энциклопедический аспекты;

¹⁰ *Иванищева О.Н.* Лексикографирование культуры / Мурм. гос. пед. ун-т. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2004. С. 10.

— удовлетворяющее минимальным потребностям использования слова в речи (грамматические пометы — род, в отдельных случаях — число, рекомендации по произношению заимствований, фразеология и идиоматика).

Сильные качества этого лексикографического пособия заключаются в его универсализме, в удавшейся попытке автора/составителя собрать оптимально необходимое в одном томе. В своём завершённом варианте — пятом издания 1945 г. — Военный немецко-русский словарь представляет собой оптимальную модель двуязычного словаря, объединяющего в себе качества переводного словаря и справочного пособия, необходимые практическому переводчику.

Список литературы

- Берков В.П.* Двуязычная лексикография: Учебнк. М.: Астрель [и др.], 2004.
- Гак В.Г.* Лексикография // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. Энциклопедия, 1990. С. 258—259.
- Иванищева О.Н.* Лексикографирование культуры / Мурм. гос. пед. ун-т. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2004. 133 с.

Н.К. Гарбовский,

доктор филологических наук, профессор, декан Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова,

Э.Н. Мишкuroв,

доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, профессор Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: Mishkurov@inbox.ru

ВОЕННЫЙ ПЕРЕВОД В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ (ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ, ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ, ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

В статье освещаются вопросы теории, методологии и истории военного перевода в нашей стране, а также специфика военной речи, обусловленная специфическими условиями коммуникации. В статье кратко описываются изменения, происходившие в русском языке в период Великой Отечественной войны. В статье представлены основные положения современной теории военного перевода, показано место военно-терминологических разысканий в науке о переводе. Особое место уделено вопросам подготовки военных переводчиков и истории становления теории военного перевода.

Ключевые слова: теория военного перевода, военная речь, речевые жанры и функциональные стили, профессиональная речь, подготовка переводчиков.

Nikolai K. Garbovsky,

Dr.Sc. (Philology), Professor, Dean of the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Moscow Russia.

Eduard N. Mishkurov,

Professor, Dr. Habit. Arabic Studies, Professor at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: Mishkurov@inbox.ru

Military Translation in the Modern World: Theoretico-Methodological, Linguistic, Historical and Politico-Social Aspects

The article deals with a variety of issues relating to the theory, methodology and history of military translation, as well as the specificity of military parlance. The authors analyze the changes the Russian language underwent during the Great Patriotic War along with the basics of the modern theory of military translation and the place of military terminology research in the science of translation. A special emphasis is put on quality training of military translators/interpreters.

Key words: military translation theory, military parlance, functional styles, professional discourse, quality training of translators/interpreters.

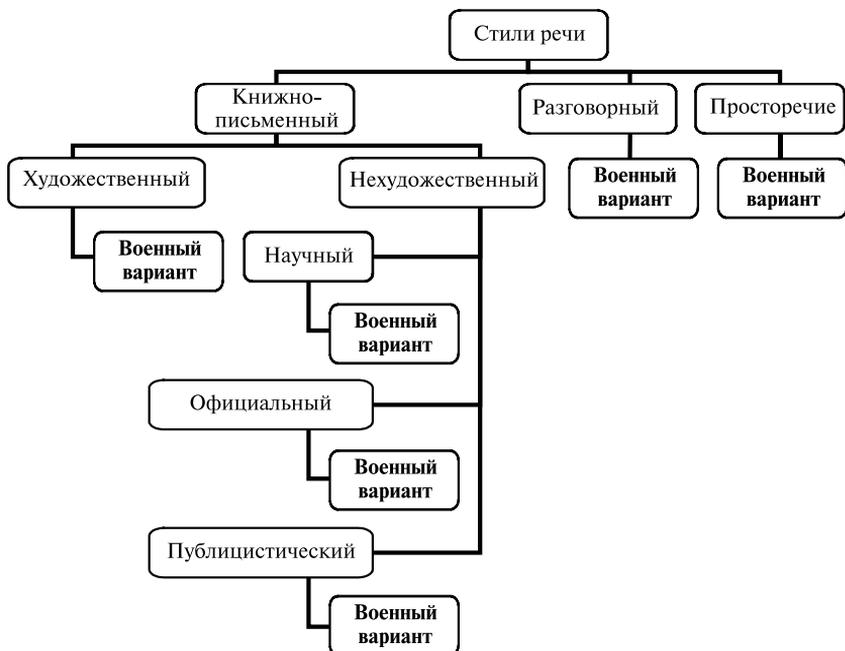
Военный перевод — это «один из видов специального перевода с ярко выраженной военной коммуникативной функцией». Его отличительной чертой является «большая терминологичность и предельно точное, четкое изложение материала при относительном отсутствии образно-эмоциональных выразительных средств» [Не-

любин, 2003, с. 32]. В военном переводе в максимально концентрированном виде отражаются характерологические черты и свойства всех подвидов перевода в самых различных сферах профессиональной коммуникации: научного, научно-технического, юридического, медицинского и многих других, но, кроме того, и публицистического, и даже художественного.

В качестве своего объекта военный перевод имеет так называемую «военную речь», т.е. все те речевые произведения, которые порождаются военными либо для военных, в специфических условиях коммуникации. Военная речь, таким образом, может рассматриваться как специфическая форма речевой коммуникации, присущая определённой профессиональной общности, объединённой общностью предмета своей деятельности. «Каждое более или менее оформленное сообщество людей и каждый вид деятельности стремится создать свой особый “язык”», — писал Шарль Балли [Балли, 1961, с. 252], отмечая зависимость выбора и речевой организации средств выражения от социальной среды. «Такое “языкотворчество”, — продолжал швейцарский лингвист, — объясняется целым рядом обстоятельств, чаще всего специфическими потребностями, свойственными каждой отдельной форме существования мысли; совокупность людей, которым присуща данная форма речи, и совокупность условий, определяющих её создание и сохранение, — вот что мы называем (за неимением более точного термина) средой» [там же]. В этом высказывании привлекают внимание два положения: первое — о том, что форма речи соответствует форме существования мысли, второе — о том, что специфичность речи того или иного коллектива определяется спецификой среды его обитания и функционирования.

Было бы ошибкой сведение всех коммуникативных жанров, функционирующих в сфере военной деятельности, к какому-либо одному функциональному стилю, несмотря на то что они обслуживают некую общую среду, общую сферу коммуникации. В этой коммуникативной сфере обнаруживаются специфические варианты самых различных функционально-коммуникативных систем: военно-официальный, военно-научный, военно-публицистический, военно-художественный типа военного арго, военно-исторический и тому подобные варианты известных функциональных стилей (см. схему).

Чёткое различие этих военных вариантов функциональных стилей позволяет, в свою очередь, идентифицировать наличие определённых общих характеристик, образующих обособляющие признаки соответствующих вариантов. Несомненно, что обнаружение и изучение таких характеристик или тенденций представляет как теоретический, так и практический интерес [см. подробнее: Гарбовский, 1978, с. 34—35].

Схема

Первый главный вопрос, на который следует ответить, признав исключительную вариативность речевой коммуникации в военной сфере, это вопрос о причинах этой вариативности. Для того чтобы попытаться ответить на этот вопрос, нужно вспомнить о том, что является предметом деятельности в военной сфере. Этим предметом оказывается война, т.е. вооружённый конфликт, представляющий собой социальную опасность как для общества в целом, так и для отдельных индивидов. Всем известно высказывание Клаузевица о том, что война есть продолжение политики иными средствами. Но продолжение политики — это дело политиков. Для общества война — это продолжение жизни, но в иных условиях, в условиях стресса, целого ряда социальных ограничений, постоянной угрозы жизни, жёсткого подчинения законам военного времени. Общество, вовлечённое в войну, оказывается вовлечённым в особую среду и начинает выражать свои мысли в речевых формах, принятых в этой среде. Но эти мысли не только о войне и предполагают свойственные им формы речевого выражения.

Эта двойственность специфических условий особой сферы общения и вариативность предметов мысли в этих общих условиях и объясняет специфику военной речи.

Обратимся к русской речи и изменениям, которые произошли в ней под воздействием определённых социальных факторов в периоды войн, в частности во время Великой Отечественной войны.

Изменения, происходящие в языке под воздействием войн, подробно анализировались в работах ряда исследователей: А.Н. Кожина, П.Н. Денисова, А.В. Миртова, П.Я. Черных, Ф.П. Филина, А. Доза и других.

Рассматривая перемены, происшедшие в русском языке под воздействием событий Великой Отечественной войны, А.Н. Кожин пишет: «Великая Отечественная война... оставила глубокий след в русском языке, игравшем важную роль в деле мобилизации всех сил народа на священную борьбу с немецко-фашистскими захватчиками» [Кожин, 1975, с. 3]. О.С. Мжельская в обзоре лингвистических исследований русского языка эпохи Великой Отечественной войны отмечает, что библиография научных исследований о языке в эпоху Великой Отечественной войны составляет не менее 100 названий, из них 40 непосредственно посвящены лексике и фразеологии, а также некоторым явлениям морфологии и синтаксиса [Мжельская, 1975].

Влияние войн на язык имеет различные проявления и, как отмечал П.Я. Черных, «не ограничивается появлением новых слов, лексических новообразований, по большей части, вероятно, временного характера, вызванных условиями и обстоятельствами военного времени» [Черных, 1946, с. 98]. Под влиянием Великой Отечественной войны, пишет далее исследователь, «русский язык приобрёл международное значение, укрепилась его роль как языка межнационального общения, как языка нации и оружия связи в дружной семье советских народов, была убедительно доказана необходимость глубокого изучения русского языка нерусскими, для всех советских людей всех национальностей русский язык стал роднее под угрозой “онемечивания”» [там же]. Иначе говоря, изменяются общественные функции языка.

Войны между колонизаторами и народами, борющимися за свою независимость (национально-освободительные войны), способны изменить социальные функции языков в условиях двуязычия. Изменение языковой политики освободившегося из-под колониального ига народа в результате национально-освободительных войн проявляется в расширении общественных функций местных языков и соответственно в сокращении общественных функций европейского языка как государственного. Примером может служить процесс «арабизации» в арабских странах Ближнего Востока и Северной Африки, в частности в Алжирской Народной Демократической Республике, в Сирийской Арабской Республике и др. [Мишкур, 1986]. Напротив, в условиях множественности регио-

нальных диалектов европейский язык способен выполнять интегрирующую функцию и служить объединению народа в борьбе за независимость. Так, Й. Кларк считает, что в годы борьбы за независимость партизаны ФРЕЛИМО смогли создать хорошо обученную армию только благодаря португальскому языку, так как ни один из региональных языков не являлся средством общения большинства населения Мозамбика [Klark, 1983, p. 287].

Что касается непосредственно языковой системы, то изменения затрагивают в первую очередь ее лексический уровень, т.е. наиболее подвижную часть системы, которая в большей степени, чем фонетика и грамматика, допускает «вмешательства» извне. Хотя некоторые изменения происходят и в грамматике. «В годы Великой Отечественной войны, — пишет А.В. Миртов, — отдельные грамматические категории и формы современного русского языка или активизировались, или обнаружили некоторые изменения в своем стилистическом использовании» [Миртов, 1953, с. 99].

Наиболее общими тенденциями изменения в лексической системе языка в периоды войн любого типа являются активизация военной терминологии во всех функционально-стилистических разновидностях речи; развитие системы военной терминологии; появление новых терминов, называющих новые денотаты; изменение объёма значений некоторых слов общего языка благодаря семантическим переносам (лексическим метафорам); появление неологизмов, заимствованных из языка противника, часто с пейоративным оценочным значением, и т.п. Все эти изменения отмечаются в многочисленных работах, посвящённых исследованию русского языка эпохи Великой Отечественной войны.

Значительное влияние на изменения, происходящие в языке, оказывает участие в войнах широких народных масс. По этому поводу А. Доза писал: «Война 1914 г. снова перемешала классы общества: одни люди разорились, другие обогатились, — и еще раз сблизилась оба типа языка: народные слова и обороты проникают в круги, раньше для них закрытые, а писатели употребляют их, по крайней мере в диалогах, особенно в военных романах и рассказах» [Доза, 1956, с. 49]. В первую очередь эти изменения затрагивают систему военной терминологии. У военных терминов появляется немало неофициальных некодифицированных дублетов, которые представляют собой «невоенные наименования» денотатов из области военного дела. «В условиях войны, — пишет А.Н. Кожин, — получили распространение семантические переносы слов производственного и хозяйственного быта, социально-политической и культурной жизни на явления и предметы фронтового быта и военной техники» [Кожин, 1956, с. 25].

Изменения в сознании масс, вызванные войной, находят свое отражение в речи, прежде всего в её обиходно-бытовой разновидности. Активно разнится военное просторечие. Благодаря средствам массовой информации оно выходит за пределы узкопрофессионального употребления и подобно некоторым техническим терминам получает всеобщее распространение. Вновь вступают в оборот забытые формы, уже употреблявшиеся в период предшествовавших войн. Так произошло и со многими формами военного просторечия французского языка, появившимися в период Первой мировой войны, вышедшими из употребления в период между двумя войнами и вновь начавшими функционировать с началом Второй мировой войны, например: *arnac, buter* etc. [Dauzat, 1941, p. 289; 1959, p. 128].

Э.М. Береговская, рассматривая солдатское арго как один из источников расширения лексического фонда французской художественной речи, отмечает, что оно «расцвело пышным цветом в траншеях и на полях сражений первой мировой войны» [Береговская, 1978, с. 29]. Называя причины появления военного арго, исследователь приводит высказывания В.М. Жирмунского, который видит их в специфических условиях «позиционной войны, когда миллионы трудящихся, оторванные от повседневных трудовых и бытовых забот и интересов, в течение многих месяцев населяли окопы, находясь в непрерывном общении друг с другом и в одинаковой необычной обстановке походной жизни» [там же], а также в эмоциональном напряжении, вызванном доминирующим сознанием привычно грозящей смерти. Однако, видимо, не сами «специфические условия» явились причиной развития солдатского просторечия и активизации его употребления, а вызванные этими условиями изменения в обыденном сознании масс. Значимость изменений в обыденном сознании масс, вызванных войной, косвенно подтверждается тем, что именно военное просторечие *argot militaire* считается исследователями наиболее развитым по сравнению с просторечиями других социально-профессиональных групп [Береговская, 1979, с. 7; Pohl, 1953, p. 125].

Наряду с отмечающейся в периоды войны активизацией заимствования из языка противника происходит и обратный процесс — «национализация» словаря военной терминологии, замены ряда иноязычных военных терминов национальными. Этот процесс обусловлен именно участием в войне широких народных масс. В этой связи показательными являются изменения в военной терминологии, произошедшие в период войны 1812—1816 гг., которой, как известно, предшествовал период активного заимствования военных терминов из европейских языков и главным образом из французского. Сравнивая словари военных сочинений Суворова

и Давыдова, исследователи отмечают, что у Давыдова уже не употребляются многие иноязычные слова, такие, например, как *деташмент*, *депюада*, *ретирада* и т.п., активно использовавшиеся в речи Суворова. В официальных же военных документах времён Давыдова иноязычные слова, характерные для суворовского времени, встречаются еще довольно часто [см. Корчагина, 1974]. Примечательно, что именно в речи Дениса Давыдова, талантливого полководца и поэта, одного из инициаторов и организаторов партизанского движения, привлёкшего к вооружённой борьбе широкие массы народного ополчения, с опережением по сравнению с официальной военной речью происходит замена иноязычных военных терминов русскими.

Тенденция к освобождению русской военной терминологии от иноязычных элементов, впервые появившаяся во время Отечественной войны 1812 г. в речи социальных групп, утвердилась и развилась в последующий период. Так, в «Военном энциклопедическом лексиконе» 1854 г. слова *депюировать*, *депюирование*, *депюада*, произошедшие от фр. *déployer*, *déploiement*, определяются как «военно-технические термины, которых можно легко избежать, употребляя вместо них с совершенною точностью рус. развернуть, развертывание, как, например, развернуть силы, войска, фронт, крыло, колонну и так далее» [Военный энциклопедический лексикон, 1852—1858, т. 5, с. 36].

Большой интерес представляет период гражданских войн, когда нация, объединённая общностью территории, общностью черт национального характера и, что наиболее важно, общностью языка, оказывается расколотой на два противоборствующих военных лагеря.

Говоря о гражданской войне 1918—1920 гг. в нашей стране, тонкий знаток русского языка А.Н. Толстой писал: «На самом деле корниловский “ледяной поход” имел чрезвычайное значение. Белые нашли в нём впервые свой язык, свою легенду, получили боевую терминологию...» [Толстой, т. 6, с. 389]. Несомненно, что «свой язык», «своя терминология» были и у красных.

Одной из особенностей развития языка под влиянием событий гражданской войны является двойственность оценочной коннотации, обусловленная обозначением одним словом различных денотатов, сигнификаты которых различаются оценочным и идеологическим значением. Так, слово *доброволец* употреблялось для обозначения бойца, добровольно вступившего в ряды Красной Армии (пример: известный плакат Д.С. Моора 1920 г. «Ты записался добровольцем?»), а также для обозначения белогвардейцев добровольческой армии Деникина («Когда добровольцы, пристрелив пленных и запалив, — чтобы вперед помнили, — станичное управление, ушли дальше к югу...» [Толстой, 1959, т. 6, с. 341]). Как видно

из приведенных примеров, омонимичная пара, обозначая разные денотаты, имеет различное идеологически обоснованное оценочное значение.

Мы разделяем точку зрения П.Я. Черных [Черных, 1946, с. 9] и других исследователей [см. Dauzat, 1959, р. 128] о том, что большая часть изменений, происходящих в языке, особенно в лексическом составе в период войны, носит временный характер и с переходом общества к нормальной жизни выходит из общего употребления. Однако в военной социально-профессиональной сфере общения эти новообразования закрепляются речевой традицией, занимая прочное место в соответствующей профессионально-коммуникативной системе. Поэтому мы вправе говорить о том, что профессионально-коммуникативная система, обеспечивающая общение в военной профессиональной сфере деятельности, получает наибольшее развитие в периоды войн под влиянием целого комплекса экстралингвистических факторов, среди которых основными являются следующие: специфика деятельности, степень участия в войнах широких народных масс и соответственно степень перестройки уклада жизни всей языковой общности на военные рельсы, социальный тип войн.

Специфика военной профессиональной сферы деятельности заключается прежде всего в том, что эта деятельность разворачивается в обстановке постоянной опасности, в которой от быстроты, точности и корректности действий зависит жизнь воинского коллектива. Специфика деятельности предполагает такие черты речи, как краткость, лаконичность, предельная ясность и точность, исключающая всякую двусмысленность. Это находит свое выражение в использовании строго определённых клишированных языковых форм в текстах таких жанров профессиональной речи, которые призваны регламентировать военную деятельность, т.е. жанров команд, боевых документов (приказов, донесений и т.п.), наставлений, инструкций, уставов и т.п. Военный язык, отмечается в одной из работ, посвящённых вопросу культуры речи военнослужащих, является важным средством общения военнослужащих в бою и на службе (учебе). Он неразрывно связан с оперативным мышлением командиров. Решительный характер современного общевойскового боя, его быстрота и скоротечность, резкое изменение обстановки в ходе боевых действий, когда дорога не только минута, но и каждая секунда, — все это предъявляет повышенные требования к военному языку и его терминологии. «... Военному языку, — отмечает П. Трифионов, — сегодня как никогда прежде присущи краткость и чёткость, ясность и сжатость формулировок, где каждое слово не только объясняет, но и убеждает» [Трифионов, 1970, с. 40].

Аналогичные требования к речи военнослужащих мы встречаем в работах французских авторов: «Or qu'il soit dans le feu de l'action ou qu'il s'adonne à des tâches de réfraction, il est indispensable que le militaire soit toujours parfaitement compris. Un message mal rédigé peut compromettre le succès d'une opération, une circulaire confuse provoquer des erreurs d'interprétation dommageables, un texte ambigu fournir au destinataire rétif un prétexte pour ne pas exécuter un ordre qui ne lui sourit guère» [De Larminat, 1979, p. 22]. (*И в бою, и в ходе восстановительных работ необходимо, чтобы военнослужащие всегда прекрасно понимали друг друга. Плохо составленное сообщение может повредить успеху операции, запутанный циркуляр может вызвать его неверное толкование и тем самым нанести ущерб, двусмысленный текст — дать повод нерадивому адресату не выполнять приказ, который ему не нравится*), ...или «le langage militaire met en relief certaines caractéristiques propres de la langue française. C'est un langage simple et direct» [Fougère, 1979, p. 12]. (*...военная речь подчёркивает некоторые свойства французского языка. Эта речь проста и однозначна.*)

Специфика боевой деятельности приводит к насыщению текстов сообщений именами деструктивных процессов.

На состояние языка в некоторой степени оказывает влияние даже стратегическая концепция войны. Вот что писал о позиционной войне как об одном из условий заимствований А. Доза: «Война в настоящее время ведёт к изоляции наций за линиями траншей; наоборот, в прежние времена она создавала возможности для взаимного проникновения и обмена» [Доза, 1956, с. 136]. Современные военные конфликты, предполагающие участие многонациональных сил, создают благоприятные условия для обогащения военного языка новыми заимствованными единицами, главным образом из английского языка.

С точки зрения общей типологии профессиональной речи большая часть речевых жанров, закреплённых за военной сферой деятельности, относится к области интрапрофессиональной коммуникации, т.е. коммуникации, не выходящей за пределы профессиональной общности.

Интрапрофессиональные жанры в данной сфере деятельности делятся на «распредмечивающие» (военная публицистика — газетные и журнальные жанры, военно-научная коммуникация — жанры научных статей, монографий и т.п., военно-дидактическая коммуникация — учебники, учебные пособия и т.п. по военному делу) и регуляционные (общевойсковые уставы, наставления, инструкции и т.п., а также приказы, команды, листовки, донесения, распоряжения и т.п.) Промежуточную позицию занимает жанр боевых уставов, который характеризуется двойственностью прагма-

тической цели: цель овладения деятельностью сочетается с целью её регуляции.

Ряд жанров, закреплённых за коммуникацией в военной сфере деятельности, обнаруживает сходные черты с жанрами, свойственными общению в других профессиональных общностях. Это относится прежде всего к военной публицистике, к военно-научной и военно-дидактической коммуникации.

В то же время коммуникация в военной сфере осуществляется в форме жанров, отличающихся значительной спецификой. Это прежде всего относится к жанру боевых уставов — жанру, не имеющему аналогов в «невоенной» коммуникации: боевые документы (приказы, донесения и т.п.), команды и листовки.

Жанры профессиональной речи в военной сфере деятельности отличаются от однопорядковых языковых явлений, т.е. разновидностей профессиональной речи других социально-профессиональных групп, других видов профессиональной деятельности, прежде всего преференциальной отнесенностью к определённому предмету деятельности, что обуславливает соответствующий состав профессионально-коммуникативной системы, обеспечивающей речевое воздействие в данной профессиональной сфере, а именно наличие в ней лексико-фразеологических единиц, соотнесённых с референтами из области военного дела, из сферы жизни и деятельности воинских коллективов.

Военная лексика формирует ядро данной профессионально-коммуникативной системы. Именно наличие военной лексики служит первым и достаточно надёжным критерием, позволяющим отнести то или иное сообщение к профессиональной речи военнослужащих, т.е. квалифицировать его как военный текст.

Профессионально-коммуникативная система как лингвистическая система средств выражения, обеспечивающая коммуникацию в пределах определенной сферы профессионально-ролевого взаимодействия, включает в себя область языковых единиц со специальным значением, обозначающих понятия и объекты конкретной профессиональной сферы коммуникации, — термины и профессионализмы и область связывающих средств, применяющихся для указания на семантические, синтаксические и прагматические отношения, в которые вступают термины в речи.

Ядро профессионально-коммуникативной системы составляет не вся область специальных языковых единиц, а лишь та её часть, которая включает в себя языковые единицы, объединяемые архисемой, отражающей включённость данного понятия в понятийную область, соотнесённую с конкретной областью профессиональной деятельности. Таким образом, ядро профессионально-коммуникативной системы, обеспечивающей общение в военной

сфере профессиональной деятельности, составляют военные термины и «военные профессионализмы», т.е. номинативные единицы, соотнесённые с понятиями из области военного дела (военной науки, техники, военной администрации и т.п.), в семантической структуре которых наличествует компонент «военный» или «боевой», являющийся архисемой для данной совокупности номинативных единиц. Данное уточнение представляется весьма важным в связи с тем, что в области военного дела существует масса понятий, которые имеют лишь косвенное отношение к данной отрасли знаний. Их число превышает число собственно военных понятий. Наименования, соотнесённые с такими понятиями, вряд ли целесообразно рассматривать как военные термины. Они составляют класс общих (общенаучных, общетехнических) интерпрофессиональных терминов.

Термин «сержант» является военным термином, ибо в его семантической структуре имеется сема «военный»; сержант — это прежде всего воинское звание, и поэтому если мы захотим использовать его по отношению к денотату из иной области, то будем вынуждены нейтрализовать сему «военный», что и происходит, например, в словосочетании «сержант милиции», где сема «военный» нейтрализуется детерминативом «милиции». Напротив, термин «самолёт», широко используемый в самых различных военных текстах, становится военным термином лишь в сочетании с детерминативом: самолёт-ракетоносец, противолодочный самолёт, боевой самолёт, самолёт-цель. Причем если в первых трёх словосочетаниях сема «военный» содержится в детерминативах «ракетоносец», «противолодочный», «боевой», то в сложном имени самолёт-цель сема «военный» возникает только в сочетании двух компонентов, каждый из которых по отдельности этой семы не содержит, т.е. в этом случае составное наименование приобретает как бы некоторую идиоматичность в связи с тем, что новое значение, образовавшееся путём совмещения значений компонентов, выходит за рамки простой суммы этих значений — в нём появляется новая сема, которая отсутствовала в каждой из объединённых вместе лексем. В результате возникает качественно новое семантическое образование:

1-й компонент: самолёт + 2-й компонент: цель = самолёт-цель (двухкомпонентный военный термин со значением *летательный аппарат, представляющий собой мишень для поражения его каким-либо видом оружия*).

Аналогичный семантический процесс можно наблюдать и в составном наименовании «опорный пункт», которое обозначает часть оборонительных позиций, оборудованную в инженерном отношении, насыщенную огневыми средствами и приспособленную к круговой обороне. Компоненты этого военно-терминологиче-

ского наименования, слова *пункт* и *опорный* по отдельности не содержат семы «военный» или «боевой» (ср.: *опорная плита, опорная балка, опорный прыжок, опорная точка; медицинский пункт, конечный пункт, исходный пункт, пункт назначения и т.п.*). Эта сема возникает лишь в данном словосочетании и вводит его в область военных терминов.

Военная терминология составляет один из важных, наиболее плодотворно разрабатываемых, но не единственный объект теории военного перевода.

Появление специальной теории военного перевода в нашей стране имеет свою историю. А.Н. Крюков пишет по этому поводу, что разработка её была обусловлена своеобразным «социальным заказом» Военному институту Министерства обороны [Крюков, 1990, с. 62] — преемнику знаменитого Военного института иностранных языков, который в свою очередь в конечном итоге стал одним из факультетов Военного университета МО РФ [см.: Военный университет, 2009, с. 18—22, 95—98 и др.].

Одним из первых разработчиков теории военного перевода был Г.М. Стрелковский, который в своей монографии «Теория и практика военного перевода» представляет её как «своего рода конкретно-жанровую манифестацию... функционально-практической концепции перевода». Учёный вводит основные понятия теории военного перевода (информация и сообщение, перевод и транслят, инвариант сообщения и инвариант перевода, смысл высказывания, коммуникативное задание и др.), предлагает функционально-семиотическую модель деятельности военного переводчика, даёт детальную классификацию жанров военных текстов, описывает виды деятельности военного переводчика. Отдельные главы монографии посвящены проблемам перевода военной терминологии, расшифровке военных сокращений и работе со словарями и справочниками.

Один из крупнейших отечественных теоретиков науки о переводе и разработчик основ военного перевода Р.К. Миньяр-Белоручев, предложивший так называемую «информационную теорию перевода», в которой исходный текст рассматривается не как объект трансформации, а как носитель разных видов информации, и соответственно сам процесс перевода трактуется не как межъязыковая трансформация, а как поиск и передача информации, наглядно демонстрирует в своих трудах, как основные положения данной теории могут быть применены в деятельности военного переводчика [см.: Стрелковский, 1979; Миньяр-Белоручев, 1980, 1984, 1994; Крюков, 1990, с. 58—63].

Анализ высокопрофессиональных переводческих работ позволяет установить основные требования, предъявляемые, в частности, к письменному военному переводу. К их числу относим:

— сохранение в переводном тексте рельефно очерченной профессиональной концептосферы источника, его информативно-объективной полноты;

— точную однозначную логически корректно выраженную вербализацию смысла содержания оригинала средствами ПЯ;

— коррелятивный подбор терминологической номенклатуры, соотносимых стандартизированных условных обозначений, сокращений и аббревиатур, специальных знаков-индексов и символов и т.п.;

— сохранение стилеобразующих характеристик оригинала в ПТ;

— воспроизведение нормативной архитектоники (структуры) иноязычного текста на ПЯ (с необходимыми комментариями при наличии существенных композиционных расхождений в построении военного текста на ИЯ и ПЯ) и т.д.

Устный перевод должен воспроизводить дискурсивно-однозначную (безвариантную) формулировку содержания и форму военноречевых высказываний типа инструкций, распоряжений, приказов, команд и т.п. с их чётко детерминированным предназначением и прогнозируемым адресантом (например, инструкторам военных курсов для иностранных военнослужащих, командирам иностранного легиона и т.п.) перлокутивным эффектом — ожидаемую реакцию адресата на волеизъявление командира, начальника, старшего по воинскому званию и т.д.

В особых психолингвистических условиях осуществляется перевод при допросе военнопленных или опросе местных жителей на театре боевых действий за рубежом.

Важную военно-гуманитарную миссию выполняет военный переводчик при проведении переговоров с представителями союзнических, дружественных армий, в военно-дипломатических сферах общения и т.п. Судьбоносные функции выполняет военный переводчик в судебных процессах над военными преступниками различных рангов — от международного суда над государственной военной верхушкой типа фашистского командования в Нюрнберге в 1945—1946 гг. [см.: Матасов, 2008] до обыденных правонарушений иностранных военнослужащих на территории зарубежных государств.

Очевидно, что военный переводчик должен быть в своей профессиональной сфере личностью неординарной. Ему необходимо во всех тонкостях владеть военно-терминологическими системами ИЯ и ПЯ, осознавать их изоморфные и алломорфные свойства, быть компетентным в национальных особенностях военного дела, в том числе знать концепцию иностранной военной доктрины, организационную структуру ВС, используемое вооружение, технику, их тактико-технические возможности, быть знакомым с особенностями идейно-воспитательной и пропагандистской работы в со-

ответствующих армиях союзников и потенциального противника, освоить их воинские уставы, воинский этикет, формы делопроизводства, службу штабов и т.д. Соответственно военный переводчик как офицер отечественных ВС должен быть хорошо подготовленным по аналогичным аспектам строительства и функционирования отечественных ВС.

Очевидно, что, говоря о языковой подготовке военного переводчика, безусловной её составляющей должна быть адекватная степень владения иностранным и родным языками в целом и особенно их военными подъязыками. Кроме того, особое место в подготовке специалиста занимает этнопсихолингвистическая и военно-страноведческая эрудиция, знание особенностей, нравов и обычаев иностранных военнослужащих и населения соответствующего региона, владение специфическими социально-групповыми жаргонами (арго) и бытовым просторечием. Б.Л. Бойко, исследуя проблему передачи военных жаргонизмов при переводе соответствующих текстов с немецкого языка на русский, приводит яркий пример многочисленных несуразностей, допущенных некомпетентным переводчиком из-за незнания реалий вермахта вооружённых сил Германии 30—40-х гг. XX в., выраженных в речи командира роты к своим подчиненным в грубых, бранных словах, и в этой связи подчеркивает, что «незнание языка субкультуры, в данном случае немецкого военного жаргона, положенное на незнание реалий вермахта, приводит переводчика к искажению той части “языковой картины мира” русскоязычного читателя, где отображены реалии иноязычной культуры» [Бойко, 2008, с. 103—104]. От себя добавим, что в реальных боевых условиях этот пробел в образовании военного переводчика может обойтись своей стороне довольно дорого.

Подготовкой специалистов в области военного перевода занимаются специальные военные учебные заведения, а также специализированные кафедры, отделения и факультеты ряда гражданских государственных вузов. Подготовка кадров военных переводчиков базируется на специальных образовательных стандартах и требует наличия солидного фонда учебников, учебных пособий, словарей военной терминологии, лингводидактических и специализированных методических разработок.

Огромный вклад в создание научной базы подготовки переводчиков внесли крупные отечественные теоретики и практики военного переводоведения Г.М. Стрелковский, Р.К. Миньяр-Белоручев, Л.Л. Нелюбин, А.Ф. Ширяев, преподававшие в Военном институте иностранных языков, а также выпускники этого института В.Г. Гак, В.Н. Комиссаров, А.Д. Швейцер и многие другие, чьи работы составляют основу отечественной науки о переводе. Во вто-

рой половине XX в. они разработали целый ряд учебников и учебных пособий по общей теории перевода, теории и практике устного и письменного перевода на материале самых разнообразных западноевропейских и восточных языков.

Говоря о Военном институте иностранных языков как об основной кузнице кадров высококвалифицированных переводчиков, нельзя не вспомнить, что в тяжёлые военные годы в этом учебном заведении преподавали всемирно известные специалисты в области языков и культур: филолог-китаевед академик В.М. Алексеев, автор многочисленных трудов по истории китайской литературы, фольклору и переводам, востоковед академик Ю.И. Крачковский, автор научных трудов по эфиопской и арабской филологии, выдающийся учёный-египтолог академик В.В. Струве, востоковед академик В.А. Гордлевский, индолог академик А.П. Баранников, В.Ф. Шишмарев, И.И. Мещанинов, академик С.П. Обнорский, академик Л.В. Щерба.

Известно, что хорошее владение иностранным и родным языками вовсе не означает, что их носитель способен осуществлять качественный письменный и особенно устный перевод. Поэтому формирование и развитие соответствующих умений и навыков в области военного перевода предполагает целенаправленную поэтапную систематическую работу в период обучения в вузе, а также их апробацию и закрепление на практической работе.

Во время Великой Отечественной войны для военного переводчика главным был опрос пленного и перебежчика в условиях работы в крупных штабах и на передовой линии фронта, а также разговор с местными жителями как во временно оккупированных противником странах, так и на его территории. Во всех случаях подготовки от них требовали твёрдого знания грамматики и накопления запаса нужных слов, а также знания идиоматики и военного жаргона.

Задачи военного переводчика в современных условиях более сложны и разнообразны. Переводчик, в частности, должен владеть навыками двустороннего, фразового, последовательного и синхронного перевода, уметь работать с военной документацией и корреспонденцией, быстро и качественно реферировать и аннотировать военные, военно-технические и военно-политические тексты. Кроме того, ему необходимо владеть такими специальными навыками, как перевод радиообмена, сбор и обработка информации, передаваемой различными техническими средствами, и т.д.

Решению данных лингводидактических и методических задач в значительной степени способствует создание профессионально ориентированных методических портфолио и внедрение в учебный процесс современных технических средств обучения.

Корпус современных специализированных учебно-методических пособий и комплексов в области военного перевода в последние годы перманентно пополняется. Среди них, в частности, находим учебную разработку И.Е. Сайкина на материале немецкого языка «Стратегические наступательные и оборонительные вооружения. Ракетное и космическое оружие. Системы ПРО и ПКО» [Сайкин, 2007], учебно-методический комплекс С.М. Филькова и др. по военно-специальной подготовке военных переводчиков с базовым английским языком [Фильков и др., 2006], учебную разработку на материале арабского языка «Проблемы войны и мира. Контроль над вооружением и разоружением», осуществленную И.И. Марущаком [Марущак, 2009], «Частную методику преподавания военного перевода английского языка» В.И. Ершова [Ершов, 2007] и др.

Создание специализированных двусторонних словарей военной терминологии, а также словарей тезаурусного типа позволило, с одной стороны, подвести солидный материально-языковой базис под военно-профессиональную практику, а так же способствовало научно-теоретическому осмыслению характерологии данной отрасли переводоведения, а с другой — помогло расширению сферы лексикографических исследований конкретных языков. Ярким примером такой обоюдной пользы может служить опыт составления И.Д. Клеениным уникального «Китайско-русского военного и технического словаря» [Клеенин, 1968, 1985]. «Уже к началу 80-х годов XX века, — как пишет Е.Г. Пыриков, — были созданы десятки переводных словарей на языках традиционно потенциальных противников, а также на языках молодых развивающихся стран Азии и Африки» [см.: библиографическую подборку: Пыриков, 1990, с. 70, 73—74, 79].

Потепление военно-политической обстановки в мире, ослабление «холодной войны» между западными и восточными блоками, сотрудничество между Россией и ее союзниками, с одной стороны, и странами—членами НАТО — с другой, своеобразно отразилось на сфере военного перевода. Появилась потребность, к примеру, в разработке унифицированных словарей различного предназначения в интересах межгосударственных и межблоковых миротворческих взаимосвязей. Так, И.И. Москаленко составил «Англо-русский военный словарь миротворческих сил НАТО» [см. серию *Все словари для АВВУУ*]. При сотрудничестве с представителями военных и дипломатических организаций Франции был разработан «Русско-французский словарь военных терминов», включающий в себя более 40 тыс. словарных единиц [Гарбовский, 2008]. В связи с выходом в свет данного словаря корреспондент газеты «Красная Звезда» — органа Министерства обороны РФ — *О. Горю-*

най в своей статье «Особенности военного перевода», в частности, писал: «Словарь содержит современную терминологию в области строительства и применения вооружённых сил, истории войн и военного искусства, оружия и военной техники, развития военной науки. Важнейшее место в нём занимают термины, называющие понятия видов, форм и способов военных действий стратегического, оперативного и тактического масштабов, а также всех видов оперативного (боевого), технического и тылового обеспечения, форм и способов управления войсками (силами) и боевыми средствами. Кроме того, в словаре содержатся термины, относящиеся к сфере борьбы с международным терроризмом, а также к областям военной экономики и политики, военного права, педагогики и психологии, военной медицины, географии, кибернетики, информатики и к другим специальным, общественным, естественным и техническим наукам. “Русско-французский словарь военных терминов” — необходимое звено в лингвистическом обеспечении контактов в военной сфере и сфере обороны между Россией и франкоязычными странами» [Горупай, 2008].

Очевидно, что подобные словари являются существенным подспорьем в подготовке военных переводчиков, а также в работе соответствующих категорий военнослужащих, должностных лиц и представителей государственных структур, занимающихся вопросами обеспечения безопасности, обороны и военного международного сотрудничества.

Новым словом в военной лексикографии стало появление активно пополняющейся серии электронных словарей Polyglossum, включающих в себя сотни тысяч военных и военно-технических терминов и другой военной лексики.

Важным подспорьем в подготовке квалифицированных кадров переводчиков служат книги, мемуары, практические пособия, разработанные непосредственно выдающимися военными переводчиками-практиками.

На первом месте стоят книги советских переводчиков-фронтовиков, участников Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. [см. например: Левин, 1981; Неручева, 2000 и др.]. Необходимой составляющей учебно-воспитательного процесса в соответствующих учебных заведениях должно быть изучение как книг переводчиков-практиков, так и специальных трудов исследователей переводческой практики — ученых-теоретиков, имеющих богатый личный опыт работы. Подвигам военных переводчиков в годы войны, а также опыту подготовки современных кадров посвящён, в частности, научный альманах «Армия и современный мир. Военно-политические и военно-гуманитарные аспекты»; авторами соответствующих разделов являются, в частности, такие выдаю-

щиеся теоретики и практики перевода и признанные мастера на педагогическом поприще, как Л.А. Гаврилов, И.Д. Кленин, П.И. Кузнецов, Р.К. Миньяр-Белоручев, Б.Л. Бойко, Г.А. Восканян и др. [Научный альманах, 1997].

К сожалению, военные переводчики довольно редко становятся героями художественных произведений, кинофильмов и других жанров искусства. Место переводчика вообще и военного в частности в интеллектуальной деятельности и в практическом плане должно быть чётко определено в современном обществе, а их труд оценен по заслугам.

В современном мире профессия военного переводчика, а также мастерство и владение военными служащими различными иностранными языками в военно-оперативных, а также мирных и миротворческих целях — жизненно необходимое искусство.

Объективно оценивая промахи советской языковой политики, следует указать, к примеру, на тот факт, что отношение коренных граждан прибалтийских республик бывшего СССР к русскоязычному населению, вероятно, было бы более лояльным, если бы проживающие там граждане некоренных национальностей усерднее изучали бы местные языки, нравы и обычаи латышей, литовцев и эстонцев. Не исключено, что в настоящее время было бы значительно легче отстаивать права русскоязычного населения в прибалтийских странах, ставших членами ЕС, на сохранение своей культуры и русского языка как регионального языка с помощью того же ЕС [см.: Мишуров, 2003, 2006].

Главное не состоит в том, чтобы, выстраивая, к примеру, военные и военно-политические связи с государствами — членами СНГ, мы не повторяли бы те же ошибки, недооценивая «языковой фактор» в нашей политике. В статье одного видного теоретика-политолога об укреплении «духовных основ военной интеграции» с нашими бывшими союзными республиками очень обстоятельно анализируются самые различные компоненты нашего сотрудничества — «знания, идеи, отражающие потребность в военной интеграции и возможности ее осуществления»; предлагаются образцы «военно-интернационального мышления, поведения и деятельности» и т.д. Автор прав, что «многообразие ценностей военной интеграции, механизм их действия предполагают сосредоточение усилий субъектов военной интеграции по меньшей мере на следующих направлениях:

- поиск, формулировка, разъяснение и утверждение в сознании народов, военнослужащих идей, способных стать движущей силой военной интеграции;

- нахождение эффективных способов осуществления военно-интеграционной деятельности государственных структур, народов, армий, военнослужащих;

— создание системы отношений, адекватной принятым идеям и способам военной интеграции, между участниками военно-интеграционных процессов на всех уровнях...» [Богатырев, 1997].

К сожалению, среди средств, предлагаемых для решения указанных задач, автор не видит столь мощного орудия для интеграционного воздействия, как активное изучение русского языка союзниками и коренных языков союзников российскими военными специалистами. А в соответствующих курсах иностранных языков, несомненно, важное место должно быть уделено военному переводу.

Обнадёживает, однако, то обстоятельство, что решение данной проблемы в практической плоскости взяли на себя некоторые российские вузы.

Теория и практика военного перевода постоянно развиваются и совершенствуются, опираясь как на общеконцептуальные и методологические достижения и новации современного переводоведения и науки о языке, так и на собственные наработки, жизненно востребованные потребностями динамично модифицирующегося и прогрессирующего военного дела в его многочисленных ракурсах.

В настоящее время представляется крайне важным осуществить более глубокий, фундаментальный анализ проблем переводческой классификации военных текстов, основ функциональной типизации, способов моделирования, экстралингвистического и фактурного наполнения, коммуникативно-деятельной идентификации и способов их дискурсивной реализации.

Известно, что предложенная в свое время Г.М. Стрелковским двухкомпонентная классификация военных текстов, включающая их «информационную» и «регламентирующую» разновидности [Стрелковский, 1979, с. 100], охватывает их наиболее репрезентативные типы, но не исчерпывает весь массив искомых текстов (см.: вышеприведённую схему функционально-стилистических вариантов военных текстов).

Обращаясь к данной проблеме, Р.К. Миньяр-Белоручев подчёркивал, что «военный перевод как вид перевода характеризуется только ему присущими текстами и некоторыми специфическими видами работ переводчика. Тексты можно характеризовать как с точки зрения их информативности, так и с точки зрения доминирующих в них языковых средств». В качестве примеров он называл следующие типы военных текстов: боевые документы, уставы и наставления, инструкции и технические описания, военно-научные статьи и военную публицистику. Тексты отличаются друг от друга «принадлежностью к различным функциональным стилям» [Миньяр-Белоручев, 1980, с. 194].

Обратившись к классификациям военных текстов, разработанным отечественными теоретиками военного перевода, И.В. Ива-

нова на основе теории речевых актов предприняла успешную попытку смоделировать «регламентирующий тип текста» с преобладающей волюнтаривной функцией (приказ, распоряжение, команда) как «директивный тип» (по терминологии Серля), доминирующей целевой установкой которого является «воздействие/побуждение к исполнению». Материалом для исследования послужило так называемое «центральное служебное предписание 1/50» бундесвера ФРГ, на основе которого автор выделила следующие модификации речевого жанра «приказ»: «служебное приказание», «команда», «задание», «указание» и «служебное предписание» и описал характерные языковые средства выражения коммуникативной целеустановки «побуждение» [Иванова, 1987, с. 86—87].

Важность смоделированного типа речевой деятельности — «приказ (подтверждение) — подчинение» при известных адресанте (начальник) и адресате (подчиненный) — заключается в том, что при классификации текстов следует учитывать не только передаваемый характер информации, но и коммуникативно-функциональную целеустановку, речевое поведение адресанта и прогнозируемые вербальные и невербальные действия адресата как реакцию на соответствующий дискурсивный текст отправителя. И только учёт всех доминирующих признаков текста может обеспечить надёжную так называемую «транслатологическую классификацию типов текста», разрабатываемую И.С. Алексеевой и предлагаемую ею для внедрения в переводческую практику как наиболее эффективную и единственно возможную.

Спорность ситуации заключается в том, что И.С. Алексеева категорически не приемлет тезис об «осмыслении перевода как деятельности», с одной стороны, с представлением о текстах, которые встречаются в работах Р.К. Миньяр-Белоручева, А.П. Чужакина, П.Р. Палажченко и др., по её мнению, «опирается на практический опыт, а разграничение отдельных разновидностей текста либо традиционно, либо ненаучно» [Алексеева, 2008, с. 41]. Предлагаемый же ею базовый критерий деяния текстов, с другой стороны, сам по себе зиждется на зыбком субъективно трактуемом основании — «объеме превалирующего типа информации», содержащийся в классифицируемом тексте. При этом И.С. Алексеева сама подчеркивает, что «текст редко заключает в себе один вид информации в чистом виде», и мы, как правило, обнаруживаем в тексте сочетание нескольких видов информации». Выход ей видится в том, что в соответствующих текстах «один из видов информации существенно доминирует», и он как бы «притеняет собой» действенность остальных видов, отводя им подчинённое место (там же, с. 41, 56, 58 и др.). Но, как опытный практический переводчик, автор сама знает, что таких типичных образчиков текстов крайне мало. Не по-

этому ли в списке классифицируемых 25 разновидностей текстов не отражён огромный массив военных текстов, тогда как менее значимые по объёму и сложности содержания частотно непервостепенные «некрологи» и «траурные сообщения» занимают в таблице 6—7 позиции (там же, с. 70—71).

Р.К. Миньяр-Белоручев писал, что «если оставить в стороне военную публицистику, которая по своим характеристикам во многом (кроме военной терминологии) совпадает с газетно-информационными материалами (ср. п. 25 “газетно-журнальный информационный текст” в классификации И.С. Алексеевой. — *Н.Г., Э.М.*), то остальные военные тексты имеют свои особенности, которые заключаются не только в специфике языковых средств, но и в их чрезвычайно высокой информативности» [Миньяр-Белоручев, 1980, с. 95]. Следуя логике И.С. Алексеевой, военные тексты следовало бы маркировать исключительно как «когнитивно-информационные», тогда как их функционально-стилистический ряд значительно шире и не ограничивается лишь чисто военно-технической разновидностью.

Особое место в военно-переводческих трудах занимает проблема становления и развития национальных и интернациональных терминосистем, а также источников пополнения военных подязыков нетерминологической военной лексики.

Исследование военно-терминологических систем в нашей стране имеет длительную историю. И на каждом новом этапе перед терминоведением стояли различные по проблематике и методам решения исследовательские цели и задачи.

Так, в годы Второй мировой войны, пишет Е.Г. Пыриков, оперативному изучению подлежала прежде всего терминология непосредственно военных противников и ближайших союзников СССР (Германия, Италия, Румыния, Япония и др., а также США, Англия, Франция). В последующие годы всестороннего изучения потребовала терминология новых вероятных военных противников и зависимых от них государств, объединявшихся в условиях начавшейся «холодной войны» в различные военно-политические группировки. Наконец, размещение советских войск за рубежом по соглашениям с рядом стран народной демократии также вызывало необходимость военно-терминологических разработок. В связи с этим объектом теоретических и прикладных исследований на данном этапе становится военная терминология преимущественно таких языков, как английский, китайский, немецкий, персидский, румынский, сербохорватский, турецкий, французский, японский. Следует учитывать также, что именно по этим языкам в годы войны был накоплен наиболее обширный эмпирический материал, требующий систематизированного описания и всестороннего и глубокого научного осмысления.

К середине 60-х гг. образовалась многочисленная группа новых независимых государств Азии, Африки и Латинской Америки с собственными вооружёнными силами и относительно самостоятельной военной политикой, что способствовало возникновению и бурному развитию современной военной терминологии в автохтонных языках, где она ранее практически не существовала, и в национальных вариантах используемых европейских языков. Установление и развитие многими такими государствами военно-политического сотрудничества с СССР или, наоборот, создание некоторыми из них очагов военной напряженности в ближайшем окружении социалистических стран потребовало оперативного развёртывания исследований таких новых терминосистем [Пыриков, 1990, с. 69—72].

В последующие периоды терминоведение развивалось как по пути экстенсивного изучения новых национальных терминосистем, с одной стороны, так и по пути углубления теоретических исследований общетерминологической проблематики вообще и её военной составляющей в частности.

В настоящее время уровень теоретических разысканий в области военного терминоведения резко повысился. В центре внимания учёных оказываются такие проблемы, как отграничение терминологии от иных видов военной лексики, поиск системности в военной терминологии, раскрытие с позиций системного подхода ее функциональных и качественных характеристик, целостности, структуры и состава, выявление асимметрии в национальных военно-терминологических системах на базе их сопоставительного исследования, применение лингвостатистических методик в описании и анализе лексики и терминологии военных текстов. Особенно успешен так называемый «корпусный подход» к решению теоретических и прикладных аспектов терминологии в военном переводе и т.д. [см.: Арсеньев, 1988; Пыриков, 1990; Владимов, 2005].

Особый интерес для потребностей военного перевода представляет инновационная деятельность в области совершенствования автоматизированных систем перевода, так называемого «машинного перевода». Исследовательская работа в данной сфере осуществляется под грифом «совершенно секретно». В одной из последних публикаций на эту тему, в частности, сообщалось, что некое американское Агентство по передовым научно-исследовательским оборонным проектам DARPA заключило с компанией BBN Technologies контракт на сумму 5,67 млн долл. на разработку прототипа системы многоязычного перевода MADCAT (Multilingual Automatic Document Classification Analysis and Translation), способной быстро переводить на английский и скопированную рукописную записку на арабском языке, и сложные компьютерные файлы. Результат пере-

вода передаётся на ПК или ноутбук. Профессия военного переводчика сейчас считается одной из самых опасных. Так, американские солдаты в странах присутствия (Ирак, Афганистан и др.) постоянно имеют дело с различными картинками на иностранном языке, дорожными знаками, печатными СМИ, захваченными документами, надписями на стенах, — и каждая из них может иметь огромное значение в боевой ситуации. Как утверждает агентство DARPA, при теперешней себестоимости на переводы большая часть этого материала или просто игнорируется, или перевод происходит слишком поздно. При появлении системы MADCAT армия США будет обеспечена в данном аспекте «существенной и своевременной информацией», поскольку машинный перевод, выполняемый по этой технологии, отличается высокой точностью и не требует дополнительного привлечения аналитиков и лингвистов. Во время тендера агентство DARPA предъявляло к соискателям требование продемонстрировать «революционный подход», способный открыть новую страницу в истории технологий машинного перевода. Предложения различных компаний, несущие «минимальные эволюционные» изменения или «узконаправленные» усовершенствования, были отвергнуты. Компания VBN заявляет на пресс-релизе, что собирается осуществлять разработку, совмещающую «оптическое распознавание символов с новейшими технологиями машинного перевода и интеллектуальными технологиями» [Новая военная система, 2010, с.2].

Очевидно, что теория и практика военного перевода как органическая часть общей теории и практики науки о переводе может многое дать последней на всех уровнях осмысления и решения ее насущных проблем.

Список литературы

- Алексеева И.С.* Текст и перевод. Вопросы теории. М.: Международные отношения, 2008. 184 с.
- Англо-русский и Русско-английский военный и воено-технический словарь Polyglossum). Под общ. ред. Петренко О.Н., Сергеева А.В., 2006: Словарь и изд-во ЭТС. / Электронный ресурс: Режим доступа: <http://load.ru/softreview/21737/>.
- Армия и современный мир. Военно-политические и военно-гуманитарные аспекты // Научный альманах № 1 (2). М.: Ассоциация военных переводчиков, 1997. 340 с.
- Арсеньев О.И.* Явления ассиметрии военно-терминологических систем (на материале французской и русской военной терминологии): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: Военный институт, 1988. 21 с.
- Балли Ш.* Французская стилистика. М., 1961.
- Богатырев Е.Д.* Духовные основы военной интеграции государств — членов СНГ // Сб. научных трудов Военного университета. № 1. М.: Изд-во Военного ун-та, 1997. С. 88—95.

- Бойко Б.Л.* Единицы социально-группового диалекта в языковой картине мира взаимодействующих культур (на материале русского и немецкого военного жаргона 1941—1945 гг.) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. № 1. 2008. С. 99—108.
- Владимов Н.В.* Корпусный подход к решению переводческих проблем (на материале письменных переводов с русского языка на английский): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: Военный ун-т, 2005. 18 с.
- Военный университет. Страницы истории (1919—2009). М.: ОАО «Типография «Новости», 2009. 248 с., ил.
- Военный энциклопедический лексикон: В 14 т. 2-е изд. СПб., 1852—1858.
- Горупай О.* Особенности военного перевода // Красная Звезда. 2008. 4 дек.
- Гарбовский Н.К.* Существует ли монолитный военный функциональный стиль? // Сб. статей № 14: Иностранные языки, юридические науки. М.: Изд-во Военного ун-та, 1978. С. 30—35.
- Гарбовский Н.К.* Профессиональная речь. Сопоставительно-стилистический аспект (на материале французских и русских военных текстов): Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М.: Изд-во Военного ун-та, 1988. 37 с.
- Гарбовский Н.К.* Русско-французский словарь военных терминов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2008. 960 с.
- Гарбовский Н.К.* О влиянии войны на лексический состав языка // Сб. статей Военного Краснознаменского института. № 21. М.: ВКИ, 1985. С. 22—27.
- Денисов Н.Н.* Русская военная терминология в период Великой Отечественной войны // Изв. АН СССР. Сер. Литературы и языка. 1985. Т. 44. № 4.
- Доза А.* История французского языка. М., 1956.
- Ершов В.И.* Частная методика преподавания военного перевода (английский язык). М.: МГИМО, 2007. 22 с.
- Иванова И.В.* К построению модели «директивный тип текста» // Сб. статей Военного Краснознаменного ин-та. № 23. М.: Изд. ВКИ, 1987. С. 83—87.
- Кленин И.Д.* Китайско-русский военный и технический словарь. М.: Воениздат, 1968; 1985, 2-е изд. с доп.
- Кожин А.Н.* О словах с переносным значением в русском языке эпохи Великой Отечественной войны. // Ученые записки МОПИ. 1956.
- Кожин А.Н.* Великая Отечественная война и русский язык // Русский язык в школе. 1975. № 2.
- Кожин А.Н.* Лексико-стилистические процессы в русском языке периода Великой Отечественной войны. М., 1985.
- Корчагина С.Т.* Военно-партизанская лексика и фразеология в мемуарах Дениса Давыдова («Военные записки»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1974.
- Крюков А.Н.* Теория перевода в трудах учёных института // Военный Краснознаменный ин-т. 50 лет. Сб. статей. М.: Воен. ин-т, 1990. С. 52—65.
- Левин Им.* Записки военного переводчика. М.: Моск. рабочий, 1981. 206 с., ил.
- Марущак И.И.* и др. Проблемы войны и мира. Контроль над вооружением и разоружением. Учеб. разработка по военному переводу (арабский язык). М.: МГИМО, 2009. 118 с.

- Матасов Р.А.* Синхронный перевод на Нюрнбергском процессе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2008. № 2. С. 18—34.
- Мажельская О.С.* Лингвистические исследования о русском языке эпохи Великой Отечественной войны // Вестн. Ленингр. ун-та. 1975. № 20.
- Миртов А.В.* Из наблюдений над русским языком в эпоху Великой Отечественной войны // Вопр. языкознания. 1953. № 4.
- Миньяр-Белоручев Р.К.* Как стать непереводчиком? М.: «Стелла», 1994. 142 с.
- Миньяр-Белоручев Р.К.* Общая теория перевода и устный перевод. М., 1980.
- Миньяр-Белоручев Р.К.* Учебник военного перевода. Французский язык. Общий курс. М.: Воениздат, 1984.
- Мишуров Э.Н.* Зарубежный восток. Языковая ситуация и языковая политика. М., 1986.
- Мишуров Э.Н.* Национально-языковые вызовы России в XXI веке // Апрельские чтения — 2003. Мат-лы науч.-практ. конф. «Российское общество: социальные вызовы и альтернативы». Ч. I. М.: Междунар. ун-т бизнеса и управления, 2003. С. 72—80.
- Мишуров Э.Н.* О гуманитарных вызовах мировому сообществу в XXI веке: этно-демографические, социолингвистические и лингвокультурологические аспекты // Вестн. Военного ун-та. № 4. М.: Воен. ун-т, 2006. С. 28—38.
- Москаленко И.И.* Англо-русский военный словарь миротворческих сил НАТО (Eng-Rus) // Все словари для АБВУУ. <http://www.lingvodics.com/dics/details/998/>
- Нелюбин Л.Л.* Перевод боевых документов армии США. 2-е изд. М.: Воениздат, 1989. 270 с., ил.
- Нелюбин Л.Л.* Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд. перераб. М.: Флинта; Наука, 2003. 320 с.
- Нелюбин Л.Л.* Учебник военного перевода. Английский язык. Общий курс. М.: Воениздат, 1981. 379 с.
- Нелюбин Л.Л., Дормидонтов А.А., Васильченко А.А.* Учебник военного перевода. Английский язык. Специальный курс. М.: Воениздат, 1984. 440 с.
- Неручева М.* Сорок лет одиночества (Записки военной переводчицы). М.: ИИС «Парус», 2000. 40 с.
- Новая военная система машинного перевода MADCAT. (<http://vechirka.kiev.ua/?p=8644>). — 10 марта 2010 г. 2 с.
- Пыриков Е.Г.* Исследование военной терминологии // Военный Краснознаменный ин-т. 50 лет. Сб. статей. М.: Изд-во ВКИ, 1990. С. 66—79.
- Сайкин И.Е.* Стратегические наступательные и оборонительные вооружения. Ракетное и космическое оружие. Системы ПРО и ПКО. Учеб. разработка по военному переводу (немецкий язык). М.: МГИМО(У), 2007. 78 с.
- Стрелковский Г.М.* Теория и практика военного перевода. М., 1979.
- Толстой А.Н.* Хождение по мукам // Собр. соч.: В 10 т. М., 1959.
- Трифонов П.* Повышать культуру военного языка // Военный вестн. 1970. № 9.
- Фаворов П.А.* Англо-русский военно-морской словарь. 1—2 т. М.: Воениздат, 1995. 640 с.

- Филин Ф.П.* О языке Великой Отечественной войны // Диалектологический сборник. Вологда, 1946. Вып. 3.
- Фильков С.М.* и др. Военно-специальная подготовка (военный перевод). Английский язык. Учебно-методический комплекс: В 4 ч. Ч. 3. / Под ред. Л.Л. Нелюбина. М.: МГИМО, 2009. 296 с.
- Французско-русский и Русско-французский военно-технический словарь Polyglossum / Под общ. ред. Лазаренко Ю. М.: изд-во ЭТС, 2010 // <http://www.polyglossum.com/pg/r/dict/br-tec-mil.htm>
- Черных П.Я.* Русский язык в дни войны (заметки собирателя) // Сибирские огни. 1946. Кн. 4.
- Шитов Б.А.* Учебник арабского языка. Военный перевод. Начальный курс. М.: Изд-во Воен. ун-та, 1991. 467 с.
- De Larmina F.* Le “Modern style” // Armée d’aujourd’hui, 1979. N 46.
- Dauzat A.* L’argot de la guerre 1939-1940. Première contribution // Le français moderne. 1941. N.4.
- Fougère L.* Et si nous parlons français // Armée d’aujourd’hui, 1979. N 46.
- Klark J., Sieke F.* Zur sprachpolitik im der Volksrepublik Mosambique. Wiss. Ztschr. Der Humboldt Univ. 1983. Ig.32. H.3.

ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДА

Владимир Самуилович Галл,

в годы войны старший инструктор политотдела армии по политической работе среди войск и населения противника, ныне пенсионер

ИЗ ЗАПИСОК ПАРЛАМЕНТЕРА

Эта статья содержит воспоминания парламентаря об интересном эпизоде, произошедшем вскоре после победы в Великой Отечественной войне. В нём говорится об освобождении Шпандау — крепости в пригороде Берлина. Советские войска приложили все усилия для предотвращения штурма цитадели, который бы повлёк за собой кровопролитие. В крепости находились мирные жители: старики, дети и женщины. Таким образом их жизнь зависела от парламентарёв, проявивших истинную отвагу и спасших многие жизни.

Ключевые слова: парламентар, цитадель Шпандау, эсэсовский гарнизон, лобовая атака, гражданские лица, бессмысленное кровопролитие, капитуляция.

Vladimir S. Gall,

Senior political training officer for hostile forces and population of the Soviet Army political department at the times of World War II, now retired

From the Memoirs of a Truce Envoy

The article is dedicated to an envoy's recollection of an interesting episode, which took place shortly before the victory in the Great Patriotic War. This event describes the liberation of Spandau — a fortress in the suburbs of Berlin. The Soviet troops made every effort to prevent the storm of the fortress, which would have resulted in bloodshed. There were peaceful inhabitants there: the elderly, women and children. So, their destiny depended on the bearers of the flag of truce, who showed outstanding courage and saved many innocent lives.

Key words: truce envoy, fortress of Spandau, SS garrison, frontal attack, civilians, insensate bloodshed, capitulation.

30 апреля 1945 г. сержанты из 3-й ударной армии Егоров и Кантария водрузили на купол рейхстага Красное знамя. Оно стало светлым символом нашей Победы. (Между прочим, Мелитон Кантария в мае 1975 г. был одним из почётных гостей 3 фестиваля дружбы молодежи СССР и ГДР в Галле.)

Войска нашей 47 армии освободили Шпандау и продвигались дальше на Запад в направлении Бранденбурга. У нас в тылу осталась цитадель Шпандау. Её не удалось взять с ходу, в лоб. Наши войска обошли её. Конечно, цитадель не могла серьезно угрожать нашему продвижению вперед. Но всё же она была нам как бельмо на глазу. Её можно было бы держать в осаде до капитуляции, но ждать было нельзя по двум причинам. С военной точки зрения: цитадель господствовала над Шпандаусским мостом, по которому

шли наши подкрепления, и её орудия могли причинить им вред; и с моральной точки зрения: гарнизон цитадели мог морально поддержать окружённых фашистов в Берлине... Лобовая атака цитадели стоила бы нам больших потерь. Кроме того, мы узнали, что в крепости находятся не только немецкие солдаты, но и сотни гражданских лиц, главным образом стариков, женщин и детей. Штурм означал бы для них верную смерть. Поэтому Советское командование решило предпринять всё, чтобы избежать бессмысленного кровопролития и склонить гарнизон цитадели к капитуляции. Было ясно, что это задание должно было выполнить наше 7 отделение. Это ведь была наша задача, наша обязанность!

В крытом кузове нашей МГУ (мощная громкоговорящая установка. — *В.Г.*) мы через западные районы Берлина едем в Шпандау. Начинается хмурый и холодный день. Через окно видны руины Шарлоттенбурга, заводские здания Сименсштадта. Жилые кварталы разрушены англо-американской авиацией, а заводы остались почти все целыми (тогда мы думали, что это слепой случай). Каждый занят своими мыслями. Я вспоминаю, что ещё в Москве, в институте слышал о цитадели Шпандау. Из лекции по истории Средневековья мы, студенты, узнали от профессора Нусыхина, что эту крепость заложил герцог Альбрехт. Во главе своих полчищ он совершал кровавые набеги на славянские племена и основал на завоеванных землях маркграфство Бранденбург. За свой «кроткий» нрав он получил прозвище «Медведь». Восемь веков стояла основанная им цитадель на берегах Шпрее как мрачный символ агрессии против славян. Много лет она была резиденцией первых курфюрстов династии Гегенцоллернов. А теперь мы должны были убедить её последних обитателей сдаться без боя.

Наша установка МГУ приехала в Шпандау. Он почти не отличается от других пригородов Берлина: низкие дома, узкие, спускающиеся к реке переулки, над входом в пивную висит покосившаяся вывеска «У цитадели». Сама крепость находится за леском. Мы немедленно приступаем к работе. На удобном месте устанавливаем МГУ репродукторами в направлении цитадели и начинаем передачу: «Солдаты и офицеры! Цитадель окружена со всех сторон. Вам неоткуда ждать помощи. Дальнейшее сопротивление бессмысленно. Крепостные стены не спасут вас от верной гибели. Ваше единственное спасение — капитуляция! Чтобы избежать кровопролития, Советское командование предлагает вам капитулировать. Высылайте парламентёров!»

Это воззвание нашего командования мы передаём — с небольшими паузами — в течение нескольких часов. Во время каждой паузы мы надеемся, что сейчас появятся немецкие парламентёры. Но они не появляются. Становится ясно, что таким образом мы ничего не добьёмся. И листовки, которые мы сбросили над кре-

постью, не принесли нам успеха. Несколько жителей Шпандау, в том числе женщины, тоже обратились через микрофон к гарнизону цитадели. Когда и их призыв остался безуспешным, они с разрешения нашего начальника майора Гришина отправляются к крепости, чтобы лично поговорить с комендантом и офицерами цитадели и убедить их капитулировать. Гришин разрешает, хотя и не надеется на успех. Но нужно испытать все средства! Жители отправляются с белым флагом. Они берут с собой письма от других граждан Шпандау, в том числе от бургомистра, с просьбой о капитуляции. Вместе с этой делегацией идёт армейский уполномоченный НК СГ Ульман. Он должен помочь началу переговоров о капитуляции. К сожалению, наши мрачные прогнозы оправдались: через два часа делегация возвращается ни с чем. Целый час она разговаривала через амбразуры с офицерами цитадели, передала им письма, но не добилась успеха.

Прошёл целый день, а мы не смогли выполнить задание командования. Наступает 1 мая. Невольно я вспоминаю, как я проводил эти дни в довоенные годы в Москве. Это был один из наших самых прекрасных светлых праздников. Весело и радостно мы шли в колоннах демонстрантов на Красную площадь...

Ранним утром нас собрал майор Гришин. Его лицо серьёзно, и голос звучит сурово, когда он начинает: «Товарищи офицеры! Мы вчера сделали всё, что могли, и всё же ничего не добились. Но мы должны выполнить гуманное задание и предотвратить кровопролитие. Для этого нам остаётся последнее, крайнее средство — послать в цитадель двух парламентёров. Я пойду сам, и мне нужен еще второй парламентёр. Я не хочу скрывать от вас, что это очень опасно. Нам всем известно, что фашисты нарушают международные правила и конвенции, стреляют даже в парламентёров». (В этот момент я вспоминаю своего друга Колю Дятленко и его группу парламентёров.) Гришин продолжает: «Так было недавно в Будапеште. Наши парламентёры погибли там как герои. В крепости Шпандау окопалось много эсэсовцев-фанатиков. На их совести так много убийств, что им ничего не стоит «ликвидировать» ещё пару советских людей. Итак, я не могу гарантировать ни себе, ни моему спутнику благополучного возвращения, но именно поэтому я не хочу никому приказывать идти со мной. Я спрашиваю вас: кто из вас пойдет со мной добровольно вторым парламентёром?»

Мы все вызываемся добровольцами. Майор выбирает меня, так как я лучше других владею немецким языком, если не считать Коли. Конечно, и он хочет идти, но об этом не может быть и речи. Эсэсовцы по его произношению узнали бы в нем немца, и тогда оба парламентёра погибли бы наверняка. Но и без Коли это будет отнюдь не воскресная увеселительная прогулка.

Мы отдаём остающимся товарищам партбилеты и оружие, майор Гришин даёт последние указания. Можно идти, но тут возникает трудность — не с белым флагом, как у Коли Дятленко в Сталинграде. Нет, тут всё в порядке: я привязываю кусок белой материи к палке. Трудность в другом: моя шинель выглядит, мягко говоря, не очень представительно. Это естественно: она «прошла» два года войны. Дятленко рассказывал мне, что их тогда одели в новенькие шинели. Здесь это невозможно. Что же делать? Мне на помощь приходит наш старший инструктор Виктор Пискановский. Он протягивает мне свою шинель и шутит: «Получай по ленд-лизу!» Шинель совсем новая, сшита из хорошего английского сукна. Мы шутливо называем её «черчиллевка». К счастью, мы с Виктором одного роста, и к тому же оба капитаны. Так что не нужно даже менять погоны.

Наконец майор Гришин и я можем отправляться в путь. Часть пути нас провожают товарищи... Вдвоём мы выходим на открытую поляну. Я взволнован, механически машу белым флагом и сообщаю Гришину «исторические сведения» о цитадели. Собственно, я говорю только для того, чтобы успокоиться, и даже не знаю, слушает ли он меня. Он только время от времени говорит: «Интересно, очень интересно...» Он тоже взволнован. Мы договариваемся, что «языковую часть» переговоров я возьму на себя, так как лучше, чем Гришин, говорю по-немецки... Перед нами возвышается как мрачная глыба крепость. Чем больше мы приближаемся к ней, тем больше деталей видим. Потемневшие от возраста стены, башня, амбразуры, ниши — все это напоминает роман «Айвенго» Вальтера Скотта. Всё выглядит так, как «положено» для средневековых рыцарских замков, есть даже ров (правда, без воды), через который перекинут мостик, хотя и не подъёмный. По этому мостику мы подходим к огромным крепостным воротам. Они забаррикадированы, и перед ними стоит танк «Тигр». Правда, ствол его орудия разворочен, но направлен в сторону леса, как будто он ещё может кому-то угрожать. Гусеницы разбиты, броня изъедена ржавчиной и изрыта вмятинами.

Это выглядит символично: старый, беззубый тигр все же пытается защитить любимое детище Медведя — цитадель.

Над воротами висит фонарь, тоже огромных размеров, а еще выше виден сравнительно маленький балкон.

Никто нас не окликает. Только стволы автоматов смотрят на нас из бойниц своими тёмными зрачками. Мы не видим никого, но чувствуем, что сотни пар глаз внимательно следят за каждым нашим движением. Собственно, я должен был бы сейчас, — как мы договорились, — начать переговоры. Но как это сделать, если перед нами только огромные ворота. Чтобы как-то выйти из поло-

жения, я неожиданно для самого себя кричу простое и обыденное «Алло!» И сразу откуда-то сверху неожиданно раздаётся: «Что вам угодно?»

— Мы советские парламентёры и хотим говорить с комендантом!

— Хорошо, — отвечает тот же голос.

Вскоре на балконе появляются два офицера. Один из них говорит:

— Я комендант цитадели. Что вы желаете?

Балкон расположен высоко. Для разговора с комендантом пришлось бы запрокинуть головы и напрячь голоса. Это было бы и неудобно, и унижительно.

— Советские офицеры не привыкли вести переговоры в неравных условиях. Если хотите нас выслушать, спускайтесь вниз.

— Хорошо.

Комендант делает знак рукой. На балкон выходят два солдата и укрепляют что-то на перилах. К своему удивлению, мы видим, как на землю летит верёвочная лестница. По ней спускаются комендант и второй офицер. Они представляются: «Комендант цитадели профессор полковник Юнг! Заместитель коменданта подполковник Кох!»

Оба вскидывают руку в фашистском приветствии. (Нам известно, что после покушения на Гитлера оно было введено и в вермахте «в знак верности фюреру».) Мы прикладываем руку к козырьку и тоже представляемся.

Переговоры длятся недолго. Мы рассказываем им о положении на фронте (советские войска уже под Бранденбургом) и разъясняем бессмысленность дальнейшего сопротивления, затем излагаем условия капитуляции (сохранение жизни, медицинская помощь больным и раненым, достаточное питание). Комендант и его заместитель отходят в сторону и тихо совещаются. Мы можем теперь детальнее рассмотреть их. Полковник — пожилой, почти старик. Морщинистое лицо. Из-под фуражки с высокой тульей видны коротко стриженные седые волосы. За стеклами очков в железной оправе — тусклые, серые глаза. Узкие плечи устало опущены. Вокруг тонкой шеи — излишне просторный ворот шинели. Всё это плохо гармонирует с серебристыми «кренделями» его полковничьих погон. Очевидно, он не кадровый военный.

Подполковник Кох несколько моложе. Шинель сидит как влитая на его коренастой фигуре. На полных, глянцевитых щеках играет румянец. Он выглядит самоуверенно. Живые тёмно-карие глаза как бы ощупывают всё, что попадает в их поле зрения... Оба офицера подходят к нам. Полковник хмурится.

— Я согласился бы капитулировать на условиях, предложенных вашим командованием. Но есть приказ фюрера: если комендант осаждённой крепости или командир окружённого соединения ка-

питулирует, то любой подчинённый ему офицер может и должен его расстрелять и возглавить оборону. Поэтому моё единоличное решение капитулировать не принесло бы пользы, — он горько усмехается, — ни вам, ни мне. Предлагаю, чтобы мой заместитель поднялся наверх, сообщил всем офицерам цитадели ваши условия и возвратился с их решением.

Мы знали из передач немецкого радио об этом чудовищном приказе Гитлера. Бесноватый «фюрер» издал его после капитуляции крепости Кёнигсберг в тщетной надежде связать своих военачальников круговой порукой страха... Очевидно, полковник не хитрит. Мы соглашаемся с его предложением. Подполковник карабкается по лестнице на балкон. Мы остаемся втроём. Говорить не о чем. Все, что можно и нужно было сказать, уже сказано. Полковник нарушает тягостное молчание разговором о погоде и природе.

— Скоро станет тепло, всё вокруг зазеленеет и расцветёт, все оживёт...

Мы вежливо соглашаемся, но про себя я думаю: да, все расцветёт и оживёт, но кто знает, доживём ли мы и он до этого...

Я смотрю на крепость и вдруг вспоминаю, что этот мрачный колосс — современник нашей солнечной Москвы. Полковник, ложно истолковав мой взгляд, с гордостью сообщает мне, что цитадель была построена в раннем Средневековье. В этот момент он напоминает постаревшего гида или — скорее — старого учителя, который просвещает своих невежественных и нерадивых учеников. Неожиданно для самого себя я прерываю полковника на полуслове:

— Да, мы знаем, что эту крепость заложил в XII веке Альбрехт Медведь, маркграф Бранденбурга.

Зачем я невежливо прервал его, что побудило меня к этому? Конечно же, не тщеславное желание похвастать своими знаниями. Что мне до этого старого немецкого полковника? Нет, дело не в нём лично. Я хотел просто показать этому немцу, что советские люди, о которых многие его соотечественники презрительно говорят как о «русских варварах», знают не только немецкий язык, но и немецкую историю. Его удивлённый взгляд показал мне, что я достиг своей цели.

Подполковник возвращается и что-то шёпотом докладывает своему шефу. Тот обращается к нам: «Как я и предполагал, офицеры отказываются капитулировать. Они хотят выполнить свой долг...»

Неужели это конец переговоров и все наши старания были напрасны? И вот тут происходит самое необычное в этой необычной истории: желание не допустить страшного и бессмысленного кровопролития настолько сильно в нас, что мы неожиданно решаем сделать то, что не было и не могло быть запланировано заранее.

— Господин полковник! Мы хотим сами подняться в крепость и поговорить с вашими офицерами.

Полковник ошеломлён и растерян. Он думает, что ослышался.

— Повторите, пожалуйста!

Мы повторяем наше решение. Юнг обменивается со своим заместителем многозначительным взглядом, нерешительно пожимает плечами и указывает рукой на лестницу: «Ну что ж, пожалуйста!» Как изменились лица обоих немцев между этими двумя «пожалуйста!»

В фильме «Мне было 19» комендант говорит парламентёрам: «В крепости находятся эсэсовцы... Я не могу гарантировать вам безопасность...» В действительности он этого не сказал, но недвусмысленно дал понять: «Если вы такие безумцы, то дело ваше...» Мы все подходим к верёвочной лестнице и начинаем «подъём». Первым, так сказать, как хозяин дома поднимается полковник, за ним — Гришин, третьим я. «Группу альпинистов» замыкает подполковник Кох. Я вижу над собой начищенные до блеска сапоги Гришина. (Он всегда следит за своей внешностью, а сегодня, конечно, особенно.) Еще выше я вижу краги полковника. Слышу, как подо мной тяжело сопит подполковник: это ведь у него уже второй подъём за один час.

Ни Гришину, ни мне не приходилось до этого взбираться по верёвочным лестницам. С непривычки мы оба лезем, конечно, не так умело и элегантно как цирковые акробаты или матросы парусного флота. Но нас это не волнует. Мы добираемся до балкона. Один за другим перелезаем через перила. С балкона попадаем в узкую длинную комнату. Солнечный свет проникает только через балконную дверь. Когда наши глаза привыкли к полутьме, мы различаем группу немецких офицеров, выстроившихся подковой. Гришин и я инстинктивно занимаем наиболее удобную для обороны позицию у самой стены, плечом к плечу. Конечно, это наивная предосторожность: если бы немцы захотели что-нибудь сделать с нами, не помогла бы никакая, даже самая удобная позиция.

Мы стоим лицом к лицу перед офицерами и обращаемся к ним — на этот раз не через МГУ и не через их начальников, а непосредственно. Мы говорим, что сопротивление бессмысленно, война всё равно скоро кончится. От имени Советского командования мы предлагаем им капитулировать. Они слушают нас молча и внимательно.

Как только мы кончаем, «подкова» ломается на маленькие группки. Офицеры начинают оживлённо дискутировать. Только Кох не участвует в спорах. Всё время он стоит молча возле нас. Мы не можем понять, что говорят офицеры, но по выражению их лиц понятно: одни, во главе с полковником, за капитуляцию, другие же, в большинстве молодые, — против. Кто возьмёт верх? Кажется,

дискуссия закончилась. Опять выстраивается «подкова», точно на том же месте, где и прежде. Полковник обращается к нам:

— Господа русские офицеры! Мы, немецкие солдаты, умеем ценить истинное мужество, даже если его проявляет враг, и восхищаемся вашим благородным поступком: вы не побоялись подняться в цитадель, чтобы предотвратить кровопролитие.

При этих словах он патетически и немного театрально склоняет голову и на минуту умолкает.

Как мы должны ответить на этот реверанс? Может быть, вежливо сказать: «О, пожалуйста!» Нет, эта вежливость была бы здесь и сейчас неуместна. Или вообще не реагировать, как будто ничего не было сказано. Нет, и это было бы, наверное, неумно. Мне кажется, мы сразу нашли единственно правильный ответ: мы молча кивнули, как бы говоря: хорошо, принимаем это к сведению, а что же дальше?

А дальше полковник сказал следующее: «Но мы не можем сейчас капитулировать. Мы солдаты и должны выполнить свой долг перед фюрером и родиной до конца. Однако у нас есть контрпредложение. Вы только что так убедительно доказали нам (лёгкая усмешка трогает его бледные губы), что война скоро кончится. Я даю вам слово чести немецкого офицера, что в эти немногие дни, оставшиеся до конца войны, цитадель не произведёт ни одного выстрела по мосту и не причинит русской армии никакого вреда. Но и ваши солдаты пусть ничего не предпринимают против нас. А когда наше верховное командование вермахта издаст приказ об общей капитуляции, мы тоже капитулируем согласно этому приказу. Таким образом, мы выполним свой долг, и вы добьётесь своей цели — обезвредить цитадель до конца войны, она не причинит вам никакого вреда. И можно будет избежать кровопролития».

Это предложение кажется на первый взгляд разумным. Но только на первый взгляд! А в действительности всё обстоит иначе. Мы понимаем, что полковник, хотя он искренно хочет этого, не в состоянии сдержать своё слово. Он не смог бы помешать эсэсовцам открыть огонь по мосту. Значит, если мы сейчас пойдём на этот компромисс, то не обеспечим безопасность наших войск. Как дамклов меч будет висеть над нами опасность артобстрела со стороны цитадели. И мы были бы вынуждены взять цитадель штурмом.

Наступает наш черёд ответить. Это не пустой разговор. Это тоже бой. Он бескровен, но от его исхода зависит, прольётся ли кровь. Мы коротко совещаемся, и я должен произнести наше последнее слово и к тому же на хотя и знакомом, но не родном языке.

«Господа офицеры! Только что ваш комендант внёс компромиссное предложение. Оно выглядит разумным, но Советское командование не может его принять. Война есть война, а не детская

игра, где можно не только дать честное слово, но и сдержать его. Ничьё честное слово не является гарантией от обстрела моста вашей артиллерией. Значит, ваше компромиссное предложение означает в конечном итоге отказ капитулировать. Поэтому наши войска будут вынуждены брать цитадель штурмом. И мы возьмём её, можете не сомневаться. Советская Армия брала крепости и посильнее. Это вам хорошо известно. Но, конечно, при штурме прольётся и кровь наших солдат. В этом случае Советское командование не обещает вам того, что гарантировали бы условия капитуляции — ни сохранения жизни, ни медицинской помощи, ни питания. И тогда пеняйте на себя! Но наше Командование гуманно и хочет всё же избежать кровопролития. Поэтому мы даём вам последний шанс спасти ваших солдат, гражданских лиц и себя на разумных и почётных условиях. Сейчас поддень. Мы даем вам три часа на обдумывание. Но это уже самый последний срок. Если ваши парламентарии не придут к нашему переднему окопу с сообщением о капитуляции к 15:00, то мы начнём штурм! Мы хотим дать вам в заключении добрый совет. Только что ваш комендант говорил о долге перед родиной (он говорил и о «долге перед фюрером», но я намеренно вынес это за скобки). Советуем вам за эти три часа тщательно подумать, в чём состоит ваш истинный долг перед родиной: в том, чтобы в самом конце уже проигранной войны обречь на гибель себя, своих солдат и стариков, женщин, детей, или в том, чтобы, сознавая свою ответственность, разумно и почётно капитулировать и тем самым спасти свои и их жизни для новой, лучшей Германии? Если вы всё-таки не внимаете голосу разума и не капитулируете, то вся ответственность за страшное кровопролитие, за гибель сотен людей падёт на ваши головы!»

Это предостережение прозвучало как открытая угроза. Уже в начале переговоров атмосфера была напряженной. Теперь напряжение еще больше возросло и достигло апогея. В комнате воцаряется гробовая тишина. Достаточно было бы одного истерического выкрика: «А, эти русские свиньи нам ещё угрожают!», чтобы вызвать взрыв. Нас разорвали бы на части, и никто — даже полковник — не мог бы нас спасти. Но, к счастью, выкрик не раздался, никто не тронулся с места. Майор Гришин и я поворачиваемся и идём к балкону, чувствуя на себе полные ненависти взгляды молодых офицеров. Полковник и его заместитель следуют за нами. По той же лестнице мы спускаемся вниз. Я думал, что спуск будет легче, чем подъем. Но, напротив, верёвочная лестница качается теперь сильнее, очевидно, потому что нас теперь не четверо, а только двое. Порыв ветра бросает меня на закопчённый фонарь. Это не больно, но я боюсь, что может испачкаться одолженная шинель, и это было бы мне неприятно. И другие мысли бродят у меня в голове:

пока фашисты вели с нами переговоры и надеялись на компромисс, они не тронули нас. Но теперь, когда эта надежда не сбылась, они могут нас убить. Для этого им не нужно даже нас пристрелить. Достаточно отвязать верёвочную лестницу, и мы упадём на землю. Потом фашисты могли бы оправдаться, что это был несчастный случай.

Спустившись на землю, мы видим, что комендант и его заместитель всё ещё стоят на балконе. Мы идем мимо подбитого «тигра» через мостик к леску, за которым находятся наши первые окопы. До сих пор мы смотрели опасности в лицо. Но теперь она подстерегает нас сзади. Мы готовы к тому, что в любой момент озверевшие эсэсовцы могут скосить нас автоматной очередью из бойницы. Честно говоря, велико искушение ускорить шаги, даже побежать. Однако мы сдерживаем себя и идём неторопливо. Но каким же долгим кажется нам этот путь!

На опушке леса попадаем в объятия друзей. Радостно возбужденные, перебивая друг друга, они рассказывают нам, как волновались, когда через бинокль увидели, что мы поднялись «прямо к черту в зубы». И теперь не обходится без шутки. Кто-то из ребят с серьезным видом утверждает, что Виктор волновался вдвойне: и за нас, и за свою шинель... Гришин и я смотрим на цитадель, и запоздало удивляемся: как это мы смогли сделать такое? Если бы кто-нибудь мне предсказал, что я пойду парламентёром, то я бы ответил: «Это было бы прекрасно, но я, к сожалению, не смогу это сделать». И это не кокетство. Еще ребёнком я был не драчуном и забиякой, а тихим и даже боязливым мальчиком, я тайно страдал от этого и завидовал храбрости своих сверстников. Да, нужно еще раз повторить: «Солдатами не рождаются...»

Мы возвращаемся в Шпандау. Нас волнует одна мысль: капитулируют немцы или нет? Придут их парламентёры или не придут?

Честно говоря, у нас мало надежды. Об этом мы докладываем командующему армией. Но на всякий случай он посылает меня в 14:00 к переднему окопу. Солдаты встречают меня с смешанным чувством восхищения и недоверия. По «солдатскому телеграфу» они уже узнали обо всём, что произошло. Но они сомневаются. Наконец, любопытство побеждает субординацию и один из них спрашивает меня: «Товарищ капитан, это правда, что вы и майор поднялись по верёвочной лестнице в крепость к фрицам?»

Я вкратце рассказываю им и предупреждаю: если появятся парламентёры, всем оставаться в окопе!.. Кажется, что стрелки часов не двигаются. Наконец они приближаются к цифре 15:00. Напряжение и ожидание становятся невыносимыми. В этот момент я слышу взволнованный возглас: «Товарищ капитан, идут, идут!»

Я бросаю взгляд на часы — 14:59. Приказываю солдатам оставаться на месте и вылезать из окопа. Ко мне приближаются две фигуры с белым флагом. Ровно в 15:00 с немецкой точностью передо мной стоят полковник Юнг и его заместитель. Полковник говорит хриплым от волнения голосом:

— Господин капитан! Мы пришли сообщить Вам наше решение...

— Слушаю вас, господа офицеры!..

— Цитадель... — Голос полковника дрогнул, он на мгновение запнулся. Это мгновение кажется мне вечностью. Но полковник поборол волнение и заканчивает начатую фразу: ... капитулирует!

Бурная радость охватывает меня. Мы победили! Но я не подаю виду и говорю невозмутимо, как будто выслушивать сообщения о капитуляции для меня самое обыденное дело: «Поговорим о деталях сдачи».

Через несколько часов майор Гришин и я входим в цитадель, но уже не через балкон, а через разбаррикадированные ворота. В огромном дворе выстроились немецкие солдаты и офицеры. Наши автоматчики уводят их из крепости к сборным пунктам военнопленных. В проходящих мимо нас колоннах видим знакомые злые лица молодых эсэсовцев. К нам подходят полковник и подполковник. Последний обращается к нам на чистом русском языке: «Мы хотели бы попроситься с вами, господа офицеры...» Он видит наше удивление и отвечает на наш немой вопрос: «Я жил много лет в Санкт-Петербурге и говорю немного по-русски».

Теперь мне понятно, почему он всё время находился возле нас в течение всех переговоров. Хорошо, что мы не обронили ни одного неосторожного слова!

Во дворе много женщин с детьми, стариков. Это родные офицеров и солдат цитадели, а также жители Шпандау. Запуганные фашистской пропагандой, они надеялись в стенах цитадели укрыться от «нашествия русских варваров». Теперь на их лицах страх и смятение. Что их ждет? Смерть? Сибирь?

Через рупор отдаем приказ: «Гражданское население может покинуть крепость и отправиться по домам!»

Шумный и пёстрый поток устремляется к воротам. К нам подходит молодая женщина с ребёнком на руках. Её глаза полны слез, голос дрожит: «Я знаю, что вы не побоялись подняться наверх и уговорили наших офицеров сдать. Вы спасли жизнь и им, и нам, и нашим детям. Спасибо вам!» Много лет спустя я опять услышал слова благодарности. Это произошло летом 1967 г. Я был как раз в Берлине по приглашению Конрада Вольфа, чтобы присутствовать на съёмках фильма «Мне было 19». Об этом как-то узнали работники телевидения, и их редактор Понтер Энгман взял у меня интервью. Мы сидели в летнем кафе «Унтер ден Линден», и я подробно рассказывал перед телекамерой о цитадели Шпандау. Конечно,

любопытные прохожие обступили наш столик. Я заметил, что пожилой мужчина, сидевший за соседним столиком, прислушивался особенно внимательно. Когда интервью было закончено и телеоператоры сложили свою аппаратуру, этот мужчина вскочил со стула, бросился мне на шею, стал бурно обнимать меня, крича: «Спасибо! Спасибо!» Я удивился и оторопел. Но потом выяснилось следующее: он был одним из сотен солдат, которые 1 мая 1945 г. находились в крепости Шпандау. Самое удивительное, что он живёт не в Берлине, а в Дрездене. Но именно в этот день он был проездом в Берлине и именно в этот час зашёл именно в это кафе. Телевизионщики, видевшие эту сцену, рвали на себе волосы, что они уже сложили аппаратуру. От волнения они даже забыли записать фамилию незнакомца. Они объяснили мне, что такой телесюжет произвёл бы фурор. Единственно, что утешило Пюнтера Энгмана и его коллег, это трезвое рассуждение, что им всё равно никто не поверил бы, что всё это не подстроено (как пресловутый «рояль в кустах»).

Вечером 1 мая 1945 г. по шоссе Берлин—Бранденбург мчится маленький «Опель». В нём два офицера — майор Гришин и я. Хотя уже опустились сумерки, мы не включаем фары, ибо еще идёт война. Мы возвращаемся «домой», в Политотдел 47 армии.

Глагол «возвращаемся» не совсем точен: когда началась операция «цитадель Шпандау», Политотдел был еще в Фалькензее, а теперь он находится между Науеном и Бранденбургом. Уже через час мы добираемся до нужной деревни. Прежде всего идём к полковнику Калашнику и докладываем ему об успешном выполнении задания. Он встаёт из-за стола. Его обычно строгое лицо светлеет. Он крепко, по-отечески обнимает нас. Это неожиданно для нас. Мы не ожидали от нашего шефа такого проявления нежности. Затем мы направляемся в соседнюю избу, где все празднуют. Поводов больше, чем достаточно: соединение с американскими войсками, и радостная встреча (многие офицеры политотдела армии встречаются впервые после начала Берлинской операции), и 1 Мая. Нас встречают радостными возгласами, произносят тост за бескровную победу в Шпандау и за нас. Конечно, мы с Гришиным должны выпить до дна. Праздник в полном разгаре, когда выбегает Кони из закутка, где он слушает сводки немецкого командования и Би-би-си. Дрожащим от радости голосом он старается перекричать праздничный шум:

«Ребята, Гитлер капут!»

Бурный взрыв смеха раздаётся в ответ на эти слова. Они всем нам хорошо знакомы как пароль для перебежчиков на всех листовках. Кроме того, мы как раз сейчас пьём какую-то дьявольскую смесь, которую Саша Цыганков избобрёл и назвал «Гитлер капут».

Литература: личный архив автора.

Ramuntxo Garderes,

Employee at the Administration of Military Doctrine and Higher Military Education of the Ministry of Defense of the French Republic, President of Inter-Army Committee on Military Terminology

HISTORIQUE DES «INTERPRÈTES MILITAIRES» FRANÇAIS

The article is dedicated to the history of military interpreters in France: from the Napoleonic Wars up to the present day. The authors shows military interpreters' functions in times of war, analyzes the structural changes the detachments of military interpreters underwent in the course of human events, tells the stories of the most outstanding French military interpreters and provides some information on military interpreters' associations.

Key words: history of military translation/interpretation, French military interpreters, history of French external military operations, military interpreters' associations.

Officier ou sous-officier interprète servant sous l'uniforme, les Interprètes Militaires accompagnent les forces armées françaises dans tous leurs engagements depuis maintenant plus de 200 ans. Après avoir reçu les appellations successives d'Officiers Linguistes de Réserve de l'Armée de Terre (OLRAT), Interprètes/Officiers Interprètes de Réserve de l'Armée de Terre (IRAT/OIRAT) ou Officier de Liaison et Interprète de Réserve (OLIR), ils sont aujourd'hui Officiers et Sous-officiers de Réserve Qualifiés Langues Etrangères (OSRQLE).

Faisant référence à leur création durant la Campagne d'Égypte, leur insigne de spécialité est un sphinx, sur fond de globe terrestre bleu divisé par les barrières linguistique, enchâssé sur un fond circulaire excentré parcouru de rayons symbolisant chacun une langue parlée par les Interprètes Militaires, sur lequel repose la courte épée symbolisant l'Armée de Terre.

“Les truchements intermédiaires, indispensables entre Nations et peuplades de races différentes, ont existé dès la plus haute antiquité [...] Quand Bonaparte entreprit sa glorieuse campagne d'Égypte, il emmena avec lui un corps de savants, au nombre desquels figuraient plusieurs orientalistes et arabisants auxquels il donna le titre d'interprètes de l'armée [...]”. Ainsi commence-la “notice sur les Officiers Interprètes” rédigée en 1931 par l'interprète Commandant Aribat, notice largement inspirée de l'ouvrage de Laurent-Charles Féraud, “Les Interprètes de l'Armée d'Afrique”, publié en 1876. De tous temps les conquérants se sont entourés de linguistes, nécessaires à la bonne marche de leurs opérations. Mais il fallut attendre Bonaparte pour que fussent formalisés le rôle et la fonction d'interprète militaire.

Рамунчо Гардер,

сотрудник Управления военной доктрины и высшего военного образования министерства обороны Франции. Председатель межармейского комитета по военной терминологии

ИСТОРИЯ ВОЕННЫХ ПЕРЕВОДЧИКОВ ВО ФРАНЦИИ

В статье освещается история военных переводчиков во Франции от их зарождения в период наполеоновских походов до современности. Автор показывает функции военных переводчиков в военное время, обращает внимание на изменения, происходившие в организации подразделений военных переводчиков, рассказывает о наиболее известных военных переводчиках Франции, о профессиональных объединениях военных переводчиков.

Ключевые слова: история военного перевода, военные переводчики Франции, история внешних военных операций Франции, ассоциации военных переводчиков.

Военные переводчики — офицеры или унтер-офицеры, облачённые в военную форму, — вот уже более двухсот лет сопровождают французские вооружённые силы во всех кампаниях. Раньше их называли офицерами-лингвистами запаса сухопутных войск (OLRAT), переводчиками/офицерами-переводчиками запаса сухопутных войск (IRAT/OIRAT) или же офицерами связи и переводчиками запаса (OLIR). Сегодня же военных переводчиков называют офицерами и унтер-офицерами запаса — специалистами по иностранным языкам (OSRQLE).

Эмблема военных переводчиков напоминает о временах Египетского похода Наполеона: именно в ходе этой кампании была создана служба военных переводчиков. На эмблеме — сфинкс на фоне голубого земного шара, разделённого языковыми барьерами. Земной шар эксцентрически размещён на круглом сером фоне, с пересечёнными лучами, каждый из которых символизирует один из языков военных переводчиков. Земной шар покоится на коротком мече, символизирующем сухопутные войска.

«Посредники, необходимые для общения между нациями и людьми разных рас, существовали с самой глубокой древности [...] Когда Бонапарт шёл в славный Египетский поход, он взял с собой группу учёных, среди которых было много востоковедов и арабистов, и ввёл их в ранг армейских переводчиков [...]». Так начинается «Наставление офицерам-переводчикам», разработанное в 1931 г. военным переводчиком майором Абриба в значительной степени на основе книги Лорана-Шарля Ферро «Переводчики Африканской Армии»,

1. 1798: Campagne d’Egypte

Pour la première fois, un général en expédition, Napoléon Bonaparte, choisit de se faire accompagner de linguists : les Interprètes Militaires sont nés. Il fut donc le premier à formaliser la fonction de ces linguistes. C’est là que se trouve l’origine de l’insigne actuel des linguistes de l’Armée de Terre, ainsi que celle des brevets de langues des autres armées : le sphinx.

Le 20 Floréal an VI (9 Mai 1798), le futur empereur s’entoura donc de neuf interprètes choisis parmi les orientalistes les plus en vue de l’époque, qui devinrent Interprètes de l’Armée, rattachés à la Commission des Sciences et Arts. Ils dépendaient du Ministère de la Guerre, mais n’avaient pas de grade réel. Parmi eux, Venture Paradis fut spécialement attaché à Bonaparte, et l’accompagna dans ses moindres déplacements, avec le titre d’Interprète en Chef, assimilé plus tard au grade de Commandant ou Lieutenant-colonel. Il décéda au retour de l’expédition de Saint Jean d’Acre, et fut remplacé par son élève, Amédée Jaubert. Tous deux furent membres de l’Institut d’Egypte fondé au Caire par Bonaparte le 3 Fructidor an VI (20 Aout 1798). Plusieurs interprètes furent en outre recrutés sur place, l’un d’entre eux recevant même plus tard le titre de Comte (Elias Pharaon, dit Comte Elias).

Ce premier corps des interprètes fut licencié à l’issue de la campagne, et ses membres eurent des destins souvent prestigieux: professeurs à l’Institut des Langues Orientales, rédacteurs d’ouvrages historiques ou linguistiques, d’études diverses, voire membres du corps diplomatique [Laurent-Charles Féraud].

2. 1803: Armée d’Angleterre

C’est au 12 vendémiaire an XII (5 Octobre 1803) que remonte la création officielle de la fonction et des unités constituées d’Interprètes Militaires, ou plus exactement “Guides interprètes”, à l’occasion de la mise sur pied, au Camp de Boulogne, de l’Armée d’Angleterre. Le Colonel Dupont-Derval fut chargé de la constitution du Corps, et il nomma à sa tête le lieutenant, rapidement promu capitaine, Cuvelier.

La compagnie comprenait une centaine d’hommes, dont deux tambours. L’habit à pans courts fut d’abord vert, avec col, parements et revers rouges, culotte blanche, ceinturon à boucle ornée d’un œil, avant de devenir en 1807 à pans longs, entièrement vert à l’exception des parements, blancs. Le débarquement annulé, la compagnie participa à d’autres campagnes (Allemagne, Espagne, Russie) avant d’être

опубликованной в 1876 г. Во все времена завоевателей окружали лингвисты, необходимые для успешного проведения военных операций. Но должен был появиться Бонапарт, чтобы придать официальный статус роли и функциям военного переводчика.

1. 1798: Египетский поход

20 флореаля 6 года (9 мая 1798) будущий император окружил себя девятью переводчиками, выбранными из числа самых видных ученых-востоковедов эпохи, которые стали переводчиками Армии, состоящими в Комиссии Наук и Искусств. Они относились к Военному министерству, но не имели реального звания. Один из них, Вентюр Паради (Venture Paradis), состоял непосредственно при Бонапарте и сопровождал его повсюду. Паради был в ранге старшего переводчика, который позднее был приравнен к званию майора или подполковника. Он умер по возвращении из похода в Сан Жан д'Акр, и эту должность занял его ученик Амедей Жобер. Оба этих учёных были членами Египетского Института, основанного в Каире Бонапартом 3 фрюктидора года 6 (20 августа 1798). Многих переводчиков нанимали на месте, один из них позже даже получил титул графа (Элиас Фараон, называвшийся графом Элиасом).

Этот первый корпус переводчиков был распущен по окончании кампании. Судьба многих переводчиков сложилась весьма успешно: одни стали преподавателями Института восточных языков, другие — редакторами исторических или лингвистических произведений, различных научных исследований, а некоторые пополнили дипломатический корпус.

2. 1803: Английская армия

12 вандемьера 12 года (5 октября 1803) считается датой официального учреждения должности военного переводчика и создания подразделений военных переводчиков, точнее «переводчиков сопровождения», когда английская армия стала лагерем в Булони. Полковник Дюпон-Дерваль был назначен ответственным за организацию подразделения и назначил старшим лейтенанта Кювелье, вскоре произведённого в капитаны.

Рота насчитывала около ста человек, двое из которых были барабанщиками. Короткополый камзол переводчиков сначала был зеленым, с красными воротником, обшлагами и лацканами, белые штаны, а пряжка поясного ремня была красиво украшена. В 1807 г. короткополый камзол сменился длинным, полностью зеленым, за исключением обшлагов белого цвета. Англичане ушли, и рота принимала участие в других кампаниях (в Германии, Испании, России), пока не была распущена в 1814 г. 25 оставшихся в живых были зачислены во Второй драгунский полк.

licenciée en 1814. Les 25 survivants furent alors incorporés au 2ème Régiment de Dragons [Commandant Bucquoy].

3. 1830: Armée d’Afrique

En Avril 1830, les Interprètes Militaires furent une fois encore mis à contribution, pour l’Expédition d’Alger. Le Marquis de Clermont Tonnerre, Colonel d’Etat-major, créa le Corps Royal des Interprètes de l’Armée d’Alger, qui devait devenir plus tard Corps des Interprètes de l’Armée d’Afrique. Les premiers à être recrutés furent d’anciens interprètes de Bonaparte, ainsi que des survivants des Mamelouks de la Garde Impériale, et de jeunes orientalistes. Le corps comprit à l’origine 5 interprètes de 1ère classe qui reçurent, sans en avoir le grade, le traitement et les indemnités de Colonel d’Etat-major, 3 de 2ème classe (Chef d’escadron) et 7 de 3ème classe (Capitaine) ainsi que 8 Guides-interprètes (Lieutenant) [Interprète Commandant Aribat]. L’uniforme était de drap bleu de roi à collet et parements en velours noir, gilet bleu ou blanc, pantalon demi-large en drap bleu sans passepoil. Les 9 boutons de l’habit, dorés, figuraient une fleur de lys surmontée d’une couronne [Dr Lienhart & René Humbert]. Le signe distinctif de ces interprètes était alors une broderie en or figurant, au collet ou aux parements, selon le grade, deux branches d’olivier entrelacées.

De nombreux interprètes eurent leurs chevaux tués sous eux, certains furent blessés au combat, quelques uns y laissèrent même leur vie [Lieutenant-Colonel Eugène Hennebert].

La conquête achevée, et après de nombreux changements apportés à l’organisation du corps et aux tenues, certains devinrent administrateurs civils, responsables des forces de police (D’Aubignosc devint Lieutenant-général de police), consuls, magistrats,... Ismaïl Urbain fut “l’inspirateur de la politique du Royaume arabe de Napoléon III, [sa route] a croisé et accompagné celle de l’Emir Abd el-Kader. Il fut de la Prise de la smala d’Abd El Kader par le duc d’Aumale (16 mai 1843), il eut la responsabilité de la détention de l’Emir en France, il lui rendit visite à Amboise, il l’accompagna à Paris lors de ses visites de 1853 et 1865” (Michel Levallois, docteur en histoire — in études Arabes). Laurent-Charles Féraud, Interprète Principal de l’Armée, écrivit leur histoire en 1876. Par la suite, les interprètes de l’Armée d’Afrique furent distingués de leurs homologues “européens” par la présence en dessous de leur insigne du croissant commun aux troupes coloniales. Le “corps” des interprètes de l’Armée d’Afrique perdura jusqu’au retrait des troupes françaises d’Afrique du Nord en 1962. Les interprètes étaient alors incorporés aux Services des Affaires Indigènes (SAI) des pays concernés.

3. 1830: Африканская армия

В апреле 1830 г. вновь потребовались услуги военных переводчиков во время алжирского похода. Маркиз де Клермон-Тоннер, полковник штабной службы, создал Королевский корпус переводчиков Алжирской армии, который позже стал Корпусом переводчиков Африканской Армии. Первыми в состав корпуса были призваны бывшие переводчики Бонапарта, а также выжившие мамлюки Императорской гвардии и молодые учёные-востоковеды. Изначально подразделение состояло из 5 переводчиков первого класса, которые, даже не имея звания, приравнивались к офицерам в звании полковника штабной службы, 3 переводчика второго класса, приравненные к офицерам в звании майора, 7 переводчиков третьего класса, приравненные к офицерам в звании капитана, и 8 переводчиков сопровождения, приравненные к лейтенантам. Униформа из сукна ярко-синего цвета, с черным бархатным воротником и такими же обшлагами, синим или белым жилетом, полуширокими синими штанами без канта. На девяти золочёных пуговицах мундира была выгравирована королевская лилия, украшенная короной. Отличительным знаком переводчиков было золотое шитьё на воротнике или обшлагах, в зависимости от звания, в виде двух переплетённых оливковых ветвей. В бою немало переводчиков теряли лошадей, некоторые получали ранения, даже погибали.

После завершения военных действий и многочисленных изменений, внесённых в организацию корпуса и в форму одежды, кто-то стал гражданским служащим, кто-то — ответственным за поддержание порядка (Д'Обинёск дослужился до генерал-лейтенанта полиции), консулами, судьями... Исмаил Урбан стал «политическим вдохновителем Арабского Королевства Наполеона III, [его судьба] пересекалась и шла параллельно с судьбой эмира Абд эль-Кадера. Он принимал участие в пленении свиты Абд эль-Кадера герцогом д'Омалем (16 мая 1843 г.) и отвечал за содержание эмира под стражей во Франции. Он навестил его в Амбуазе и сопровождал в Париж во время визитов эмира в 1853 и 1865 годах» [Мишель Леваллуа, доктор исторических наук, специалист по арабистике]. Лоран-Шарль Феро, главный переводчик Армии, описал их историю в 1876 г. Позднее переводчиков Африканской Армии стали отличать от их «европейских» коллег по специальному знаку в нижней части эмблемы — полумесяцу, который был отличительным знаком всех колониальных войск. Корпус переводчиков Африканской Армии просуществовал до вывода французских войск с территории Северной Африки в 1962 г. С тех пор переводчиков включили в Службу по делам местностей соответствующих стран.

4. 1914—1918: La Première Guerre Mondiale

1870, cuisante défaite pour la France, inspira l'idée de la création d'un corps d'officiers d'appoint, certains incorporés dans des unités constituées ou des états-majors et d'autres, isolés, appelés "Officiers de Complément".

En 1914, c'est dans leurs rangs que l'on trouve les Interprètes Militaires qui viendront seconder en masse leurs camarades d'active. En majorité germanistes, ils sont présents dès le début des hostilités dans la plupart des états-majors de niveau brigade ou supérieur. Leurs compétences sont utilisées pour la recherche ou l'interprétation du renseignement, l'interrogatoire des prisonniers de guerre ou la réalisation de documents de propagande. C'est ainsi que s'illustrent, entre autres, l'aquarelliste Alsacien Jean-Jacques Waltz, plus connu sous le pseudonyme de Hansi, son ami Zislin, caricaturiste patriote, ou encore Ernest Tonnelat, professeur au collège de France, connu de tous les germanistes [Jean-Jacques Waltz ('Hansi') et Ernest Tonnelat].

Leur uniforme suit l'évolution des tenues de l'armée de terre de l'époque, excepté le collet de couleur bleu outremer avec broderie de branche d'olivier aux angles, et les boutons à tête de sphinx.

Mais rapidement se fait jour le besoin d'interprètes de langues autres que l'Allemand : les contacts avec les alliés, ainsi que les besoins de communication quotidiens de ces derniers avec les populations locales, imposent le recrutement de nombreux interprètes d'anglais, notamment. Affectés aux unités britanniques, américaines et australiennes, ils travailleront sans relâche à des missions de liaison avec les unités homologues françaises et dans un rôle d'intermédiaire avec la population locale pour le logement, l'achat de fourrage ou de subsistances, ou la location de lieux de vie (terrains et bâtiments). Nombre d'entre eux périront rapidement, leur pantalon et képi garance les rendant encore plus repérables au sein d'unités vêtues de kaki, jusqu'à ce que leurs hôtes décident de les habiller eux-mêmes. On verra ainsi des interprètes en képi français et tenue britannique ou américaine, à laquelle cependant ils ajoutaient en général les boutons à tête de sphinx et les sphinx métalliques au collet qui les distinguaient de leurs camarades germanistes.

L'écrivain André Maurois, interprète militaire auprès d'un état-major britannique, a écrit ses souvenirs dans "Les Silences du Colonel Bramble" [André Maurois], tout comme le peintre Paul Maze dans "A Frenchman in Khaki", préfacé par Sir Winston Churchill [Paul Maze]. Paul Mantoux (1877—1956), l'interprète de Georges Clemenceau à la

4. 1914—1918: Первая Мировая война

В 1870 г. мучительное поражение Франции вдохновило идею создания корпуса офицеров вспомогательной службы, одни из них должны были входить в состав частей или штабов, а другие, служившие изолированно, назывались «Офицерами Дополнения».

В 1914 г. именно из их рядов набирают военных переводчиков, которые замешают своих товарищей, состоявших на действительной службе. В большинстве своём это были германисты. С начала военных действий они были введены во все штабы бригадного и более высокого уровня. Их знания использовались для получения и обработки разведывательных данных, допросов военнопленных, а также для составления агитационно-пропагандистских материалов. Именно в этом проявляется талант, например, акварелиста из Эльзаса Жан-Жак Вальтца, более известного под псевдонимом «Анси», и его друга карикатуриста и патриота Зислена, а также Эрнеста Тоннеля, преподавателя Коллежа де Франс, знаменитого германиста.

Форма одежды переводчиков изменяется, по мере того как меняется униформа военнослужащих сухопутных войск в целом, за исключением ультрамаринового воротника с вышитыми оливковыми ветвями и пуговиц с головами сфинкса.

Но вскоре становится очевидной потребность в переводчиках и с других языков. Установились контакты с союзниками, необходимо было общаться с местным населением. Начался набор переводчиков английского языка. Приписанные британским, американским и австралийским частям, они без устали работали в составе постов связи вместе с коллегами — переводчиками французского языка, — выступая в роли посредников в переговорах с местным населением по вопросам размещения, фуража или продовольствия, а так же, если нужно, об аренде необходимых помещений и участков местности. Многие из них быстро погибали, так как красные штаны и кепи делали их очень заметными на фоне войск, одетых в форму цвета хаки. Союзники, к которым они были прикомандированы, одели их в свою форму. Переводчики стали носить французские кепи и британские или американские мундиры, пуговицы которых иногда были украшены изображением головы сфинкса, а воротники — металлическими фигурками с тем же изображением. Все это отличало их от коллег нефранцузов.

Писатель Андре Моруа, военный переводчик службы связи при британском штабе, воспроизвёл свои военные воспоминания в романе «Молчаливый полковник Брамбл». Художник Поль Маз описал свои впечатления в книге «Француз в хаки», с предисловием сэра Уинстона Черчилля. Поль Манту (1877—1956), переводчик

Conférence de Versailles en 1919, fut plus tard le co-fondateur de l'Institut de hautes études internationales de Genève [Les délibérations du conseil des quatre 24 mars — 28 juin 1919].

5. 1939—1945: La Deuxième Guerre Mondiale

Durant la deuxième guerre mondiale, les interprètes connaîtront les vicissitudes de l'ensemble de l'armée française, et c'est au sein des Forces de la France Libre (FFL) que l'on retrouvera une organisation d'interprètes, avec une assez forte représentation féminine. Des interprètes seront systématiquement attachés à de petites équipes de commandos parachutées en France occupée pour préparer, notamment, le débarquement sur les plages de la Méditerranée. De ces quelques centaines de femmes et d'hommes émergent deux personnalités remarquables : le lieutenant Maurice Schumann, engagé volontaire en 1939, la voix de la France libre, qui plus de mille fois lança ses appels bien connus des studios de la British Broadcasting Corporation (BBC). C'est dans la fonction d'interprète qu'il rejoignit les Forces de la France Libre ; et le Capitaine de Corvette Philippe Kieffer, d'abord sous-lieutenant interprète de l'armée de terre, transféré à sa demande dans la marine où il devint Officier de Réserve Interprète et du Chiffre (ORIC), avant de créer le commando que chacun connaît.

6. Période contemporaine

6.1. 1991: Première guerre du Golfe

Des années 60 aux années 90, les interprètes étant devenus “de réserve”, il était devenu impossible de les envoyer en opérations extérieures. L'un d'entre eux cependant, presque clandestinement, et en usant d'un subterfuge légal, fut envoyé en octobre 1991, juste après la fin de la première guerre du Golfe, à Riyad, en Arabie Saoudite, pour participer en tant qu'interprète au bilan militaire de la guerre du Golfe. Il fut ainsi le premier à reprendre le flambeau des langues en opérations, qui plus est sur cette terre d'Afrique où furent déployés les premiers interprètes, ainsi que les plus importants contingents de linguistes, avec l'Armée d'Afrique de 1830.

6.2. 1992: Balkans

Par la suite, la loi 1993/4 rendit à nouveau possibles les participations individuelles de réservistes à des opérations militaires.

Le conflit des Balkans venait de commencer, la communauté internationale décida d'envoyer en ex-Yougoslavie, sous l'égide de

Жоржа Клемансо на Версальской конференции в 1919 г., стал одним из создателей Института высших международных исследований в Женеве.

5. 1939—1945: Вторая мировая война

Во время Второй мировой войны переводчики переживают те же перипетии, что и вся французской армия в целом. В вооружённых силах Свободной Франции создаётся организация переводчиков, среди которых было много женщин. Устные переводчики регулярно передаются диверсионным группам, забрасываемым на территорию оккупированной Франции главным образом для подготовки к высадке на побережье Средиземного моря. Из нескольких сотен мужчин и женщин выделяются двое, которые становятся выдающимися личностями: лейтенант Морис Шуман, вступивший в ряды добровольцев в 1939 г., стал «голосом Свободной Франции». Более тысячи раз он выступал со знаменитыми призывами из студии Британской вещательной корпорации (BBC). А пришел он в вооружённые силы Свободной Франции именно в качестве устного переводчика. И капитан третьего ранга Филипп Киеффер, начавший службу переводчиком сухопутных войск в звании младшего лейтенанта, по его просьбе был переведён в военно-морской флот, где становится офицером-переводчиком и шифровальщиком запаса, а затем создаёт десантно-диверсионную группу, известную многим.

6. Современный период

6.1. 1991: Первая война в Персидском заливе

С 1960-х по 1990 гг. переводчики считались резервистами, и оказалось невозможным привлечь их к участию во внешних операциях. Однако один из них, практически нелегально благодаря уловке в законе, был отправлен сразу после окончания первой войны в Персидском заливе в октябре 1991 г. в Саудовскую Аравию, в Эр-Рияд, где он принял участие во встрече, посвящённой подведению итогов войны. Он был первый, кто подхватил эстафету военных переводчиков. Более того, это произошло на территории Африки, где в 1830 г. в составе Африканской армии были развернуты первые подразделения переводчиков и собраны значительные силы лингвистов.

6.2. 1992: Балканы

В соответствии с законом, принятом в апреле 1993 г., резервисты в индивидуальном порядке вновь смогли принимать участие в военных операциях.

l'Organisation des Nations Unies (ONU) puis de l'Organisation du Traité de l'Atlantique Nord (OTAN), un contingent important auquel participa la France: au cours des années 1995 et 1996, 5 interprètes militaires de réserve furent affectés soit à des postes à caractère strictement linguistique de traducteur/interprète d'anglais ou de serbo-croate, soit à des postes où leur formation au travail d'état-major doublée de leurs compétences linguistiques leur permettaient de s'adapter instantanément à un environnement multinational à forte dominante anglo-saxonne. De plus, leurs compétences civiles les rendaient aptes à des missions auxquelles l'armée de métier n'était alors pas habituée : les Actions Civilo-Militaires (ACM), les relations avec les médias ou avec les populations locales... Depuis, la présence des interprètes militaires de réserve (IRAT, OIRAT ou OLRAT) dans les Balkans a été ininterrompue, que ce soit en Bosnie-Herzégovine ou au Kosovo notamment, certains ayant déjà effectué 4 voire 5 opérations extérieures (OPEX).

6.3. Liban, Afghanistan...

Dernier conflit en date à l'extérieur de nos frontières auquel la France participe, l'Afghanistan, dans le cadre de l'opération PAMIR n'a pas échappé à la règle maintenant bien établie du recours aux interprètes militaires de réserve. Initialement deux, ils sont à ce jour plusieurs à participer à cette opération extérieure, soit sur place, soit à distance.

En effet, dès le mois d'Août 2004, un Interprète Militaire a été désigné comme chef du service linguistique de la Force Internationale d'Assistance et de Sécurité (FIAS) à Kaboul. Il dirigeait alors une cohorte de 25 interprètes "locaux", comme avant lui les interprètes de l'Armée d'Afrique. Il facilita ainsi les opérations de l'Eurocorps, dont c'était le second déploiement majeur à l'étranger. Après la participation de personnels disséminés dans le Quartier Général (QG) de la Force de Stabilisation (Stabilisation Force / SFOR) de 1998 à 2000 puis le commandement de la Force Kosovo III (Kosovo Force / KFOR III) en 2000 (2/3 des postes du QG pourvus), cette mission marquait le premier engagement de l'Eurocorps dans son ensemble, avec sa principale unité subordonnée (la Brigade Franco-allemande) et sur un théâtre d'opérations lointain.

Parallèlement à cette mission de gestion de personnel interprète et d'interprétation, le second utilisait ses compétences linguistiques et d'état-major pour, à deux reprises et à distance, participer à PAMIR. Dès le mois de mai 2004, il opérait de Brunssum, aux Pays-Bas, dans le cadre d'un renfort J3 mis à disposition de l'OTAN par la France pour l'opération PAMIR.

Едва начался конфликт на Балканах, международное сообщество приняло решение направить в бывшую Югославию сначала под эгидой ООН, а затем НАТО значительный военный контингент, в составе которого были представители Франции. В 1995—1996 гг. пять переводчиков-резервистов выполняли либо сугубо лингвистические функции устных и письменных переводчиков английского и сербохорватского языка, либо функции, где требовались навыки штабной работы в сочетании с лингвистическими компетенциями, с тем чтобы немедленно адаптироваться к многонациональной среде с явным преобладанием английского языка и культуры. Кроме того, их опыт работы в гражданских структурах позволял им участвовать в невоенных мероприятиях. Например, в военно-гражданских акциях, в общении со СМИ или с местным населением. С того момента деятельность военных переводчиков на Балканах не прекращалась, будь-то Босния и Герцеговина либо Косово. Многие из них участвовали в четырёх или пяти операциях.

6.3. Ливан и Афганистан

Последний по времени вооружённый конфликт за пределами наших границ, в котором Франция принимала участие в рамках операции Памир, не стал исключением из сложившегося правила — привлекать военных переводчиков резерва. Сначала переводчиков было всего двое, а сейчас уже несколько человек участвуют в этой внешней операции либо непосредственно на месте, либо дистанционно.

Таким образом, начиная с августа 2004 г. один военный переводчик был назначен начальником лингвистической службы Международных сил содействия безопасности в Кабуле. В его подчинении находились 25 «местных» переводчиков, подобно тому, как это было в Африканской армии. Он обеспечивал работу Европейских сил быстрого реагирования (Еврокорпуса), для которых это было вторым развёртыванием сил за рубежом. После участия отдельных лиц и подразделений в деятельности штаба Стабилизационных сил (Stabilisation Force) с 1998 по 2000 г., затем в составе управления Сил Косово III (Kosovo Force III) в 2000 г. (2/3 должностей), эта задача Еврокорпуса впервые предполагала развёртывание всех сил, в частности его основной части — франко-германской бригады, — на отдалённом театре военных действий.

Заместитель начальника лингвистической службы одновременно с задачей управления переводчиками дважды вёл лингвистическую работу дистанционно и участвовал в операции Памир из главного штаба. С мая 2004 г. он работал в г. Брунсум, Нидерланды, в составе сил J3, которые Франция предоставила в распоряжение НАТО для участия в этой операции.

7. Ecoles

Durant la 1ère Guerre Mondiale, deux écoles furent créées, l'une pour les interprètes près l'armée Anglaise (sic) à Berck, l'autre pour les interprètes près l'armée Américaine à Biesles (Haute-Marne). Après la 2ème Guerre Mondiale fut créé à Paris le CLEEM (Centre de Langues et Etudes Etrangères Militaires) installé dans les locaux de l'Ecole Militaire, place Joffre à Paris. A sa dissolution en 1986, ses missions furent reprises par l'EIREL (Ecole Interarmées du Renseignement et des Etudes Linguistiques) implantée à Strasbourg dans les locaux de l'ancienne Ecole Militaire.

Depuis 2006, cet organisme a été remplacé par le Centre de Formation Interarmées au Renseignement (CFIAR), qui en a repris les locaux et les missions.

8. Objets insolites...

Bien que les premiers interprètes militaires aient été constitués en unité dès 1803 et l'Armée d'Angleterre, ce n'est qu'à partir de la première guerre mondiale et avec le développement des moyens de communication modernes que s'est développée l'utilisation et la propagation de leur image, comme d'ailleurs celle de l'ensemble des forces armées. Les supports ont été multiples, voici les plus insolites.

L'une des nouveautés technologiques très à la mode durant la première guerre mondiale était le stéréoscope: deux photos au cadrage légèrement décalé permettaient, en les visionnant à l'aide d'un appareil spécial (l'un des modèles disponibles était dénommé "stéréoscope mexicain") d'obtenir un effet de relief assez saisissant. Les clichés se comptent par milliers, et quelques uns d'entre eux mettent en scène des interprètes. Il s'agit souvent, comme sur les photos non stéréoscopiques, d'interprètes interrogeant des prisonniers de guerre.

L'une des marottes bien connues des poilus était ce que l'on appelât par la suite "l'art du poilu" ou "l'artisanat des tranchées": l'habitude prise, pendant les longues périodes d'inaction, de confectionner des objets à l'aide de matériaux de récupération. Cette plaque de cuivre ("interprète 6ième armée 1914—1918", réalisée postérieurement à l'armistice) en est vraisemblablement un exemple: aucun insigne réglementaire de ce type n'est en effet répertorié.

L'escroc Delandre, de son vrai nom Gaston Fontanille, fabriqua et vendit de 1915 à 1917 plus de 3000 vignettes illustrant les différentes

7. Школы

Во время Первой мировой войны были созданы две школы переводчиков: первая, в Берке, готовила устных переводчиков для штабов английской армии, а вторая, в Бьеле (Верхняя Марна), — для штабов американской. После Второй мировой войны в Париже был создан Центр языков и иностранных военных исследований (CLEEM), расположившийся на территории Военной школы на площади Жоффр. После его упразднения в 1986 г. его функции были переданы Общевоинской школе разведки языков в Страсбурге в (EIREL), разместившейся в здании бывшей Военной школы.

В 2006 г. эта организация была преобразована в Общевоинской Центр разведывательной подготовки (CFIAR), унаследовавший её помещения и задачи.

8. Необычные предметы

Несмотря на то, что первые подразделения военных переводчиков появились в 1803 г., сведения об их деятельности, как и о деятельности вооружённых сил в целом, начинают появляться в обществе лишь в период Первой мировой войны и развиваются по мере совершенствования современных средств коммуникации. Предметы, на которых запечатлелась эта деятельность, были самыми разнообразными. Вот наиболее необычные из них.

Одно из технических новшеств, очень модное в Первую мировую войну, это стереоскоп: две фотографии с минимальным расхождением изображения, расположенные рядом друг с другом, если на них смотреть с помощью специального аппарата (одна из моделей носила название «мексиканский стереоскоп»), создавали эффект объёмных фотографий. Были сделаны тысячи снимков, на некоторых из них можно увидеть и переводчиков. Как и на обычных фотографиях, чаще всего на них запечатлены военные переводчики во время допроса военнопленных.

Одной из хорошо известных забав фронтовиков первой мировой войны было то, что впоследствии получило название «искусства фронтовиков» или «окопного ремесленничества». В периоды долгого бездействия стало привычкой что-то мастерить из подручных материалов. Примером может послужить медная пластинка (сделанная после перемирия) с выгравированной надписью «переводчик 6 армии 1914—1918». Ни в одном перечне официально принятых знаков отличия такая табличка не числится.

Аферист Гастон Фонтаний, более известный под кличкой Деландр, изготовил и продал нелегально с 1915 по 1917 г. более 3000 виньеток с изображением подразделений не только французских войск, но и английских, сербских, бельгийских, русских, а

unités des armées Française, mais aussi Britannique, Serbe, Belge, Russe,... qu'il fit passer pour des timbres, ou dont il prétendit que les bénéfiques étaient reversés à la Croix Rouge. Arrêté le 20 Juin 1917, il mourut en prison en 1923. Il avait entre temps eu le temps de produire, entre autres, 3 vignettes, dont deux très jolies, consacrées aux interprètes militaires.

L'interprète militaire le plus connu et le plus médiatisé de la première guerre mondiale fut incontestablement l'aquarelliste Alsacien Jean-Jacques Waltz, plus connu sous son pseudonyme de "Hansi". Objet de propagande (ses actions antiallemandes avaient fait de lui une véritable célébrité bien avant la guerre), il fit la une de nombreux journaux, en tenue de caporal du 152ème Régiment d'Infanterie ou en uniforme d'interprète. Dans ses fonctions militaires, il devint rapidement un des tout premiers spécialistes de la "propagande à l'ennemi" et rédigea de nombreux tracts et pamphlets. Mais dans le cas ci-contre, son image devint également objet de contre propagande de la part des Allemands, avec cette photo retouchée et légendée «Le déserteur»...

Sa popularité n'a pas décliné en Alsace où un musée lui est consacré à Riquewihr. La ferveur populaire s'est emparée de son image, et consacre au symbole régional les supports les plus fantaisistes. HANSI ne rechignant pas lui-même à se dessiner a réalisé de nombreuses illustrations où il se met en scène en pantalon garance et veste bleue. Il a ainsi réalisé une série de portraits du 15/2, reprise par les imageries d'Epinal, où il se représente fusil à l'épaule, une canne à la main gauche et une cigarette dans la main droite. C'est cette image que l'on retrouve aujourd'hui sur des fèves (2 différentes à ce jour), des cartes à jouer (3 au moins), et tout support imaginable...

Du fait de la défaite de 1940, de la surveillance de la presse et de la censure qui s'ensuivirent, peu d'images d'interprètes de la deuxième guerre mondiale sont disponibles. Le plus célèbre de tous ne s'est pas illustré en tant que linguiste, mais c'est bien sa connaissance de l'anglais qui lui permit d'avoir le destin que l'on sait. Il fut en effet le créateur et chef d'un bataillon commando, seule unité 100% francophone à avoir débarqué sur les plages de Normandie: le commando Kieffer, du nom de celui qui fut d'abord sous-lieutenant interprète (armée de terre), avant de devenir Officier de Réserve Interprète et du Chiffre (ORIC) et de se battre pour qu'un commando Français fut constitué. Son personnage est mis en scène dans le film "Le jour le plus long", et son profil facilement identifiable a été reproduit sur une... plaque de muselet (capsule de champagne) en 2004!

также многих других. Он продавал их как марки, утверждая, что прибыль от продаж идёт в фонд Красного Креста. Он был задержан 20 июня 1917 г. и умер в тюрьме в 1923 г. Между тем он успел изготовить еще несколько виньеток. Три виньетки, две из которых весьма красивы, посвящены военным переводчикам.

Самым известным военным переводчиком Первой мировой войны, личность которого широко освящалась в СМИ, без сомнения, является акварелист из Эльзаса Жан-Жак Вальтц, более известный под псевдонимом Анси. Став объектом пропаганды (его антигерманские поступки сделали из него настоящую звезду еще до начала войны), он часто появлялся на первых страницах многих газет в форме капрала 152-го пехотного полка или военного переводчика. На военной службе он быстро стал одним из самых первых специалистов по «пропаганде на противника», был автором многочисленных листовок и памфлетов. Но его изображение стало также и объектом немецкой контрпропаганды: подретушировав его фотографию, немцы сделали на ней надпись «Дезертир».

Однако это не сказалось на его популярности в Эльзасе, где ему посвящён музей в городе Рикевир. Горячая любовь народа к своему региональному символу была столь велика, что его изображение появлялось на самых невероятных предметах. Анси не гнушался тем, чтобы нарисовать самого себя, и сделал немало иллюстраций, где изображает себя в красных брюках и синем мундире. Он также нарисовал серию портретов сослуживцев 152 полка, восстановленную художественной мастерской в Эпинале, где предстаёт с винтовкой на плече, с тростью в левой руке и сигаретой в правой. Этот образ сегодня можно встретить в фигурках (бобах), запекаемых в праздничный сладкий пирог королей-магов (на сегодняшний день две разные фигурки), на игральных картах (по меньшей мере три колоды), на самых невероятных носителях...

Вследствие поражения в 1940 г., контроля над прессой и цензуры доступно не так много изображений военных переводчиков Второй мировой войны. Самый известный из них изображён вовсе не как лингвист, но именно знание английского языка определило его судьбу. Он был создателем и командиром батальона командос, единственного полностью франкоязычного подразделения, высадившегося на побережье Нормандии — командос «Киеффер», названный так в честь своего командира, который начинал свою военную карьеру младшим лейтенантом военным переводчиком в сухопутных войсках, затем был офицером запаса переводчиком-шифровальщиком и наконец добился создания французского командос. Этот персонаж выведен в фильм «Самый долгий день», а его легко узнаваемый профиль воспроизведён... на колпачке мюзле шампанского 2004 г.

9. Associations

Entre deux guerres, les interprètes se regroupèrent en associations. Les deux premières (L'Association des Sphinx, et Interpreters of the Great War) naquirent juste après le premier conflit mondial, fusionnèrent, puis disparurent dans les années 30. La troisième fut créée en 1928, et perdue. Tout d'abord appelée Association Générale des Officiers Interprètes de Réserve (AGOIR), elle devint ensuite AGOLIR (Association Générale des Officiers de Liaison et des Interprètes de réserve), puis ANOLIR (Association Nationale des Officiers de Liaison et des Interprètes de Réserve) [ANOLIR].

Cette association accueille les officiers et sous-officiers, d'active et de réserve, des trois armées, de la gendarmerie, et des services communs, ainsi que les civils, tous linguistes spécialistes de Défense. Un grand nombre d'entre eux sont "Officiers Linguistes de Réserve de l'Armée de Terre" (OLRAT) ou "Officiers de Réserve Qualifiés Langues Etrangères" (ORQLE). Selon leur qualification, ils peuvent effectuer des missions de traduction, d'interprétation de liaison ou de conférence, en consécutif ou en simultané, ou d'enseignement des langues au profit des forces et états-majors de l'Armée de Terre. Tous sont en mesure d'accomplir des missions d'accompagnement de personnalités, et de participer à des exercices ou des missions en états-majors multinationaux ou aux opérations extérieures (OPEX) de l'Armée française (Bosnie, Kosovo, Afghanistan...): ils ajoutent en effet à leurs compétences linguistiques des connaissances militaires approfondies compte tenu de leur qualité d'Officier et de la formation continue qu'ils reçoivent. Les OLRAT/ORQLE sont pour la plupart titulaires du troisième degré des CML (Certificats Militaires de Langues) et ORSEM (Officier de Réserve Spécialiste d'Etat-major). Ils peuvent intervenir dans près de 30 langues étrangères différentes, des plus courantes aux plus rares.

Dans le cadre de la réserve opérationnelle, la majorité des OLRAT/ORQLE est titulaire d'un ESR (Engagement à Servir dans la Réserve) et effectue à ce titre une moyenne de 30 jours d'activité par an, les plus actifs d'entre eux, de par leur spécificité, effectuant 60 jours d'activité dans l'année.

En plus de leur ESR, nombre d'OLRAT/ORQLE exercent aussi des activités de linguistes au profit d'autres organisations des forces, d'établissements, d'écoles de toutes les armées, comme par exemple le Collège Interarmées de Défense (CID), le Centre de Formation Linguistique de la Gendarmerie (CFLG), l'Ecole du Service de Santé

9. Ассоциации

В период между Первой и Второй мировыми войнами военные переводчики объединились в ассоциации. Первые две из них («Ассоциация Сфинксов» и «Переводчики Великой войны») появились сразу же после Первой мировой войны, позднее были объединены в одну, а затем в 1930-е гг. исчезли. Третья ассоциация была создана в 1928 г. сначала под названием «Всеобщая ассоциация офицеров-переводчиков запаса» (AGOIR), позднее переименованная во «Всеобщую ассоциацию офицеров связи и переводчиков запаса» (AGOLIR), а затем — в «Национальную ассоциацию офицеров связи и переводчиков запаса» (ANOLIR).

Эта ассоциация объединяет офицеров и унтер-офицеров, состоящих на действительной службе и находящихся в запасе в трёх видах вооружённых сил, в жандармерии, в общевоинских службах, а также гражданских лиц, всех лингвистов Министерства обороны. Многие из них являются «офицерами-лингвистами запаса сухопутных войск» (ORLAT) или «офицерами запаса специалистами по иностранным языкам» (ORQLE). Согласно их квалификации они могут выполнять письменный, устный двусторонний перевод, перевод на переговорах и конференциях, последовательный или синхронный перевод, преподавание иностранных языков в интересах сил и штабов сухопутных войск. Все они способны сопровождать высокопоставленных лиц, участвовать в учениях многонациональных сил и в деятельности многонациональных штабов, принимать участие в операциях французской армии на внешних театрах военных действий (Босния, Косово, Афганистан). Помимо лингвистических навыков они обладают глубокими военными знаниями благодаря непрерывной подготовке. Офицеры-лингвисты запаса сухопутных войск и офицеры запаса — специалисты по иностранным языкам, как правило, обладают военными дипломами по языкам третьей степени и дипломами как офицеры-специалисты запаса штаба. Они могут работать примерно с 30 языками — от самых распространённых до самых редких.

Входя в состав операционного резерва, большинство офицеров-лингвистов запаса сухопутных войск или офицеров запаса — специалистов по иностранным языкам работают по контракту службы в резерве и, в соответствии с этим контрактом, призываются на действительную службу в среднем на срок 30 дней в год, наиболее активные из них в зависимости от специфики могут состоять на действительной службе по 60 дней в год.

Помимо этого контракта многие офицеры-лингвисты запаса сухопутных войск или офицеры запаса — специалисты по иностранным языкам работают как лингвисты в интересах других организаций вооружённых сил, учреждений, военных институтов всех

des Armées (ESSA), le Centre d'Etudes et de Recherche de l'Enseignement Militaire Supérieur (CEREMS), le Centre d'Enseignement Supérieur de la Marine (CESM). Dans leur vie civile de nombreux OLRAT/ORQLE sont enseignants de langues étrangères, exercent une activité de linguiste, ou occupent des postes à responsabilité impliquant des relations internationales.

En plus de leur formation continue, les membres de l'ANOLIR reçoivent chaque semaine, par courriel, un bulletin d'information (ANOLIR Hebdo) comportant en particulier des textes en langues étrangères et les demandes de collaboration des divers organismes du Ministère de la Défense. Ce mode d'information et de communication leur permet non seulement de rester informés des dernières nouveautés des armées étrangères, mais aussi de réagir rapidement aux demandes du commandement en matière d'emploi, notamment de linguistes (en général en moins de 48 heures).

Notes et références

Laurent-Charles Féraud, *Les Interprètes de l'Armée d'Afrique*, Jourdan Editeur, Alger, 1876.

Commandant Bucquoy, *Les Uniformes du Premier Empire — Dragons et Guides*, Grancher éditeur, Paris, 1980.

Interprète Commandant Aribat, Notice sur les Officiers Interprètes, in Capitaine Chavanne, chef du bureau des Affaires Indigènes, *Historique du Service des Affaires Indigènes de Tunisie (1881—1830)*, pour le compte de la Résidence Générale de France Tunis, Service des Affaires Indigènes — Imprimé chez Victor Berthod à Bourg, 1931.

Dr Lienhart & René Humbert, *Les uniformes de l'armée française depuis 1690 jusqu'à nos jours*, En français — Editions Liepzig. Ruhl, de 1897 à 1902.

Lieutenant-Colonel Eugène Hennebert, *Nos Soldats — première partie: les trois armes*, Librairie Illustrée, Paris, 1888.

Jean-Jacques Waltz ('Hansi') et Ernest Tonnelat, *A travers les lignes ennemies. Trois années d'offensive contre le moral allemand*, Payot et Cie, Paris, 1922.

André Maurois, *Les Silences du colonel Bramble*, B. Grasset, Paris, 1918.

Paul Maze, *A Frenchman in khaki*. With a pref. by The Rt. Hon. Winston Churchill, W. Heinemann, Londres, Grande — Bretagne, 1934.

Les délibérations du conseil des quatre 24 mars — 28 juin 1919. Notes de l'officier interprète Paul Mantoux., CNRS éditions, 1955.

ANOLIR: Siègè social: 18 rue de Vézelay 75 008 Paris, France. — <http://www.anolir.org>

видов вооружённых сил, таких, например, как Межвойсковой колледж Обороны, Центр лингвистической подготовки жандармерии, Медицинский военный институт, Учебно-научный центр высшего военного образования, Центр высшего военного образования военно-морских сил. В гражданской жизни многие офицеры-лингвисты запаса сухопутных войск или офицеры запаса — специалисты по иностранным языкам преподают иностранные языки, занимаются лингвистической деятельностью или занимают ответственные посты в управлениях по международным отношениям.

Кроме курсов по повышению квалификации члены Национальной ассоциации офицеров связи и офицеров-переводчиков запаса каждую неделю получают по электронной почте новую информацию, которая, в частности, включает в себя тексты на иностранном языке и предложения о сотрудничестве различных учреждений к Министерству обороны. Такой тип обмена информацией помогает не только быть в курсе последних военных событий в мире, но и быстро, как правило в течение менее 48 часов, реагировать на предложения командования о работе для лингвистов.

*Перевод Е. Грибановской, А. Макшанцевой
под редакцией Н. Гарбовского*

Список литературы

- Laurent-Charles Féraud.* Les Interprètes de l'Armée d'Afrique. Jourdan Editeur. Alger, 1876.
- Commandant Bucquooy.* Les Uniformes du Premier Empire — Dragons et Guides. Grancher éditeur. Paris, 1980.
- Interprète Commandant Aribat.* Notice sur les Officiers Interprètes, in Capitaine Chavanne, chef du bureau des Affaires Indigènes, Historique du Service des Affaires Indigènes de Tunisie (1881—1830), pour le compte de la Résidence Générale de France Tunis, Service des Affaires Indigènes — Imprimé chez Victor Berthod à Bourg, 1931.
- Dr Lienhart & René Humbert.* Les uniformes de l'armée française depuis 1690 jusqu'à nos jours. En français — Editions Liepzig — Ruhl, de 1897 à 1902.
- Lieutenant-Colonel Eugène Hennebert.* Nos Soldats — première partie: les trois armes. Librairie Illustrée. Paris, 1888
- Jean-Jacques Waltz ('Hansi') et Ernest Tonnelat.* A travers les lignes ennemies. Trois années d'offensive contre le moral allemand. Payot et Cie. Paris, 1922.
- André Maurois.* Les Silences du colonel Bramble. B. Grasset. Paris, 1918.
- Paul Maze.* A Frenchman in khaki. With a pref. by The Rt. Hon. Winston Churchill, W. Heinemann. Londres; Grande; Bretagne, 1934.
- Les délibérations du conseil des quatre 24 mars — 28 juin 1919. Notes de l'officier interprète Paul Mantoux. CNRS éditions, 1955.
- ANOLIR: Siège social: 18 rue de Vézelay 75 008 Paris, France — <http://www.anolir.org>

Р.А. Матасов,

канд. фил. наук, преподаватель кафедры теории и методологии перевода Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: rmatasov@mail.ru

СИНХРОННЫЕ ПЕРЕВОДЧИКИ НА НЮРНБЕРГСКОМ ПРОЦЕССЕ: HUMANI NIHIL A ME ALIENUM PUTO

Автор статьи предлагает читателю взглянуть на Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками глазами участвовавших в нём синхронных переводчиков, чтобы лучше понять, какие чувства и мысли владели ими во время работы в зале судебных заседаний. Синхронисты, обеспечивавшие успешную коммуникацию всех участников процесса, вопреки расхожему представлению о синхронном переводе как о сугубо механической деятельности работали творчески и самозабвенно. При этом их сложные душевные переживания по-разному проявлялись на процессе, свидетельствуя о том, что синхронисты работали не как автоматы, но как люди мыслящие, имеющие свои принципы и высокие моральные качества, а некоторые — даже специфическое чувство юмора.

Ключевые слова: Нюрнбергский процесс, синхронный перевод, механическая деятельность, чувства и мысли.

Roman A. Matasov,

Cand.Sc. (Philology), Teacher at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov MSU, Russia; e-mail: rmatasov@mail.ru

Simultaneous Interpreters at the Nuremberg Trial: Humani Nihil a Me Alienum Puto

The author of this article invites the reader to look at the Nuremberg Trial against leading Nazi war criminals through the eyes of the simultaneous interpreters who worked at the “six-million-word trial” so as to better understand the thoughts and emotions they experienced during the court sessions. Contrary to the common misconception about simultaneous interpreting as a purely mechanical activity, the interpreters worked creatively and selflessly. Every once in a while their complex feelings became apparent in various ways, which proves that the simultaneous interpreters did not work like soulless automatons. They were thinking human beings with their own principles, high moral qualities and even somewhat peculiar sense of humor.

Key words: the Nuremberg Trial, simultaneous interpreting, mechanical activity, feelings and thoughts.

Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками стал беспрецедентным событием в мировой истории. По замечанию главного обвинителя от США Роберта Х. Джексона, Международный военный трибунал (МВТ) представлял собой «нововведение и эксперимент» [Нюрнбергский процесс..., 1957, т. I,

с. 277]. В самом деле, никогда прежде не предавались суду преступники, «завладевшие целым государством и самое государство сделавшие орудием своих чудовищных преступлений» [там же, с. 459]. Впервые в истории мировой судебной практики юристы разных стран попытались гармонично объединить в рамках одного процесса юридические традиции и принципы «соревновательной» англосаксонской и «дознавательной» континентальной правовых систем. Наконец, впервые на мероприятии всемирно-исторического значения был применён синхронный перевод¹.

Сам процесс длился почти год, с 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г., однако ему предшествовала огромная подготовительная работа, выполнение которой, как, впрочем, и проведение самого процесса, были бы немыслимы и попросту невозможны без участия переводчиков. Чтобы у читателя сложилось общее представление о масштабе переводческих задач на процессе, приведём следующий факт: записи судебных заседаний и материалы, вошедшие в состав улик, были опубликованы на четырёх языках (русском, английском, французском и немецком) в сорока двух больших томах.

При этом важно избегать крайне упрощённого, шаблонного взгляда на организацию Суда народов. В этой связи справедливы слова российского историка А.Г. Звягинцева: «Нюрнбергский процесс всем кажется бравурным — всё было замечательно, собрались, договорились, главные обвинители от четырёх стран, судьи, адвокаты, всё идёт прекрасно. На самом деле там шла очень большая борьба» [Нюрнбергский процесс: уроки истории..., 2007, с. 39]. То была борьба разведок и контрразведок, фактов и аргументов, идеологий и целых философских систем. Знакомясь с переводами стенограмм речей судей, обвинителей и адвокатов, устных свидетельских показаний и допросов подсудимых, читатель невольно воспринимает их лишь как дословную запись на иностранном языке оригинальных слов выступавших, как продукт сугубо механической работы, нередко забывая о том, что за каждым словом, каждым предложением стоит тяжёлый труд переводчика, его колоссальное нервное напряжение, предельная сосредоточенность и вдохновение. Хорошо известны пароксизмы гнева и истерики, случавшиеся временами у некоторых подсудимых, известны и эмоциональные всплески в поведении главных обвинителей и судей. Переводчикам же молчаливо отказывают в праве проявлять какие-либо сильные чувства во время работы. Тот факт, что мало кто знает, каково было поведение синхронистов на процессе, свидетельствует об их главном качестве: высоком профессионализме.

¹ Подробнее о синхронном переводе на Нюрнбергском процессе см., напр.: *Матасов Р.А.* Синхронный перевод на Нюрнбергском процессе // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода.* 2008. №2. С. 18—34.

Хороший переводчик всегда незаметен. Тем большую ценность и интерес представляют для истории сведения о нестандартных ситуациях, возникавших в работе синхронных переводчиков в Нюрнберге.

Таким образом, приведённое ниже описание переводческих курьёзов, проказ и даже ошибок ни в коей мере не умаляет достоинства или качества работы нюрнбергских синхронистов, а, напротив, имеет целью показать, что все они, и в особенности те, кто в той или иной мере пострадал от преступлений нацистского режима (а таких было немало), работали на заседаниях не как бесчувственные автоматы. Это были мыслящие и тонко чувствующие люди, в силу специфики своей работы обязанные пропускать через себя мысли и чувства как обвинения, так и защиты.

Отбор переводчиков

В США ответственность за подбор квалифицированных переводческих кадров для американской делегации была возложена на Гильермо Суро, главу Центрального отдела переводов Государственного департамента. Фактически же эту работу выполнял по назначению Суро профессиональный лингвист, полковник Леон Достер², высказавший идею использования синхронного перевода на процессе. Достер выбрал себе в помощники капитана 2-го ранга Альфреда Джилберта Стира и младшего лейтенанта Эрнеста Петера Юбералля.

Многие американские граждане и иммигранты, владевшие иностранными языками, узнавали о готовящемся процессе над главарями Третьего рейха из прессы, от родственников или коллег, после чего решали принять участие в процедуре тестирования письменных и устных переводчиков, отбиравшихся для работы в МВТ, поскольку находили эту миссию «уникальным шансом увидеть своими глазами нацистских чудовищ, долгое время терроризировавших весь цивилизованный мир» (здесь и далее перевод мой. — *Р.М.*) [Sonnenfeldt, 2006, p. 20].

Кандидаты, подавшие заявки в Госдеп, направлялись на тестирование к полковнику Достеру в Пентагон. Здесь помощник Достера Юбералль просил их назвать на родном и иностранном языках 10 деревьев, 10 автомобильных деталей и 10 сельскохозяйственных инструментов. За этим тестом следовали более сложные переводческие задания, целью которых было выявление способности кандидатов к устному и письменному переводу, хорошее знание военной и юридической терминологии, а также высокий общий культурный уровень.

² Леон Достер работал в Джорджтаунском университете и возглавлял лингвистическую службу Пентагона.

Успешно прошедших вашингтонский тест посылали в Германию. По прибытии в Нюрнберг они отправлялись на собеседование к старшему переводчику американской делегации Рихарду Зоннефельдту. Сам Зоннефельдт в своих мемуарах даёт следующую характеристику некоторым из кандидатов: «[Сотрудники Госдепа], присылавшие их в Нюрнберг из Соединённых Штатов, явно недорабатывали. Многие из прибывших говорили на английском с гортанным немецким акцентом, а на письме калькировали немецкий синтаксис. В речи говоривших по-немецки нередко слышался венгерский и польский акцент. Как-то в мой кабинет бесцеремонно заявился невысокий толстяк и, вытянув вперёд руку в приветственном жесте, танцующей походкой направился ко мне со словами: “Misster Tzonnenfelt, I amm sooo glat to mit you. I speaka da seven linguiches and Englisch dee best” (“Мистер Цоннефельт, я так рад знакомиться с вами. Я знаю семь языков и английский лучше всех”). Фраза “Англицкий лучше всех” (Englisch dee besst) потом стала нашей любимой шуткой» [ibid., p. 20—21].

Некоторые из кандидатов, признанные Зоннефельдтом непригодными для работы в качестве устных переводчиков, не скрывали своей обиды. Как вспоминает сам Зоннефельдт, один из таких «отверженных» впоследствии писал о нём с язвительной иронией: «Там был парень по имени Зоннефельд [*прим. авт.:* я прощаю ему забытую букву “т” в конце моей фамилии], который, вероятно, являлся самой важной персоной на Нюрнбергском процессе. Наделённый огромной властью, он мог любого переводчика, отобранного Государственным департаментом, отправить назад в Вашингтон с ярлыком “профнепригоден”» [ibid., p. 22].

Другие просто смирились с неудачей и рассуждали так: «Подумаешь! Очень мне нужно сидеть за этой стеклянной перегородкой, как обезьяна в клетке» [Gaiba, 1998, p. 128].

В конце октября 1945 г. Достер и его помощники приехали в Германию, чтобы продолжить вербовку переводчиков уже в Европе и следить за монтированием в зале суда доставленного из США переводческого оборудования IBM. Будущих синхронистов находили в Швейцарии (в основном это были выпускники Женевской школы переводчиков), Бельгии, Нидерландах и других странах, граждане которых обычно свободно говорят на нескольких языках.

Тем не менее всего за месяц до начала процесса проблема квалифицированных переводческих кадров всё ещё стояла довольно остро. В конце концов, французская делегация пообещала доставить в Нюрнберг своих переводчиков к 7 или 8 ноября, а судья Лоренс официально заявил, что британская переводческая команда будет в городе 7 ноября. О соответствующих действиях советской стороны вспоминает синхронная переводчица Т.С. Ступникова:

«Оказалось, что вначале советская делегация... прибыла в Нюрнберг без переводчиков, ибо наши руководящие товарищи были убеждены в том, что в американской зоне американцы возьмут на себя не только решение всех экономических и технических проблем Нюрнбергского процесса, но и перевод на четыре языка: английский, немецкий, русский и французский. Когда же выяснилось, что синхронный перевод в зале суда разрешён только на родной язык переводчика и что, следовательно, перевод на русский с английского, немецкого и французского должен осуществляться советскими синхронистами, об этом сообщили в Москву, и там начали судорожно искать переводчиков с трёх других официальных языков процесса на русский. В то время это оказалось довольно сложным делом. Поэтому-то поиски переводчиков и были поручены... НКВД—КГБ, которому надлежало выполнить задание чуть ли не за одну ночь. Прекрасно вышколенные сотрудники этого... ведомства за 24 или (я уж не знаю точно) даже за 12 часов выполнили задание и доставили часть советских переводчиков в Нюрнберг непосредственно перед открытием процесса» [Ступникова, 2003, с. 14—15].

Как бы то ни было, к началу Суда истории все переводческие команды были сформированы и готовы к работе.

Гордость и убеждения

Иногда во время работы переводчики проявляли своеволие, которое объяснялось, однако, лишь стремлением защитить собственное достоинство и не изменить своим моральным принципам. В этой связи характерен эпизод, имевший место на одном из предварительных допросов Германа Геринга, впоследствии обвиняемого № 1 на Нюрнбергском процессе. Устным переводчиком на этом допросе работал упомянутый выше Рихард Зонненфельдт³. Когда в самом начале допроса Геринг попытался исправить перевод Зонненфельдта, этот 22-летний молодой человек решил преподать бывшему рейхсмаршаллу и наци № 2 урок хороших манер. Сам Зонненфельдт так описывает свои последующие действия: «Я ска-

³ Рихард Зонненфельдт — человек удивительной судьбы, достойной приключенческого романа. Сын немецких евреев, в 1938 г. он с братом при помощи родителей бежал из нацистской Германии в Англию. Рихарду было всего 15 лет и, по его собственному признанию, он знал по-английски меньше сотни слов. В последующие семь лет судьба забрасывала юного Зонненфельдта сначала в Австралию, потом в Индию и, наконец, в США. Войну он окончил рядовым американской армии, в составе которой успел принять участие в Арденнской операции и освобождении узников концентрационного лагеря Дахау. За это время Зонненфельдт выучил английский язык настолько хорошо, что в 1945 г. был назначен старшим переводчиком американской делегации в Нюрнберге.

зал: “Господин *Gering* (намеренно исказив его фамилию так, как это делали в Германии, когда я был ещё ребёнком; слово “*gering*” по-немецки означает “ничтожество”), когда я перевожу вопросы полковника на немецкий и ваши ответы на английский, прошу вас молчать до тех пор, пока я не закончу. После того как стенографистка запишет мой перевод, можете сказать мне, *что* конкретно вас не устраивает, а я уж решу, следует ли принимать к рассмотрению ваши комментарии. Впрочем, если хотите отвечать на вопросы без участия переводчика, так и скажите. Я буду только слушать и поправлять вас”.

В его глазах вспыхнула зловещая искра. Он долго сверлил меня молчаливым взглядом и наконец сказал: “Моя фамилия *Göring* (Гёринг), а не *Gering* (Геринг)”. <...> Мой ответ был таким: “Я здесь старший переводчик. Если вы больше не будете перебивать меня, я не буду искажать вашу фамилию, г-н *Göring*”. Полковник Эймен наблюдал за выражением наших лиц во время этой короткой беседы. Я повернулся к нему и сказал: “Заклѳченный Геринг готов отвечать на ваши вопросы”» [Sonnenfeldt, 2006, р. 17—18]. Результат этой словесной дуэли был довольно интересным: в дальнейшем Геринг настаивал на том, чтобы именно Зонненфельдт переводил его на допросах.

19 октября 1945 г. Рихард Зонненфельдт зачитывал заключѳнным Нюрнбергской тюрьмы предъявляемые им обвинения. Тогда Геринг обратился к нему с любопытными словами: «Отныне хороший переводчик мне нужен даже больше, чем хороший адвокат» [ibid., р. 43].

Другой показательный пример — отказ некоторых переводчиков, прежде всего женщин, переводить неприличные высказывания выступавших или же стремление такие выражения смягчить. Причиной тому был, очевидно, строгий внутренний цензор, выработанный хорошим воспитанием и образованием. Так, один свидетель со стороны защиты рассказывал о «гуманных» условиях, созданных для узников одного из рабочих лагерей, в котором якобы имелись библиотека, бассейн и даже бордель. Молодая американская переводчица, переводившая показания этого свидетеля на английский, на последнем его слове запнулась и замолчала. Председательствующий судья Лоренс вмешался с вопросом: «Так что у них там было?» [Gaiba, 1998, р. 107] В этот момент раздался мужской голос начальника смены переводчиков: «БОРДЕЛЬ, Ваша честь!» [ibid.] Зал суда взорвался смехом.

Другая синхронистка, переводившая показания охранника одного из концентрационных лагерей, намеренно подбирала эвфемизмы для его наиболее резких высказываний. Например, выражение «на евреев можно было мочиться» [ibid.] она передала

как «на евреев можно было не обращать никакого внимания» [ibid., p. 107—108].

В обоих случаях переводчиц пришлось заменить, так как они, по мнению Альфреда Стира, серьёзно исказили оригинальные свидетельские показания.

Иногда возникали совсем комичные ситуации. Заместитель главного советского обвинителя полковник Ю.В. Покровский однажды беседовал со своими англоязычными коллегами, из которых кто-то вдруг употребил идиому “to throw the baby out with the bath water” (дословно: выплеснуть младенца вместе с водой), т.е. вместе с несущественными деталями упустить главное. Услышав эти слова, юная советская переводчица вспыхнула и решительно заявила по-английски: «Я не буду это переводить! Очень неприятное выражение!» [Nolan, 2007, p. 67]. Впрочем, идиому начальникам она всё же перевела, но не дословно, а просто разъяснив своими словами её смысл.

Под прицелом каждое слово

Одно-единственное слово, произнесённое кем-либо в суде, могло нередко оказать серьёзное влияние на ход процесса, а то и решить судьбу одного или нескольких обвиняемых. Это понимали все, от судей до подсудимых, но лучше других — синхронисты, поэтому старались «обеспечить предельную точность перевода» [Ступникова, 2003, с. 107], памятуя о том, что именно переводчика «действующие лица, когда дело принимает нежелательный оборот, превращают в козла отпущения» [там же].

Обвиняемые нередко начинали свои ответы со слова “Ja”, которое в дословном переводе (т.е. «да») могло быть приравнено к признанию вины. Обвинитель, например, задавал такой вопрос: «Осознавали ли вы тогда, что ваши действия носят преступный характер?», на что обвиняемый отвечал: “Ja...”. Однако в данном случае слово “Ja” служило всего лишь заполнителем паузы, требовавшейся подсудимому для размышлений, т.е. чем-то вроде русского «ну». Петер Юбералль обязал синхронистов с особым вниманием относиться к этому проблемному немецкому слову и не переводить его как положительный ответ до тех пор, пока не будут полностью убеждены в том, что обвиняемый с его помощью действительно выражает согласие с утверждением обвинителя, «...в противном случае по вашей вине человека могут признать виновным в том, чего он не совершал, и повесить. Ведь как только слово “да” фиксируется в протоколе, произнёсший его, считайте, обречён» [Gaiba, 1998, p.106].

Иногда переводчики слишком увлекались приёмом речевой компрессии, нередко из-за высокого темпа речи выступавших.

Свидетель по фамилии Пайн (Pine) впоследствии вспоминал: «...председательствующий судья сделал при всех замечание переводчице: “Послушайте, я хочу, чтобы вы переводили *абсолютно точно* всё, что я говорю. Вам ясно?” Та кивнула, и судья дал мне понять, что я могу продолжать, сказав “Да, г-н Пайн?” Переводчица тут же перевела: “Ja, Herr Tannenbaum⁴?”» [ibid., p. 107].

Ещё один интересный эпизод свидетельствует о том, что случайно обронённое слово порой может о многом сказать тому, кто понимает его значение и особенности употребления. Как известно, до и в начале процесса подсудимый Рудольф Гесс успешно симулировал потерю памяти, таким образом пытаясь уйти от ответов на неудобные вопросы обвинения. Специально созванная медицинская комиссия, в которую вошли маститые психологи и психиатры, должна была выяснить, вменяем ли Гесс или же только разыгрывает роль страдающего амнезией. Во время одного из медосмотров, на котором присутствовал Рихард Зонненфельдт, Гесс вдруг произнёс слово “Kladde”, которое на немецком студенческом сленге означает папку для бумаг. Зонненфельдт так описывает свою реакцию: «“Kladde? — спросил я. — Что это такое?” “Даже не знаю, почему я вдруг употребил это слово”, — признался Гесс.

Но мне не дали исследовать промах Гесса до конца, так как учёные мужи, не говорившие по-немецки, не поняли, что это молодёжное жаргонное словечко вряд ли могло оказаться в лексиконе человека, страдающего потерей памяти» [Sonnenfeldt, 2006, p. 34].

Во власти Деймоса и Фобоса

Нюрнбергские синхронисты трудились в крайне напряжённой и нервной обстановке. В ходе заседаний им очень часто приходилось видеть и слышать вещи, сеющие в душу страх и ужас, вызывающие отвращение и праведный гнев. Не всем удавалось совладать с эмоциями...

Бывали случаи, когда переводчики просто умолкали, будучи не в силах переводить свидетельские показания о жестоком обращении с узниками концентрационных лагерей. Молодая еврейская переводчица, блестяще справившаяся с предварительным тестом, не смогла переводить на рабочем заседании Трибунала. Она разрыдалась прямо в переводческом «аквариуме» и позже сказала начальнику смены: «Эти люди погубили двенадцать из четырнадцати членов моей семьи» [Gaiba, 1998, p. 81].

По признаниям многих синхронистов, их мучили ночные кошмары после просмотров на заседаниях американских документальных фильмов о немецких концлагерях.

⁴ “Tannenbaum” по-немецки означает «сосна», как и дословный перевод английской фамилии свидетеля — Pine.

За цифрами сухих статистических отчётов, оглашавшихся на суде, стояли трагические судьбы миллионов жертв нацистов. «Бывший министр [Шпеер] сознался, что он прекрасно понимал, что рабочие были отправлены в Германию из стран Европы против своей воли. Но своей задачей он всегда считал, чтобы таких насильственно пригнанных было в Германии как можно больше.

Признаюсь, что переводить эти слова мне было трудно. Подсудимый говорит: “Как можно больше!”, а я мысленно уже готовлюсь сказать: “Как можно меньше!” Или я не должна верить своим глазам, убеждающим меня, что передо мною человек — подобие образа Божия, или я неверно расслышала эту чудовищную фразу: “Да, их гонят насильно, но пусть пригонят как можно больше!”» [Ступникова, 2003, с. 14].

Юмор как лучшее средство от стресса

Несмотря на предельную психологическую нагрузку, переводчики временами позволяли себе немного пошутить даже во время работы. Так, Петер Юбералль вспоминал забавный эпизод, главными героями которого стали один из синхронистов и председательствующий судья Лоренс: «Помнится, однажды он [Лоренс] задремал... переводчик с немецкого на английский понизил голос, а затем **ВДРУГ НАЧАЛ ПЕРЕВОДИТЬ ОЧЕНЬ ГРОМКО**. Лоренс вздрогнул и вскинул голову, а мы с улыбками переглянулись» [Gaiba, 1998, p. 128].

Подшучивали переводчики и друг над другом. Татьяна Ступникова вспоминала: «Захожу в комнату переводчиков рядом с залом суда, чтобы попрощаться с нашими зарубежными коллегами. И здесь они мне неожиданно объявляют, что я должна тянуть жребий, а жребий решит: кто из переводчиков будет работать во время казни. Я всячески сопротивляюсь, но меня заставляют тянуть из ящика аккуратно свёрнутую бумажку с роковым решением. Моё “счастье” мне не изменило: идти на казнь выпадает именно мне. Мои решительные протесты не имеют успеха... до тех пор, пока в дверях не появляется очередная жертва и весь розыгрыш не повторяется сначала. Так шутили в Нюрнберге переводчики-синхронисты» [Ступникова, 2003, с. 190].

Впрочем, и сами переводчики иногда становились предметом шуток. Тоненькие возбуждённые голоса молодых синхронисток, переводивших свидетельские показания матерых нацистских генералов, невольно вызывали улыбки у присутствующих в зале. Генерал-майора Эрвина Лахузена, потомственного аристократа, выступавшего свидетелем на суде, переводил не очень образованный германо-американец. Вылушав его перевод, заместитель председательствующего судьи Биркетт спросил: «Что это был за язык?» «Бруклинский», — ответил Стир [Gaiba, 1998, p. 107].

Сочувствие или профессиональная этика?

Интересно проанализировать душевное состояние синхронистов, чтобы понять, какие чувства они испытывали к главным военным преступникам в ходе процесса. Для этого необходимо иметь определённое представление о двух существенных и на первый взгляд взаимоисключающих характеристиках синхронного перевода. Первая, например, так выражена известным российским переводоведом Г.В. Черновым: «Практическая деятельность синхронного переводчика успешна тогда, когда его не замечают. Чем меньше видна индивидуальность переводчика, чем точнее его перевод, чем чётче и *спокойнее* его речь, тем менее он заметен, тем более естественным становится акт коммуникации» (курсив мой. — *Р.М.*) [Чернов, 2007, с. 4]. Вторая характеристика состоит в том, что «у многих переводчиков... есть в ментальности игровое, актёрское начало» [Виссон, 2007, с. 37]. Таким образом, на Нюрнбергском процессе синхронист словно бы оказывался меж двух огней: с одной стороны, кто-то мог обвинить его в равнодушии и безучастном отношении к преступлениям тех, кого он переводил; с другой стороны, его можно было заподозрить в сочувствии и даже симпатии по отношению к нацистским главарям. Однако за видимой стороной деятельности синхронных переводчиков, независимо от их стиля работы, скрывались все те искренние переживания и плоды осмысления того, чему они стали свидетелями на процессе. Очень ярко эти переживания и мысли, собственные и своих коллег, описала Т.С. Ступникова, которая на допросе Заукеля сполна проявила своё актёрское начало, увлечшись разыгрывавшейся на её глазах драмой, и которую из-за этого можно было уличить в том, что она «проявила сочувствие к Заукелю и даже оплакивала его судьбу» [Ступникова, 2003, с. 132]: «...слушая их <подсудимых> диалоги с защитниками и обвинителями, я иногда ощущала острое желание высунуть голову из нашего переводческого “окопа” и громко крикнуть судьям: “Этого надо повесить. По его вине на полях сражений и в концентрационных лагерях погибли тысячи отцов, мужей и сыновей!” Или: “Он не пожалел даже немецких детей, послав их в последние дни войны защищать бесноватого фюрера!” Или: “Он замучил тысячи ни в чём не повинных граждан Европы, угоняя их в Германию!” Или: “Он вешал и резал, как скотину, своих соотечественников!” Или: “Он преследовал и зверски уничтожал людей только за то, что они, по его мнению, не принадлежали к арийской расе!» [там же, с. 167]. Но этот крик души оставался неслышен для окружающих, ведь переводчики, связанные клятвой переводить всё услышанное «точно, полно и правдиво» [Sonnenfeldt, 2006, p. 16], не имели права озвучивать свои мысли.

«Вы сокращаете мне жизнь на несколько лет!»

А что же подсудимые? Как они относились к синхронистам? Некоторые, в особенности Геринг и Розенберг, часто и довольно жёстко их критиковали. Геринг намеренно использовал свои нападки в качестве тактического приёма, хотя открыто признал эффективность синхронного перевода во время процесса и заметил однажды синхронистам: «Вы сокращаете мою жизнь на несколько лет!» [Gaiba, 1998, p. 110].

Другие подсудимые, напротив, с большим уважением относились к труду устных переводчиков и стремились им помогать. Ещё до начала процесса во время бесед с американским военным психологом Леоном Голденсоном заключённый Ганс Франк учтиво обращался к переводчику Голденсона Триесту «господин переводчик» [Голденсон, 2008, с. 61]. Альберт Шпеер не скрывал своего восхищения работой синхронистов и переводческим оборудованием. В своих мемуарах он пишет: «Однако в зале суда мы видели только враждебные лица, встречали ледяные догмы. Исключением была будка синхронных переводчиков. Оттуда можно было ожидать дружеский кивок» [Gaiba, 1998, p. 129]. Много места в своих мемуарах уделил синхронистам Ганс Фриче. В ходе процесса он даже написал «Рекомендации для выступающих», которые раздал всем остальным подсудимым. Рекомендации носили лингвистический характер. Например, Фриче советовал соседям по скамье во время выступлений строить предложения таким образом, чтобы смысловой глагол оказывался в них как можно ближе к началу, что значительно облегчало работу синхронистам. Ялмар Шахт, выросший в Бруклине и прекрасно говоривший по-английски, а также уже упомянутый Шпеер нередко помогали синхронистам, подсказывая им эквиваленты проблемных немецких слов и выражений. Такое сотрудничество не должно вызывать недоумение или неприязнь у читателя. По справедливому замечанию переводоведа Франчески Гайбы, подсудимые «считались невиновными, пока обратное не было доказано судом. В конечном итоге два наиболее настроенных на сотрудничество подсудимых, Фриче и Шахт, были оправданы» [ibid., p. 130].

Процесс шести миллионов слов

Нюрнбергский процесс завершился 1 октября 1946 г. объявлением главным нацистским преступникам приговоров, воспринятых «с удовлетворением... всем прогрессивным человечеством» [Нюрнбергский процесс..., т. V, с. 11]. Специалисты подсчитали, что на судебных заседаниях было произнесено свыше 6 миллионов

слов, которыми красноречиво выразилась трагедия самого масштабного военного конфликта в истории человечества. Слово, как известно, может разить не хуже настоящего оружия. Синхронные переводчики принимали самое непосредственное участие в словесной войне, которой явился Нюрнбергский процесс, постоянно находились на острие вербальных атак и иногда терпели поражение, но чаще совершали переводческие подвиги, несмотря на порой глубокие душевные раны. Каждый из синхронистов был полноправным участником этого грандиозного исторического события и поэтому мог вслед за всеми, кто внимательно следил за происходившим в зале № 600 нюрнбергского Дворца правосудия, сказать о себе словами Публия Теренция: “*Homo sum: humani nihil a me alienum puto*”, т.е. «Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо!»

Список литературы

- Виссон Л.* Синхронный перевод с русского на английский. 7-е изд. М.: Р. Валент, 2007. 320 с.
- Голденсон Л.* Нюрнбергские интервью / Пер. с англ. Б. Кобрицова. Екатеринбург: У-Фактория, 2008. 672 с.
- Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сб. мат-лов: В 7 т. Т. I. Подготовка суда. Открытие процесса. Вступительные речи главных обвинителей. Заговор / Под общ. ред. Р.А. Руденко. М.: Государственное изд-во юрид. литературы, 1957. 800 с.
- Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сб. мат-лов: В 7 т. Т. V. Допросы подсудимых и речи адвокатов / Под общ. ред. Р.А. Руденко. М.: Государственное изд-во юрид. литературы, 1957. 884 с.
- Нюрнбергский процесс: уроки истории. Материалы международной научной конференции / Под ред. Н.С. Лебедевой, В.В. Ищенко; сост. Ю.М. Коршунов. М.: ИВИ РАН, 2007. 267 с.
- Ступникова Т.С.* Ничего кроме правды. Нюрнбергский процесс. Воспоминания переводчика. 2-е изд. М.: Возвращение, 2003. 200 с.
- Чернов Г.В.* Теория и практика синхронного перевода. 2-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 208 с.
- Gaiba, Francesca.* The Origins of Simultaneous Interpretation: The Nuremberg Trial. Ottawa: University of Ottawa Press, 1998.
- Nolan, James.* Interpretation: Techniques and Exercises. Bristol; Buffalo; Toronto: Multilingual Matters Ltd., 2008.
- Sonnenfeldt, Richard W.* Witness to Nuremberg. New York: Arcade Publishing, 2006.

Изюм-Эрик Салиховна Рахманкулова,

доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания Московского педагогического университета, переводчик разведотдела на передовой и за линией фронта

ДОРОГА НА ФРОНТ

Женщина на войне, переводчица, разведчица. Статья раскрывает нелегкий путь выпускницы Военного института иностранных языков по дорогам Великой Отечественной войны и работу преподавателем немецкого языка в послевоенный период в различных вузах, а также научную деятельность в области теории и практики перевода.

Ключевые слова: дорога на фронт, противник, курсы военных переводчиков, разведчик, разведотдел, военнопленный, допрос военнопленного, лагерь военнопленных, победа, преподавание, доктор филологических наук, теория перевода.

Izjum-Erik S. Rachmankulova,

Dr.Sc. (Philology), Professor at Moscow State Pedagogical University (Chair of Linguistic Studies), Moscow, Russia; Reconnaissance Department Interpreter at the Front Line and the Home Front.

The Way to the Front Line

A woman at war: an interpreter and an intelligence agent. This article reveals a hard and long way of an alumna of the Military Institute of Foreign Languages during the Great Patriotic War and her work as a professor of German at various higher schools after the War as well as her scientific work in the field of translation theory and practice.

Key words: way to the front line, enemy, military interpretation courses, intelligence agent, reconnaissance department, captive, interrogation of captives, POW camp, victory, education, Doctor of Philology, theory of translation.

Для меня Великая Отечественная война началась на два часа позже. Ученицей восьмого класса, я была председателем ученического комитета нашей школы. Поэтому по долгу службы мне необходимо было присутствовать на выпускном вечере. Проходил он без излишней парадности и помпезности: возможности у родителей были тогда скромные. Выпускники не носили никаких красивых платьев и красивых костюмов. Сначала состоялась торжественная часть, вручение аттестатов, а потом мы до утра катались по Волге на лодках. Нам так понравилась эта ночная, традиционная для нашей школы прогулка по реке, что мы вернулись с опозданием и узнали о войне на два часа позже. Уже Молотов выступил, а мы только причалили к шумящей пристани. Мы даже как-то поёживались в предчувствии беды, думали, что, может быть, кто-то утонул. И вдруг услышали на берегу крики: «Война! Война!»

Узнав о начале войны, все наши мальчишки из двух классов — всего 33 выпускника — отправились в военкомат. Девочки взяли их адреса и побежали брать документы для мальчиков, которые тут же ушли на передовую. Из этих 33 ребят-одноклассников с войны вернулся только Юра Лапшин, все остальные погибли — кто в снегах под Москвой, кто в Смоленске, кто на переправе через Днепр под Киевом.

У нас, молодых, было тогда такое чувство, что мы идём освобождать не только свою страну, но и Германию, Европу и весь мир. Недаром даже достаточно прагматичный Гавриил Харитонович Попов уже во время перестройки сказал, что основной вклад в победу внесли не Сталин и высокие военные чины, а мальчишки-идеалисты! Мне тоже приходилось встречаться с такими вот мальчишками, которые отдавали свои жизни за дело Победы. Мне тогда казалось, что эти мальчишки и мы, ещё девчонки, готовы были идти босиком по раскалённым углям прямо до Берлина, обжигая и сжигая ноги. А всё оттого, что мы ещё были не тронуты прозой жизни. Вот это, наверное, и есть идеализм — свято верить в справедливость выполняемой миссии и ничего не жалеть для дела, которому ты служишь.

На 50-летний юбилей Победы в 1995 г. я выступала по радио, после этого выступления я получила множество писем, в которых слушатели спрашивали меня: «Правда ли, что русские воевали с полной отдачей до последней секунды?». Я отвечала: «Что же здесь особенного? Мы считали, что самое главное — это победа. Пусть я погибну в последние секунды войны, но это приблизит нас всех к победе!» Именно поэтому я называю наше поколение великим.

Когда началась война, мы, школьники, сразу пошли учиться на разные курсы, чтобы потом поскорее попасть на фронт. С июня по август 1941 г. я училась на вечерних курсах сандружинниц без отрыва от учёбы в школе. Несмотря на то что экзамены я сдала хорошо, меня на фронт не взяли. Причиной этому послужила моя сильная близорукость — минус семь, а на фронт брали только со зрением до минус шести. Но я не стала отчаиваться и пошла на курсы связисток. Однако и там, даже после успешного окончания, моя близорукость опять-таки послужила препятствием для отправления на фронт.

Я, было, смирилась со своей судьбой, но тут вдруг в феврале 1942 г. мне попала на глаза газета «Правда» со статьёй Лидова о казни Зои Космодемьянской. Я была так поражена этим, что решила во что бы то ни стало пойти на фронт! Ведь это произошло недалеко от Москвы — города, который я запомнила сияющим и счастливым, а комсомолка Зоя Космодемьянская была чуть постарше меня. Раз даже семиклассники пошли делать снаряды на авиазавод

под Куйбышевом, где находились главные авиазаводы, то и я пойду сражаться за общее дело победы. На фронт — так на фронт!

И вот к нам в школу приехали два преподавателя из Военного института иностранных языков, чтобы провести отбор учащихся в этот институт. Я прошла по знаниям, а на мою близорукость никто не обратил внимания. Чтобы попасть в институт военных переводчиков, нужно было учиться полгода (с июня по ноябрь 1942 г.) в спецклассах, где мы интенсивно изучали немецкий язык, — параллельно с учёбой в школе.

Я хорошо помню, какой путь нам пришлось проделать, чтобы попасть в Ставрополь-на-Волге. Мы шли 102 км по Волге из Куйбышева: сначала на лыжах, а когда внезапно началась пурга, нам пришлось идти пешком. Очень тяжело было останавливаться на ночлег: люди не открывали нам двери — боялись немецких диверсантов. А те, кто когда-то был обижен Советской властью, тоже не хотели пускать на порог будущих солдат. Но мы дошли до места назначения и уже 2 декабря 1942 г. приняли военную присягу.

Так я начала учиться в институте военных переводчиков, хотя я и не хотела связывать свою профессиональную жизнь с иностранным языком, — ведь я со второго класса мечтала стать великим математиком. Но я утешала себя мыслью о том, что после войны обязательно пойду изучать свою любимую математику. Правда, учиться и в Военном институте по полной программе мне не пришлось: фронту срочно требовались военные переводчики. Поэтому я только три месяца проучилась на основном факультете западных языков, а потом ещё шесть месяцев — на краткосрочных курсах для отправки на фронт.

На курсах военных переводчиков мы интенсивно изучали немецкий язык, тексты практической направленности, военную терминологию и наизусть учили немецкие военные уставы. В институте проводились ещё и краткосрочные курсы, основной целью которых было освоение таких военных предметов, как топография и тактика. Помимо изучения военных предметов я получила и аттестат с отличием, потому что у меня за все годы обучения в школе не было ни одной «четвёрки».

Чуть позже в знак поощрения меня, военного переводчика второго разряда, перевели в группу ближней разведки, где приходилось работать со всевозможными трофейными документами, в чём мне очень помогали математическое мышление и логика. Например, я помню случай, как мы однажды взяли в плен одного пехотинца довольно высокого роста. Во время допроса это показалось мне подозрительным, потому что в пехоту немцы брали солдат поменьше ростом. А на снимке, который я нашла в его документах,

он стоит в форме танкиста эсэсовской дивизии с молниями и надписью «Адольф Гитлер». «Значит, он не пехотинец?» — подумала я. И действительно, маскарад этот оказался неслучайным: готовилось повторное наступление на Киев, поэтому немцы и переодевали танкистов в пехотную форму. Я, переводчица, поняла, что это делается неспроста, и доложила командованию, — это тоже стало моим посильным вкладом в общую победу.

Фронтная переводчица и разведчица

В мои обязанности на фронте входило не только составление карт расположения немецких частей и картотек военнопленных, но и обработка письменных трофейных документов и выполнение функций оперативного дежурного. На дежурстве мне нужно было отвечать за работу и отдых офицеров: кто где отдыхает, кто куда направлен, как с кем связаться. Кроме того, я отвечала за информацию, которую получала из полков и передавала в дивизию. Сначала товарищи посмеивались надо мной и говорили, что моя «миссия» смехотворна. А ведь часто бывало так, что я практически не спала и каждый час передавала секретную информацию. А ещё говорят, что переводчики на фронте ничего не делали...

На фронт, в штаб 271-й Горловской стрелковой дивизии, я прибыла в день своего рождения, 14 сентября 1943 г. Когда начальник штаба открыл моё свидетельство о рождении, то он очень удивился: ровно в восемнадцать лет служба начинается! Тогда уже была одержана победа под Сталинградом, и на фронте царила совсем другая атмосфера, чем в 41-м. Мы уже не только свято верили в победу, но и не сомневались в ней. Хотя до конца войны было ещё далеко...

В нашей группе ближней разведки в Карпатах было семь переводчиков: шесть юношей и я. Я ходила в разведку раз-два в месяц, а иногда чаще, ребята верили в мою счастливую звезду — когда было очень опасно, они всегда просили меня пойти с ними, потому что считали, что я приношу удачу. Видно, не даром меня называли Зинкой-разведчицей...

Ходить в разведку было опасно, ведь нам приходилось переходить линию фронта. Опасность состояла в том, что немцы беспорядочно освещали местность ракетами и нас могли легко заметить. Поэтому для перехода линии фронта мы часто бежали с наступающими войсками передовой линии. Шла штыковая атака, а мы бежали по кромке леса: я с пистолетом на боку, у ребят — по автомату, и «ныряли» в лес. В лесу мы налаживали быт, разжигали небольшой костёр, правда, только днём, и готовили еду. Такие группы

разведчиков были только в лесистых и горных местностях (в Карпатах, в Альпах, на Балканах). Нашим основным заданием было наблюдение за противником. Мы подключались к его радиопроводам и вели прослушивание. Полученную информацию мы тут же передавали в основной центр главной группы ближней разведки.

Обычно мы ходили в разведку по трое на расстояние от десяти до пятнадцати километров, иногда до двадцати. Согласно приказу нас посылали в разведку на семь дней, причем ещё четыре дня нам отводилось на уточнение и перепроверку данных. Всего это занимало одиннадцать дней. Однажды пришёл приказ: «За два дня подать данные разведки на передовую». Я сказала ребятам, которые решались со мной идти: «Вы должны быть готовы пережить пятнадцать минут смертельного страха».

А на нашем участке каждый сантиметр «серпантина» в Карпатах обстреливался. Как правило, под обстрел попадала каждая четвёртая машина. Моя интуиция мне подсказывала, что в нас не попадёт. За эти пятнадцать минут мы выигрывали те четыре дня, которые использовались для проверки сведений разведки. Иначе бы нам пришлось идти по горам несколько дней в обход, и драгоценное время было бы упущено.

Недаром маршал Гречко на праздновании Дня победы, кстати, 29 июня, а не 9 мая, в Поддубицах под Прагой сказал про меня:

— Здесь присутствует самый молодой офицер и наш самый лучший разведчик! Она стоит целой дивизии мирного времени, двенадцати тысяч штыков!

На войне случалось всякое. Я вспоминаю случай, как спасла себя и ещё двух человек. Мы выбирались из окружения, а выбраться из него можно было только через оставленное советскими войсками минное поле. Это было крайне рискованно, ведь немцы до конца войны минировали поля в шахматном порядке, а наши — как придётся. Тут я вспомнила, что один из наших, Ваня Черемных, — бывший сапёр. Тогда я ему сказала:

— Ваня, давай ты будешь перебирать землю руками, а мы будем идти за тобой след в след.

И он стал разбирать каждую мину руками, а мы шли за ним следом, ступня в ступню, восемь часов. Вышли с поля уже на рассвете, а потом три дня шли пешком до своего подразделения. А когда вышли к своим, нам сказали, что нас уже не надеялись увидеть живыми. И только моя лучшая подруга Надя кричала и плакала:

— Я одна верила, что ты вернёшься! Ты должна была вернуться!

Однажды я спасла ей жизнь, а потом она, в свою очередь, спасла меня.

Наде я обязана тем, что мне не ампутировали руки и ноги. Однажды при отступлении Надя была ранена и не могла идти. Нам

необходимо было быстро найти укрытие, я подхватила её и потащила в сарай у дороги, где мы спрятались в сено и стали ждать ночи. Вдруг в сарай вошли немцы. Сдаваться мы не хотели, и в случае нашего обнаружения моей задачей было сначала застрелить Надю, а затем успеть застрелить себя. Я молча приставила пистолет Вальтера (я была в звании офицера, поэтому у меня был пистолет) к её виску, и она кивнула в знак согласия. Десять минут показались нам целой вечностью, но немцы взяли сено и уехали. Потом я дотащила её на себе к нашим, после чего она, конечно, стала моей лучшей подругой.

А потом я, переплывая зимой реку, отморозила себе руки и ноги. В медсанбате за мной ухаживала Надя. Две недели у меня не спадала температура. Помню, как Надя кормила меня с ложечки супом, ухаживала, бинтовала... Так мы дружили с ней до девятого мая, до Дня Победы, пока снайпер не застрелил её в Поддубицах. Нелепая смерть, но, видно, у каждого своя судьба... Надя была похоронена в Чехословакии, под русской берёзкой. Я приезжала туда два раза, но, к сожалению, не могла найти её могилу, так как могилы были перенесены на общее кладбище.

Всех спасти было невозможно... Так, я до сих пор виню себя в гибели одного парня. Когда мне на фронте предложили вернуться в институт, я отказалась. И меня перевели в группу ближней разведки, чему я была очень рада. Выскочив из кабинета начальника разведки армии, счастливая, я случайно встретила его и рассказала, что еду не в тыл — учиться, а в группу ближней разведки. Он тоже стал туда проситься. Однако на первом же задании он погиб. Я-то уже приспособленная была: умела скатываться «столбиком» с откоса, прыгать со второго этажа, не ломая ног, и ползать попластунски, — у меня была очень хорошая общая военная подготовка. Нас, будущих переводчиков, гоняли в Ставрополе-на-Волге и по этой части... А он, видимо, был совсем неопытным и ничего этого не умел.

Необходимо было приспособливаться и уметь в условиях войны как-то жить и выживать.

Помню случай, как я вела допрос при страшном обстреле, и приехал проверяющий из штаба армии, тоже татарин, как и я. Под обстрелом я пригнулась, а он и говорит:

— Вы вот татарка, а такая трусливая, пригибаетесь.

А я говорю:

— Ну, а зачем я буду голову-то подставлять?

Я нагнулась, и все осколки пролетели мимо, а он погиб при следующем же обстреле.

Думаю, что и моя интуиция нередко помогала мне угадывать, куда упадёт бомба или снаряд. Помню случай в Карпатах: сидим

мы в одном заброшенном доме, мёрзнем, греем друг друга, обледевшие, одежда, как кольчуга, как щиты на морозе. Три часа ночи. Вдруг я говорю ни с того ни с сего:

— Всё, ребята, уходим отсюда!

Хоть ребята и не хотели никуда идти, мне удалось убедить их в необходимости немедленно уйти из этого дома. На обратном пути мы проезжали мимо и увидели, что от дома остались одни щепки и огромный котлован. 250-миллиметровый снаряд попал в подвал. Всех бы нас убило...

Или, например, помню случай, когда у меня были растёрты ноги, и я шла, отставая от пехоты. Тогда меня всегда подвозила какая-нибудь машина. В те моменты, когда подвозила, например, какая-нибудь четвёртая машина, а не одна из первых, я ругалась в душе: «Боже мой, какие же нахалы, видят, что девушка еле-еле идёт, и никто не подвезёт...» Потом выяснялось, что одна из этих машин попала на мосту на мину дистанционного управления и взлетела в воздух, да и другим досталось, а вот нашей машине удалось проскочить. Получалось, что всё это делалось только к лучшему. Наверное, мне было суждено выжить и дожить до восьмидесяти лет...

Помню, как я первый раз присутствовала на допросе, где при мне начальник, бывший в мирное время боксёром, ударив пленного, выбил ему челюсть. Тогда я возмутилась и сказала ему:

— Вы знаете, при мне вы больше никогда не будете бить пленных. Я буду так допрашивать, что всё будет ясно и без рукоприкладства.

Когда я сама впервые проводила допрос, пленный попался маленький, тщедушный, плакал, размазывал слёзы и сопли, говорил, что он всего лишь подносит дрова на кухне... А я его спрашиваю:

— А почему вы в маскхалате?

А он в ответ:

— Я сжёг свою форму. Меня разведчики пожалели и дали маскхалат.

— Так, — говорю. — Давайте ваш *Soldbuch*, т.е. солдатскую книжку.

— Я сдал её старшине.

— Ах, старшине!

А ведь эта книжка сдаётся старшему только в случае ухода в разведку! Я назвала военнопленному немцу параграф, раздел, страницу соответствующего немецкого положения, чем привела его в полное изумление. Он прямо так и сел, ведь такой точности и таких познаний от нас он явно не ожидал. Так этот пленный сразу и «раскололся», выдав очень много полезных сведений. А вывести его на чистую воду мне помогли знания немецкого устава пехоты, который мы изучали на курсах в Ставрополе-на-Волге.

После того как я успешно провела несколько допросов, мне все стали доверять, что помогло со временем утвердиться на фронте. Я ведь тогда совсем девчонка была и слышала, как у меня за спиной говорили:

— Что? Теперь и тринадцатилетних стали посылать? Уже прямо из детского сада посылают на фронт?!

Я всё время работала, а улучив свободную минутку, читала груды трофейных писем. Причём читала, несмотря на свое слабое зрение, пользуясь любыми источниками освещения: будь то зажигалки, спички или карбидные лампы. Нарботанные знания (например, вышеупомянутые знания немецкого устава пехоты) помогали мне ориентироваться в разных ситуациях, поэтому я не жалела времени на подобный труд. На допросах я была хорошо подготовлена к каждому конкретному случаю по карте, захваченным документам и письмам. Я устраивала очные ставки, могла на основании изученных фотографий или проверенных дат из писем и документов что-то подтвердить или опровергнуть во время допроса. Мне даже удавалось понимать немецкие диалекты — я и сама этому удивлялась. Так что, несмотря на мой юный возраст, начальство вскоре стало меня ценить и учитывать полученные мной данные.

Обходиться без допросов на войне не получалось, ведь нам была необходима разная информация: где стоят какие части, когда они прибыли, не ожидается ли передислокация, кто командир, какое оружие имеется в наличии, кто поддерживает танки, артиллерию, какой боевой путь прошла дивизия. Подобные данные были нам необходимы для того, чтобы оценить боевой потенциал вражеской дивизии, — ведь если дивизия участвовала в крупных сражениях, то может готовиться серьёзное наступление

На допросах немцы вели себя по-разному, но все вытягивались, стояли по стойке «смирно» и... почёсывались: насекомые одолевали их. Несмотря на обстоятельства военного времени, я всё же старалась не забывать и о простой человечности. Как-то раз, уже в апреле сорок пятого, мы допрашивали одного пленного — пятнадцатилетнего мальчика. Во время допроса к нему повернулся полковник и что-то сказал по-немецки, а он, плюнув ему в лицо, ответил:

— Я не скажу ни слова русской свинье!

Полковник схватился за пистолет и готов был его расстрелять на месте. Я бросилась между ними:

— Он же ребёнок! Посмотрите его документы! Ему ведь всего пятнадцать лет. Стреляйте сначала в меня, а потом в него!

Полковник сначала опешил, а потом махнул на меня рукой:

— Ты сама ещё ребёнок!

Так пленный остался жив.

А я оформила его документы, и он попал в лагерь военнопленных.

Можно ещё добавить, что мои внешние данные также пригодились на допросах. Я ведь тогда действительно была очень хорошенькой: густые чёрные волосы, румяное личико с большими зелёными глазами. Поэтому пленные немцы в моём присутствии не то что бы таяли, но становились мягче. Быть может, глядя на меня, они вспоминали о своих сёстрах, матерях, невестах, дочках... А это в какой-то степени помогало при допросах... В особенности это срабатывало, если я допрашивала одна. Я даже заметила, что как только начальник нашего отдела уходил с допроса, пленные начинали говорить. Да к тому же при мне пленных не били, так что немцам было даже выгодно, что на фронте оказывались девчонки вроде меня, потому что мы как-то сглаживали суровую военную обстановку.

Хотя, конечно, помню и такие случаи, когда мужчины, у которых уже были ППЖ — «походно-полевые жёны», как на фронте называли любовниц или гражданских жён, — предлагали мне сожителство, причём иногда очень настойчиво и агрессивно... Поэтому я разделяю мнение о том, что иногда приятная внешность мешает в работе, особенно на войне. Несмотря на то, что в группе ближней разведки я не имела никаких неприятностей в отношениях с мужчинами, но из-за моей молодости и строптивости мне попадало за отпор всяким ухажёрам на фронте. Незадачливые кавалеры, чтобы отомстить мне за неуступчивость и несговорчивость, нередко отправляли меня на самую передовую или в группу ближней разведки.

Но давайте вернёмся к допросам. Помню, как-то мне пришлось допрашивать немецкого капитана в его капитулировавшем штабе, в подвале, куда мы с группой разведчиков проползли через страшный заградительный огонь немцев. Он оказался редким ценителем немецкой поэзии. И после того как я процитировала ему несколько стихотворений Гёте и Гейне, капитан настолько проникся ко мне доверием, что даже выдал секретные военные сведения и указал на карте, где находятся аэродромы, артиллерийские позиции и склады. На основании его показаний, которые я передала командованию, наша авиация произвела налёты, а затем наши войска пошли в наступление и отодвинули противника на десять километров. За это меня впоследствии наградили орденом Красной Звезды.

К слову сказать, за боевые заслуги и за то, что я добровольно, преодолевая страх и оторопь, ходила на задания, я была также награждена орденом Победы и орденом Отечественной войны II степени.

Нам сбрасывали с самолётов немецкие листовки, причём я считаю, что некоторые из них были просто мерзкие. Например, они всё время подчёркивали, как мы бедно живём, как трудно нам

приходится в жизни. Под конец войны к нам стали поступать и угрожающие листовки, где говорилось о том, что Гитлер распорядился создать особое оружие, атомную бомбу, и мы все погибнем. Эта информация была действительно учтена, и нам всем были выданы противогазы. Были и такие листовки, в которых фашистская пропаганда стремилась обличить и разоблачить расслоение нашего общества. Якобы мы — бедные, у нас ничего нет, мы несчастны, а наши партийные начальники прекрасно живут и разъезжают по курортам, имеют роскошные квартиры, в то время как мы ютимся в тесных коммуналках. Бывали, правда, и такие курьёзные случаи, что нам доставались немецкие пироги или немецкий шоколад: этот груз, предназначавшийся для немцев, бывал из-за просчёта их лётчиков сброшен на территорию, занятую советскими войсками.

Но и у нас, в свою очередь, был специальный офицер «по разложению» войск противника. Он часто говорил мне:

— У тебя лучше произношение, и ты лучше знаешь язык — вот и съезди на задание вместо меня!

И я, конечно, ездила на специальной машине, оснащённой мощным громкоговорителем. По заданию начальника я должна была всю ночь вести пропаганду в опасной близости от немецких окопов, чтобы немцы сдавались.

В последний раз мы поехали на такое задание под Новый год, но попали под артобстрел, динамик пришёл в негодность, машину разбомбило и ранило нашего шофёра. Я его перевязала (знания никогда не бывают лишними, мне всегда помогало то, что я закончила курсы сандружинниц). Шофёра ранило в бедро, он не мог идти, и мне пришлось тащить его на себе, а он был высокий и очень тяжёлый, килограммов, наверное, девяносто. Я дотащила его до деревни, в которой наши как раз справляли Новый год. Мне сначала хотелось оставить шофёра, подняться и попросить о помощи но я подумала, что ёлки очень похожи друг на друга, и мне не удастся потом его найти. Когда я его дотащила до своих, начальник сказал, что это был мой последний выезд на расположение войск противника, так как все слышали этот страшный обстрел и думали, что мы погибли. Раненого забрали в медсанбат. Позже он писал мне безграмотные письма, а мой «синдром отличницы» не позволял мне на них отвечать.

В своих обращениях к противнику я говорила о том, что немцы ведут несправедливую войну, рассказывала о нашей уверенности в том, что не все они разделяют взгляды гитлеровского командования и национал-социалистической партии. Я говорила, что мы наступаем, нам удалось одержать победу под Сталинградом и на Курской дуге. Я убеждала немцев в том, что им пора подумать о себе и своих близких, что мы гарантируем им жизнь и хорошие условия

в наших лагерях военнопленных. У нас были образцы таких текстов, так называемые «шаблонки», которые нам «спускали сверху». Хотя, конечно, мы и сами кое-что добавляли: например, про сильный мороз, к которому они не привыкли.

Когда наши войска вошли в Германию, в Берлине, например, не было никакого сопротивления со стороны мирного населения, и все участвовали в разборе берлинских развалин с истинно немецкой чёткостью. На появление новой власти немцы реагировали покорно. Запомнился мне один сапёр, который подошёл ко мне и сказал: «Вы мне так понравились! Я хочу пригласить вас к себе в гости. Только вы не смущайтесь, у меня странная квартира». Я пошла к нему в гости, хотя знала, что война ещё не закончилась, и кругом были «вервольфы», но мне не известно ни одного случая, чтобы кто-то погиб от их руки, — наверное, и они подчинились новой власти. И что же я увидела, придя к нему? Десятиэтажный дом с одной стенкой, двух стенок в квартире не хватало! Он меня хорошо принимал, и, как видите, ничего со мной не случилось, живая осталась.

Работа в лагере военнопленных

По окончании войны особая комиссия постановила, что я, как и другие переводчики, не подлежу демобилизации. Меня назначили переводчицей в штабе командования батальоном военнопленных. Это было в сентябре 1945-го. Я их водила на завтрак, обед и ужин, организовывала их досуг и общение с родными. Нередко поступали жалобы на то, что при заполнении документов некоторые сотрудники не могут отличить фамилию *Pfarrersohn* (буквально «сын священника») от фамилии *Fahrersohn* (буквально «сын шофёра»). В немецком языке ведь есть аффрикат *pf*, которого нет в русском. Поэтому, во избежание проблем, которые могли бы возникнуть из-за неправильного понимания немецких слов, я тщательно проверяла документы.

Кроме того, в качестве переводчицы я ездила на приём к врачам с отдельными военнопленными. В мои обязанности также входило вести учёт и следить за работой военнопленных. Особо прилежных мы даже поощряли: делали им какие-то поблажки, могли увеличить паёк или позволяли лишний раз отправить сообщение домой. Военнопленные относились ко мне скептически, называли меня “*Militärweib*”, т.е. «бой-баба». Их просто немножко коробило, оттого что ими командовала, отдавала приказы «кругом!» и «шагом марш!» хрупкая девчонка. Война с немцами не дала мне возможности изучать математику, поэтому я не испытывала тёплых чувств по отношению к немцам, которых мне пришлось «опекать» после войны.

Несмотря на то что после окончания войны в 1945 г. наши оккупационные войска нуждались в переводчиках, я была уверена в том, что меня отпустят, потому что я не получила высшего образования по профилю иностранных языков. На момент окончания войны мне было 19 лет. Я написала рапорт об увольнении и пошла в Главное управление кадров пехоты сухопутных войск Советской армии, на что полковник Романов мне ответил: «Согласно 427-му приказу вы не подлежите увольнению, поэтому вы должны либо учиться в военном институте, либо ехать в зону оккупации». Так я попала в Киев, где в сентябре 1945 г. начала работать в лагере военнопленных.

Военный институт

Но я очень хотела учиться и получить высшее образование, поэтому решила продолжить изучение иностранных языков, хотя охотнее я стала бы учительницей математики в средней школе, чем академиком в области языкознания. Однако об этом судьбоносном решении я сегодня несколько не жалею. К тому же мои хорошие математические способности пригодились и в области лингвистики, помогая мне чётко выстраивать структуру диссертаций, не только своих, но и своих учеников, которых у меня потом было много.

Несмотря на то что занятия уже начались и я опоздала на вступительные экзамены, я приняла решение поступать в Военный институт. Но Бязи не хотел брать меня, он говорил, что мне «война мозги отбила». Слушать это было обидно, ведь я была лучшей ученицей в куйбышевской школе, знаменитой такими учениками, как дети Сталина, Ворошилова и Молотова.

Расстроенная, я пошла прощаться с Красной площадью. Иду в слезах и вдруг вижу нашего Мухина на костылях, заместителя начальника разведки моей любимой 271-й дивизии. Он меня видит, целует и спрашивает:

— Почему у тебя глаза красные? Что с тобой?

— Я пошла в свой родной институт, а мне Бязи заявил, что я буду учиться на двойки и не взял меня.

— Ты? Да ты же нас отучила бить пленных. Ты же так допрашивала, как следователь! Ты устраивала очные ставки, ты читала гору писем, всегда всё выкапывала, по фотокарточкам и по датам могла доказывать. Что ты? Я пойду и надаю ему своим костылём.

Он, конечно, пошёл к Бязи и рассказал ему о моём вкладе в победу. Бязи сказал на это:

— Если она напишет диктант, в которых наши офицеры делают по 50 ошибок, без единой ошибки, тогда я её приму.

А я говорю:

— Давайте ваш диктант!

Диктант длился полтора часа. Проверяющий не нашёл ни единой ошибки. От удивления он позвал ещё двоих проверяющих, которые и втроём ничего не нашли.

Так меня приняли в Военный институт. Тут же меня послали обмундировываться и выдали мне платье. Вдруг слышу, как какой-то мальчик говорит за моей спиной:

— Ой, какая красивая девчонка появилась!

А я от него отвернулась и не разговаривала. И до своей первой любви, которую я встретила после четвёртого курса, я не признавала никаких мальчиков и никаких ухаживаний. А они, бедняги, покупали билеты по триста рублей в Большой театр и приглашали меня, а я не шла.

Так начались мои студенческие годы. Основная масса студентов на курсах состояла из москвичей, которые, конечно, чувствовали себя хозяевами в институте. Я даже хорошо помню оттенок некоторой дедовщины...

Потом нас разделили по группам, и я попала в самую сильную группу к Куклиной, которая закончила Женевский университет и была очень требовательной и педантичной преподавательницей. Кроме того, у нас преподавала и звезда нашей германистики Ольга Ивановна Москальская, которая в дальнейшем стала доктором наук, профессором и академиком. К тому же потом Ольга Ивановна была вдохновителем и научным руководителем моей диссертации.

Во время учёбы в военном институте я жила у своего дяди, и во время сессий, когда мы сдавали сложные экзамены, мне приходилось читать под одеялом с фонариком или в огромном общем туалете с тусклой лампочкой. Но я до сих пор могу пересказать содержание всех прочитанных книг.

Несомненно, мои студенческие годы имеют некоторый оттенок грусти, печали, разбитых желаний, ведь мы с Надей дали друг другу слово после войны пойти вместе учиться в МГУ. Она хотела поступить на исторический факультет, её парень Петя — на сельскохозяйственный, а я — на математический. Мы мечтали все вместе учиться, а после окончания университета поехать в надино родное село недалеко от Ростова-на-Дону, где колхозники жили в достатке. Поэтому во время экзаменов у меня было тяжело на сердце оттого, что Нади и Пети больше нет. Я часто закрывалась в свободной аудитории и плакала. Судьба распорядилась иначе, и нам не пришлось вместе учиться.

Я написала немало учебников и научных статей, стала заслуженным деятелем науки и действительным членом Академии информатизации.

Я всегда любила свою работу и очень любила своих учеников — студентов, аспирантов, докторантов. Многие из них меня помнят и очень хорошо ко мне относятся, но некоторые, к сожалению, забывают. Но это тоже нормально, ведь таково закономерное течение жизни.

Я и сегодня не остаюсь без работы, и мой интерес к науке ни сколько не угас, ведь жизнь продолжается...

Список литературы

Жданова Владислава. Нашим оружием было слово. Переводчики на войне. Peter Lang. Frankfurt am Main; Berlin, 2009.

Виктор Михайлович Суходрев,

выпускник Военного института иностранных языков 1956 г., впоследствии переводчик М.С. Хрущева, Л.И. Брежнева, М.С. Горбачева, А.А. Громыко

**ЯЗЫК МОЙ — ДРУГ МОЙ
(из воспоминаний переводчика)**

В данной статье рассказывается о сложностях работы переводчика, задача которого — служить посредником в процессах общения на высшем уровне (на переговорах между руководителями государств, на международных переговорах, переговорах с участием Генеральной Ассамблеи ООН и пр.). Здесь показаны специальные переводческие приёмы, такие как донесение истинного смысла образных выражений в контексте межгосударственных и личных взаимоотношений высокопоставленных лиц. Статья рассказывает читателю о необходимости не только быть знакомым с реалиями конкретной страны и её языка, с особенностями перевода, но и понимания психологии личности и темы переговоров. Статья подчёркивает необходимость переводчика быть готовым ко встрече с терминологическими, идиоматическими (такими, как выражение «Кузькина мать») и физическими сложностями.

Ключевые слова: ВИП, высокопоставленные лица, руководители государства, парламент правительства, синхронный перевод, достижение договоренности, компромисс, официальный текст международного договора, соглашения, оперативная память, идиоматические выражения (поговорки, поговорки), словесная эквилибристика.

Victor M. Sukhodrev,

Alumnus of Military Institute of Foreign Languages (1956); Personal Interpreter of Nikita Khrushchev, Leonid Brezhnev and Mikhail Gorbachev.

My Tongue is My Friend (From the Memoirs of an Interpreter)

The article is dedicated to the difficulties of the job of an interpreter who has to serve as a mediator in the process of mass communication at the highest political level (talks between heads of state, the UN General Assembly sessions, etc). It shows specific features of interpretation, such as the skills of delivering the right meaning of an utterance in the context of interstate and interpersonal relations of high-ranking officials. To be acquainted with realities of a given country and its language along with translation techniques is not enough. It is equally important to be capable of understanding a person's psyche and the subject matters of negotiations. The article puts an emphasis on the interpreter's readiness to encounter terminological, idiomatic (e.g. the infamous expression "Кузькина мать") and physiological difficulties.

Key words: VIP, top-ranking officials, heads of state, parliament, simultaneous interpretation, reaching an agreement, compromise, official text of international agreement, agreements, random access memory, idioms, puns.

Работа переводчика — многогранна. Приходится просиживать по многу часов за столом переговоров, сопровождать высокопоставленных лиц в поездках, на встречах, так сказать, неформального характера, при посещении самых разных объектов — университе-

тов, фабрик, заводов, ферм, исторических достопримечательностей. Это и работа в том же качестве переводчика на шикарных, изысканных банкетах, завтраках, обедах, когда эти трапезы становятся удовольствием для кого угодно, но только не для переводчика, у которого подчас и кусок в горло не лезет, поскольку ему приходится и за обеденным столом играть ту же роль, а именно — быть единственным посредником, позволяющим людям, не понимающим языка друг друга, общаться, и при этом (в идеале) так общаться, чтобы они забыли о самом существовании переводчика. Чтобы им казалось, что они на самом деле общаются напрямую друг с другом. В этом и состоит наш высший пилотаж: стать как бы невидимыми для присутствующих, если хотите, необходимым злом, потому что идеалом была бы ситуация, когда все люди могли бы общаться напрямую, глядя друг другу в глаза, говоря на одном, едином языке.

Но ведь и этим не ограничивается работа переводчика. Каждый человек постоянно видит на экране телевизора, как общаются между собой государственные деятели, приезжая друг к другу в гости: министры иностранных дел, премьер-министры, президенты. Рядом с каждым из них обязательно маячит фигура человека, чьё имя не называют дикторы, но кто на самом деле является активнейшим участником любых таких встреч. Это — переводчик. Часто бывает и так, что никого другого рядом с этими лицами нет. Но каждому ясно, что во время таких встреч происходит самый откровенный разговор, иногда между людьми с диаметрально противоположными взглядами, разговор, который, возможно, станет последним средством для достижения договорённости, компромисса, понимания, т.е. того, что впоследствии воплотится в официальный текст важнейшего международного договора или соглашения. Уже из этого следует, что разговор между такими людьми и в такой обстановке не может остаться незафиксированным, другими словами — не записанным на бумагу. Но ведь нельзя ожидать, что, скажем, президент будет потом по памяти воспроизводить и записывать страницу за страницей содержание своей беседы, своих переговоров. Ну и, стало быть, ответ напрашивается сам собой: это может сделать только переводчик. Что он и делает. Причём тогда, когда рабочий день у того, кому ты целый день помогал общаться, заканчивается и он уходит отдыхать. Тут начинается второй и ничуть не менее сложный этап работы переводчика: он должен потратить немногим меньше часов, чем на саму беседу, чтобы продиктовать, отпечатать на компьютере, одним словом, зафиксировать с максимальной точностью, практически дословно, абсолютно всё, что происходило за столом переговоров. Включая, казалось бы, самые обыденные темы, которые могли возникнуть в разговоре. Ибо при таких встречах второстепенного быть не может.

Достаточно красноречив один лишь пример. После двухдневных переговоров между Никитой Сергеевичем Хрущёвым и президентом США Джоном Кеннеди в Вене в 1961 г., мною было надиктовано 120 страниц текста, который и составил содержание того, о чём два лидера говорили, как принято было сообщать — с глаз на глаз, в присутствии лишь переводчиков. Именно эти записи ложатся потом в основу работы многих ведомств по продвижению вперёд и воплощению устных договорённостей, высказанных идей в какие-то официальные документы, соглашения, договоры. Не говоря уже о только историческом, архивном значении такого рода записей.

И этим мне приходилось заниматься практически на всём протяжении моей карьеры. Так что в конце многих документов о важнейших встречах руководителей моей страны с высшими представителях других государств и прежде всего таких, как США, Англия, Индия, повторяю, очень многих документов, покоящихся сейчас в архивах, напечатано, как и положено: «Записал В. Суходрев».

Мать Кузьмы

В связи с отменой поездки в «Диснейленд» организовали автомобильную экскурсию по Лос-Анджелесу. В безоблачном голубом небе ослепительно сверкало солнце. Мы довольно долго колесили по улицам этого города. Наша пресс-группа потом подчёркивала в своих статьях, что власти постоянно и неожиданно меняли маршрут движения. И сразу же следовал вывод, что это, дескать, для того, чтобы помешать американцам поприветствовать Хрущёва. На самом же деле маршрут менялся из соображений безопасности. История Америки изобилует трагическими случаями покушений, некоторые из них еще на нашей памяти. Так что предосторожность была оправданной. Те же люди, что попадались на пути, весьма дружелюбно провожали взглядами наш кортеж, приветственно махали руками. Хрущёв с интересом посматривал направо и налево. И, конечно же, заметил американок, шеголявших в шортах. Для Лос-Анджелеса это было совершенно обычное явление.

В машине, в которой ехал Хрущёв, как всегда, находился Генри Лодж. Никита Сергеевич повернулся к нему и заметил:

— Интересно тут у вас... Женщины в коротких штанишках. У нас такое не разрешили бы.

Он не разъяснил, кто такие те, которые «не разрешили бы». В советском обществе руководители, а за ними разного рода начальники четко знали, что можно, а что нельзя «рядовому» жителю страны, особенно молодёжи. Причем начальников не смущало,

что они представители другого поколения, другого образования и воспитания. Что носить, что слушать, что читать — они диктовали народу без тени сомнения.

Насмотревшись из окна автомобиля на частные дома Лос-Анджелеса с ухоженными лужайками перед фасадами, с неизменными автомобилями, Хрущёв опять обратился к Лоджу:

— Да, конечно, все устроено аккуратно, чисто, люди хорошо одеты... Но ничего. Мы ещё вам покажем кузькину мать...

Здесь я должен сделать небольшое отступление, потому что «кузькина мать» была одним из любимых его выражений. По-моему, в первый раз он употребил его несколькими месяцами раньше в знаменитом «кухонном споре» с тогдашним вице-президентом США Ричардом Никсоном. Случилось это при осмотре первой американской Национальной выставки, которая разместилась в московском парке Сокольники. Выставка произвела сенсацию.

Хрущёв присутствовал на ее открытии. Одним из экспонатов был образцово-показательный, или, как его называли экскурсоводы, «типичный дом» американца. Это был как бы дом в разрезе — без двух стен — на одну семью, со спальней, столовой, гостиной, холлом и т.д., оснащённый по последнему слову техники — телевизор, радиоприемник, кондиционер. Главным же козырем являлась кухня, в которой находились стиральная и посудомоечная машины, разные автоматические приборы. Холодильник ломился от диковинных для наших граждан продуктов, а на полках кухни красовались яркие наборы всякой бытовой химии.

Именно там, среди всего этого великолепия, разгорелся знаменитый спор. Надо сказать, что меня там не было. Я в это время был в Женеве с Громыко на каких-то переговорах. Но суть и детали этого спора мне известны.

Он начался с довольно мирного разговора о жилье. В тот период у нас в стране возводились известные пятиэтажки, и Хрущёв, естественно, старался убедить гостя, что надо строить не отдельные частные дома, а многоквартирные. И все было хорошо, пока Никита Сергеевич не распалился и не пообещал Никсону показать американцам «кузькину мать». Мой коллега из Бюро переводов МИДа Юрий Лепанов придерживался своего собственного способа перевода идиоматических выражений: сначала переводил всё дословно, а потом уж разяснял. И тут он перевел — «мы вам покажем мать Кузьмы», а потом пытался объяснить, что это значит, но, кажется, не очень удачно. Да удачно и невозможно было перевести, потому что пресловутая «кузькина мать» в словарях толкуется как выражение грубой угрозы. У В. Даля прямо сказано: «Наказывать, сделать какое-то зло».

Узнав об этой истории, а также обратившись к собственному опыту общения с Хрущёвым, я сделал вывод, что Никита Сергеевич вкладывал в это народное выражение совсем другой смысл. Показать кузькину мать — в его понимании — означало показать свою силу, лихость, дать жару.

Именно в этом смысле я и перевёл его полюбившееся выражение во время поездки по Лос-Анджелесу, когда Никита Сергеевич в очередной раз помянул эту самую мать.

Но Хрущёв вдруг сказал мне:

— Ну что, Виктор, небось, опять не так с кузькиной матерью получилось? А это очень просто. Ты объясни — это значит показать то, чего они никогда не видели.

Оказалось, я был прав: Хрущёв действительно вкладывал в известное выражение совсем другой смысл. Так, наконец, была раскрыта тайна, мучившая переводчиков. Да, наверное, и не только их.

Короче говоря, Хрущёв не угрожал Западу, он, употребляя это выражение, дул в свою обычную дуду — утверждал, что мы Америку догоним и перегоним, мол, покажем им такое, чего они даже на своей хвалёной кухне никогда не видели. Жаль, что Никита Сергеевич так и не удосужился объяснить широкой публике, а не мне одному тот особый, личный, а не словарный смысл своей любимой фразы.

Скандал на банкете

Вечером того же дня состоялся банкет. Хозяином на нём был мэр Лос-Анджелеса Норрис Поулсон. Сидели как обычно — на небольшом возвышении, за столом «президиума». В центре — мэр, слева от него — Нина Петровна, справа — Хрущёв, затем я и справа от меня — жена Поулсона, довольно советский народ. И значит, он сам полностью выражает волю своего народа. Но вот искренно ли он в это дело верил, не знаю. Во всяком случае, если судить по тому, сколь жестко и убеждённо всякий раз он говорил об этом, вполне можно думать, что Хрущёв был действительно искренно уверен в своей правоте.

Но ведь к тому времени уже прошли все его зубодробильные встречи с представителями интеллигенции — художниками, писателями, поэтами, и он воочию мог увидеть, что далеко не все едины и хотят через одни очки смотреть на изобразительное искусство, на литературу, на культуру вообще. Впрочем, может быть, он и в самом деле считал, что с ним не согласны действительно единицы, о которых и говорить не стоит, в чём его, конечно же, усердно убеждали, ибо в стране существовал единый могущественный идеологический аппарат и в центре, и на местах.

И поэтому Хрущёв совершенно убеждённо изо дня в день во время своих зарубежных поездок твердил одно: наш народ этого не приемлет. Нашему народу это не нужно! А когда ему пытались вежливо и робко говорить: но, может быть, всё-таки стоит показать народу? И если сам народ отвергнет, то это, несомненно, его право! — следовал ответ: а зачем предлагать, ясли я вам сказал? Я знаю, что хочет, а главное — чего не хочет наш народ!..

Это было постоянным лейтмотивом его выступлений, и подобные заявления звучали с предельной убеждённостью. Но я-то читал в конце концов многое из того, что наш народ якобы не приемлет, и не могу сказать, что лично я этого не принимал.

И вот во время этой поездки на автомашине по Нью-Йорку мне представилась возможность на минуточку представить себе, что под влиянием этого эпизода Хрущёв начнет американцев учить, как надо строить по его убеждению. А я при этом, как обычно, буду стоять у его плеча и абсолютно доподлинно, я бы сказал — верноподданно и буквально переводить всё то, что премьер будет говорить. Хотя в душе, разумеется, я буду понимать, что озвучиваю полный бред. И это будет ясно любому здравомыслящему человеку! Но ведь — буду же переводить! Потому что такова профессия. Такова работа. Такова обязанность...

ООН за работой

Прежде чем рассказать о той, обросшей чуть ли не легендами истории участия Хрущёва в работе 15-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, стоило бы, наверное, отвлечься, чтобы поведать читателю, как строятся ежегодные сессии этой организации.

Начинается каждая сессия с так называемой общей дискуссии, которая длится две-три недели. Именно в этот период в Нью-Йорк и съезжаются высокопоставленные представители государств — членов Организации Объединённых Наций. По большей части это министры иностранных дел. Но на каждую сессию приезжают от тех или иных государств президенты или премьер-министры, если хотят подчеркнуть значимость своих возможных предложений, проблем, которые их особо волнуют. В тот год во многом под влиянием решения Хрущёва лично участвовать в работе сессии съехалось особенно много глав государств и правительств, о чём я уже говорил.

Общая дискуссия проходит без фиксированной повестки дня. По сути дела, каждый участник волен в своём заявлении затрагивать, ставить, выдвигать любые вопросы или предложения. В итоге общей дискуссии никакой резолюции или иного решения не принимается. А вот после неё начинается, я бы сказал, действительно

конкретная работа Ассамблеи. Еще до её начала готовится повестка дня, которая насчитывает более сотни вопросов. На первых чисто организационных заседаниях начавшейся сессии они распределяются между шестью главными комитетами Генеральной Ассамблеи, каждый из которых занимается определённой тематикой: разоружением и международной безопасностью, экономикой и финансами, социальной, гуманитарной и культурной сферами, деколонизацией, административно-бюджетной областью и юридической проблематикой. Некоторые наиболее важные, актуальные вопросы рассматриваются непосредственно на пленарных заседаниях самой Генеральной Ассамблеи, где по ним и принимаются соответствующие резолюции.

У нас всегда считалось, что все наши «главные вопросы» должны обязательно обсуждаться только на пленарных заседаниях, а передача их в тот или иной комитет расценивалась как попытка похоронить вопрос, предать его забвению, хотя на самом деле резолюции Генассамблеи не носят обязательного характера, а лишь рекомендательный.

Характерен и ещё один момент, касающийся как раз периода проведения общей дискуссии. Список выступающих, конечно, готовится заранее. Кому-то выпадает выступить в первый день, а кому-то и в последний, т.е. через две, а то и через три недели после начала сессии. Ведь государств — членов ООН много. При этом Секретариат ООН старается более-менее справедливо распределять ораторов по дням и по времени выступления в тот или иной день. Но существуют и негласные обычаи. Каждый год американский представитель — а, как правило, это президент США, благо ему из Вашингтона в Нью-Йорк и ехать-то недалеко, — выступает в первый день утром. По тому же неписаному правилу наш представитель выступает во второй день. Раньше это делалось неспроста: нашей делегации необходимо было ознакомиться с речью американца, с тем чтобы на следующий день в зависимости от состояния советско-американских отношений либо поставить в заранее заготовленную нашу речь соответствующие возражения или шпильки в адрес американских империалистов, либо в период, скажем, разрядки напряжённости поддержать или похвалить американцев за те или иные инициативы.

Ну и соответственно английский представитель обычно выступал в те годы после нашего, с тем чтобы в свою очередь попытаться нейтрализовать те или иные антизападные пассажи в наших речах. Вот такая велась игра с самого начала работы сессии.

Попутно скажу, что последние пять лет своей профессиональной карьеры я провёл в Нью-Йорке, работая в Секретариате ООН. В качестве Директора Управления по делам Генеральной Ассамблеи

мне и моим сотрудникам как раз и приходилось заниматься всеми организационными и текущими вопросами, связанными с работой именно Генеральной Ассамблеи. В том числе составлением графика выступающих в общей дискуссии, распределением отдельных вопросов повестки дня по комитетам. Одним словом, всем, что связано с организацией нормальной работы Генеральной Ассамблеи.

Кому — банкет, кому — «дежурные» сосиски

Беседа лидеров затягивалась. По времени уже должен был начаться банкет. Но Брежнев не смотрел на часы и продолжал разговор. Потом сказал, что они, видимо, заработали свой ужин, и предложил президенту отправиться в Грановитую палату. Никсон ответил, что он только заедет за женой и тотчас присоединится к Брежневу на банкете.

У меня сразу возникла проблема: ведь первую беседу лидеров на высшем уровне надо было обязательно зафиксировать на бумаге, чтобы с ней могли ознакомиться члены советского руководства, и прежде всего Косыгин и Подгорный.

Брежнев, проводив Никсона до двери кабинета, сказал мне, что надо как можно быстрее сделать запись их беседы. Я ответил, что готов, и поскольку от советской стороны речь на банкете по протоколу должен произносить Подгорный, а текст готов и переведён на английский, зачитать его сможет и мой коллега, который наверняка уже находится в Грановитой палате. Брежнев охотно согласился. Александров вызвал машину, и я отправился в здание ЦК на Старой площади, где стенографистки меня уже ждали.

Я, конечно, слегка подсадовал, что мне не доведётся отведать всего того, чем будут потчевать американского президента в Грановитой палате, однако дело есть дело, и оно, как известно, выше всего. Пришлось довольствоваться «дежурными» сосисками. Но едва я приступил к диктовке, как в кабинете, где я устроился, зазвонила «вертушка». В трубке раздался голос посла Добрынина. Он сказал, что помощник президента США по национальной безопасности Генри Киссинджер пребывает в состоянии, близком к шоковому: состоялась длительная беседа между двумя руководителями, а он, Киссинджер, ничего о её содержании не знает, а между тем Никсон в связи с беседой наверняка набросает ему массу поручений. Короче говоря, Киссинджер просит дать ему наш вариант записи этой беседы, разумеется, переведённой на английский язык. Я ответил Добрынину, что могу это сделать только с разрешения самого Брежнева. Через несколько минут раздался еще один звонок. На этот раз от Александрова, который тоже находился на банкете. Он сказал мне, что советовался с Брежневым, и тот

согласен передать текст записи беседы Киссинджеру, но сначала его должен просмотреть он, Александров. На том и порешили.

Когда по моим расчетам банкет должен был закончиться, запись беседы была уже готова. Вскоре появился Александров и быстро её прочитал. Замечаний у него не было, и я получил «добро» на то, чтобы отправиться в резиденцию и там продиктовать перевод.

Было уже за полночь, когда я добрался до Кремля и предстал перед Киссинджером. Он обрадовался моему появлению и тотчас отвёл меня в одну из комнат, где за пишущей машинкой уже сидела его личная секретарша Джули Пино — красивая молодая блондинка. Я сел рядом с ней и стал диктовать перевод записи беседы. Минут через двадцать дверь открылась и на пороге появился Киссинджер. Он был уже без галстука. Поглядел на нас и сказал Джули, что запись беседы должна быть у него к восьми утра. А затем, обращаясь ко мне, в присущей ему шутливой манере спросил:

— А я вообще могу оставить двух таких молодых людей наедине ночью?

Я ответил в том же духе:

— Учитывая, что запись должна лежать на Вашем столе в восемь утра, безусловно, можете — ни для чего другого у нас просто не останется времени...

При этом я обратил его внимание на цифру, стоящую в правом верхнем углу последней страницы моего русского текста. Это была цифра 15.

Работу мы завершили часам к трём. А утром опять напряжённая работа переводчика во время встреч, бесед, переговоров. И так все дни и ночи, пока длился визит Никсона.

На следующий день посол Добрынин поведал мне, что когда мою запись читал Никсон, то выражал полное одобрение и приговаривал: «Да, да... именно так я сказал Брежневу...»

В конце этого документа, как было принято, значилось: «Записал беседу В. Суходрев». Так и пребывает где-то в американских архивах эта, теперь уже историческая, запись беседы руководителей США и СССР.

Переговоры начались

Четырёхдневные переговоры начались во вторник, в 11 часов утра, с пленарного заседания в Екатерининском зале Большого Кремлевского дворца. Делегации были представлены в полном составе. Напротив Никсона за длинным столом сидел Брежнев, а рядом с ним, с двух сторон, — Подгорный и Косыгин. Присутствовали также Громыко и государственный секретарь США Уильям Роджерс.

Брежнев, начав переговоры, вновь отметил, сколь трудно было советскому руководству согласиться на эту встречу, учитывая ситуацию во Вьетнаме. Эти слова к месту и не к месту, как рефрен, произносились ещё много раз.

Действительно, войну во Вьетнаме нельзя было обойти, но все же превыше всего было желание с нашей стороны наладить отношения с Америкой. Так что иногда Вьетнам упоминался просто для того, чтобы «отметиться» и потом отрапортовать вьетнамцам и другим нашим союзникам о твёрдой и непримиримой позиции советского руководства в этом вопросе.

Стороны договорились о примерной повестке дня. В частности, было условлено, что после обеденного перерыва темой обсуждения станет проблема ограничения стратегических вооружений. К этому времени уже существовала твердая договорённость о том, что два документа, касающиеся этой проблемы, будут подписаны во время визита в Москве. Но эти документы ещё не были до конца готовы. Делегации наших двух стран работали над текстами в Хельсинки, им предстояло разрешить несколько конкретных вопросов, по которым ещё не было достигнуто согласия. Не буду вдаваться в сложные детали проблем ОСВ и ПРО. Об этом много написано, да и вообще в некоторых из них способны разобраться только специалисты. Скажу лишь, что окончательная договорённость была достигнута в самый последний момент, чуть ли не в день, когда была назначена церемония подписания двух документов. Советская и американская делегации продолжали дорабатывать тексты даже в самолёте, летящем из Хельсинки в Москву.

Переговоры по этой тематике вёл лично Брежнев. О его работоспособности тогда говорит хотя бы то, что он довольно долго рассматривал ружья и винтовки, вертел их в руках, прицеливался, пробовал затворы, интересовался ценами. Его заверили, что для него будет сделана скидка. Но и Андрей Андреевич Громыко тоже приглядел себе ружьё и винтовку по приемлемой цене, но попросил их пока отложить. Только через несколько дней, разобравшись со своей наличностью и выкроив нужную сумму, он окончательно решил на покупку.

Вспоминаю в связи с этой оружейной темой, как во время визита в Англию Громыко прислали подарок от министра иностранных дел. Это был прекрасно сделанный, на английский манер, из хорошей кожи футляр для охотничьего ружья. Все знали, что Громыко любит поохотиться. Заглянув в этот футляр, первым делом Громыко спросил: «А что, самого ружья не было?» Такой вопрос мог задать только «наш человек». Ружьё стоит немало, и его, конечно, подарить не могли. За рубежом вообще не принято делать столь дорогие подарки.

К сожалению, где-то в конце 1970-х этот магазин «Эйберкромби энд Фитч» постигла печальная участь. От своего друга, работавшего в нью-йоркском представительстве, я получил вырезку из «Нью-Йорк таймс» со статьёй, в которой сообщалось, что архитектурно-торговый памятник Нью-Йорка, знаменитый «Эйберкромби энд Фитч», в связи с банкротством закрывается.

Изменились времена, упал спрос на дорогие товары для спортивной охоты, в Америке более популярными стали другие виды отдыха.

Вот так социальные условия в США, да и не только там, влияют на судьбы некогда могущественных торговых гигантов. Этот процесс продолжается и до сих пор. Уже в 90-е годы, когда я работал в Нью-Йорке, на моих глазах закрылся огромный универсальный магазин на Пятой авеню. Тоже обанкротился. Закрылась и сеть некогда любимых советскими командированными за их дешевизну магазинов «Александр'с».

Словом, институт знаменитых нью-йоркских универмагов постепенно исчезает. Облик города становится всё более современным, не похожим на тот, который был во времена, когда я ездил по нему в поисках шляп, рубашек и галстуков для первых лиц нашего государства.

Словесная эквилибристика

Проблемы и трудновыполнимые задания, перед которыми Громыко постоянно ставил, конечно, не одного лишь меня, нередко дополнялись чисто лингвистическими ребусами и шарадами при переводе его подчас усложнённо-образных изречений. К их переводу он относился особенно ревниво. Часто проверял, как же сказанное им прозвучит на английском языке. Думаю, ему это было просто интересно, потому что он сам хотел бы, да не знал, как перевести.

Во время одной из бесед была затронута афганская тема. Громыко долго обвинял американцев в том, что они не оказывают давления на своих друзей в Пакистане, дабы те закрыли лагеря для беженцев из Афганистана, перекрыли все пути снабжения моджахедов и так далее. При этом Громыко всячески подчёркивал, что вообще-то боевые действия ведут отнюдь не советские войска. Мы, дескать, лишь оказываем помощь войскам патриотических сил. Если бы там наши солдаты воевали против моджахедов, то те бы и дня не продержались. И вдруг он употребил слово, которое ранее никогда не встречалось в его лексиконе. Громыко сказал: «Если вы не окажете давления на Пакистан, то наши войска начнут обустраиваться в Афганистане».

Отмечу, что ничего подобного в директивах, которые, конечно, он читал, не было. Поначалу я даже не понял, что хотел сказать министр. Как это войска могут «обустроиваться»? Строить казармы? Создавать постоянные базы? Вообще, это довольно емкое русское слово не имеет аналогов в английском языке. В качестве примера скажу, что известная статья А. Солженицына «Как нам обустроить Россию» по-английски звучит скорее — «Как нам организовать Россию».

Я попытался за те доли секунды, которые были мне отпущены, найти адекватное слово. Громыко его отверг. Я предложил другое, но и оно не устроило.

— Суходрев, я же ясно сказал: войска начнут обустроиваться!

Но от повторения суть и смысл сказанного понятнее не становились. В конечном счете я перевел как «закрепляться». Громыко махнул рукой:

— Пусть будет так.

Конечно, переводить тех, кто сыпал штампованными формулировками, было намного легче.

Подобно Хрущёву, Громыко любил употреблять пословицы и поговорки. Но, в отличие от Хрущёва, он ревниво прислушивался к переводу.

Так, в одной из бесед о контроле над вооружениями он в ходе своих рассуждений сказал, что «шила в мешке не утаишь». Я лихо-радочно стал вспоминать английский аналог слова «шило». Как на грех, он не сразу пришёл мне в голову. Я употребил слово «игла». Смысл, согласитесь, был сохранен.

Громыко же, который знал, как по-английски будет «игла», посмотрел на меня и сказал:

— Суходрев, но я же сказал «шило».

Я ответил, что пытаюсь вспомнить это слово. Он насмешливо посмотрел на меня:

— Что, английский язык «шило» не берёт? Я успокоил его:

— Пока не берёт, но сейчас возьмёт.

Американцы сидят напротив и слушают этот непонятный для них диалог на русском языке. За те тридцать секунд, пока шёл этот разговор, моя подборка сработала, я вспомнил, как по-английски будет «шило». Aw! И я с облегчением перевел пословицу. Громыко этого слова явно не знал и вопросительно уставился на американцев, ожидая подтверждения. Те закивали. Есть, дескать, такое слово!

Думаю, что Андрей Андреевич, заботясь о точности перевода, убивал и второго зайца — пополнял свои знания в английском.

Литература: личный архив автора.

Е.Г. Торсуков,

кандидат филологических наук, доцент Высшей школы перевода (факультета) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. E-mail: evg65987514@yandex.ru

АЛЬМА-МАТЕР ВОЕННЫХ ПЕРЕВОДЧИКОВ

Эта статья посвящена трудностям подготовки военных переводчиков. Она рассказывает об истории одного из старейших военных институтов в России. В ней отражены основные этапы создания высшего учебного заведения, деятельность преподавателей по подготовке и воспитанию военных переводчиков. Переводчики были широко востребованы во время Великой Отечественной войны, равно как и в послевоенный период при возникновении локальных войн и военных конфликтов.

Ключевые слова: Военный институт иностранных языков, история создания, военный перевод, Великая Отечественная война, передислокация, учебный процесс, слушатели—участники Великой Отечественной войны, герои Советского Союза, локальные войны и военные конфликты, перевод технической документации, перевод переговоров военных специалистов.

Yevgeny G. Torsukov,

PhD, Associate Professor at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: evg65987514@yandex.ru

The Alma Mater of Military Translators and Interpreters

The article is dedicated to the problems of training of military translators. It tells the story of one of the oldest military higher schools in Russia. It shows the main stages of the formation of this institution, the activities of professors and teachers in training and bringing up military translators. The translators were highly required in the years of the Great Patriotic War as well as in the post-war period, in the course of some local wars and armed conflicts.

Key words: Military Institute of Translation and Interpretation, military translation and interpretation, Great Patriotic War, redeployment, education, Great Patriotic War veterans in the audience, Heroes of the Soviet Union, local wars and armed conflicts, translation of technical specifications, interpretation of military experts' talks.

Объём профессионально значимой информации сегодня превышает человеческие возможности по её освоению традиционными методами. Для этого необходимо выработать технологию информационного обмена между людьми в условиях специализированной среды. Одним из элементов такой технологии является военный перевод.

Специфика военного дела наложила свой отпечаток на все разновидности военной речи как письменной, так и устной. Изучение специфики военной речи крайне необходимо, так как без ее знания адекватный перевод целого ряда источников был бы просто невозможен. Прежде всего необходимо иметь в виду, что особен-

ности военных текстов и устных высказываний в разных языках различны, поэтому военному переводчику необходимо знать особенности как иностранных, так и русских военных материалов, а также основные пути достижения адекватности при переводе.

Язык приказов, уставов, инструкций и наставлений отличается однозначностью трактовок, ясностью в понимании и высокой степенью побудительности. С помощью этих особенностей языка военно-профессиональной среды достигается высокая степень регулирования поведения военнослужащих по выполнению конституционных задач защиты Отечества. Язык военно-профессиональной среды закрепляется в индивидуальной речи военнослужащего.

Речь военно-профессиональной среды, с одной стороны, наполнена общеупотребительной лексикой, а с другой — отличается специфической, только этой среде присущей лексикой. Причём общеупотребительные слова в военной среде приобретают специфически особенное значение. К примеру, слово «огонь» — в общеупотребительном смысле понимается как «пламя свечи или зажигалки», «пылающий костёр», «свет от осветительных приборов», в военной среде — это «ружейная или артиллерийская стрельба» или «команда на открытие стрельбы». Особенное понимание и толкование получают и другие ключевые слова.

Военная речь актуализирует в конкретную речевую форму наряду с общими гуманитарными знаниями также знание основных положений теории и сведений о практике военного дела в отечественных Вооружённых силах и армиях зарубежных государств; требования к организации боевой подготовки и боевой деятельности в армии и на флоте; специфику организации боевой подготовки в различных видах Вооружённых сил; правовые основы хозяйственной, финансовой, экономической деятельности воинских учреждений, частей и подразделений; основы устройства и функционирования боевой и другой техники, состоящей на вооружении в войсках; основы воспитательной работы с личным составом частей и подразделений; основы устройства и применения ЭВТ, программирование на языках высокого уровня и т.д.

Уставы, приказы, инструкции, написанные общеупотребительными словами, воплощают в себе детальную регламентацию речевых действий вплоть до мельчайших подробностей. Эта регламентация выражается в установленных формах речевого обращения начальника к подчинённому («Товарищ рядовой», «Товарищ сержант»), речевых выражениях подчинённых в ответ на получение указаний («Есть», «Так точно» и т.д.). Упорядоченность, согласованность действий достигается через употребление однозначно понимаемых речевых выражений, что способствует достижению наибольшего успеха при наименьшей затрате сил.

Специфика речи в военной среде обусловлена характером задач, стоящих перед Вооружёнными силами, особенностями военной организации, своеобразием условий, в которых действуют военнослужащие. Повседневные результаты воинской деятельности не всегда приобретают материальные, общественно-полезные, реально осязаемые формы. Такая абстрактность требует особого речевого мастерства офицера для придания конкретного образа результатам ратного труда, связанного с особой ответственностью за безопасность государства.

В связи с этим появляется необходимость учитывать особенности языка и речи в военной среде. В данном случае в речи реализуется знание законов вооружённой борьбы. Военная действительность изобилует трагическими ситуациями. Кровь, страдания, потеря сотоварищей и влияние этих факторов на психическое состояние военнослужащих требуют от офицера в своей речи сочетать волевые элементы, способствующие продолжению боевых действий, несмотря на ужасы войны, с элементами утешения для снятия стрессов и ожесточения военнослужащих.

Экстралингвистический уровень владения речью предполагает свободное владение основными понятиями военно-профессиональной среды с выходом за рамки привычных образцов, речевых стереотипов и штампов. Речевая компетентность для определенной категории военнослужащих представляет собой основную часть их деятельности. Речевое поведение военнослужащих имеет ряд особенностей: предполагает категорическую императивность, связанную с необходимостью выполнить приказ, предписание или указание беспрекословно, точно и в срок. Уставные требования, произнесённые командиром, приобретают обязательную силу в соответствии со строгой централизацией, единоначалием и дисциплиной. Специфика военно-профессиональной среды предусматривает энергичную и чёткую форму речевых действий. Внешняя форма выражения, ясность и доступность речи отражает требование единообразия понимания и исполнения приказа. Форма приказа является сигналом, символом языка, способствует упорядочению действий военнослужащих в нужном направлении. В речи командира, имеющей форму приказа, проявляется повелительное наклонение, модальность, настойчивость воли, твердость и решительность, исключающие всякую возможность неповиновения.

Речевое поведение говорящих и использование языка в военной среде обусловлено «закрытостью» языкового лексического материала, наличием специфического «подъязыка» уставов и инструкций, где естественная жизненная среда ограничивается рамками функционально-ситуативного подхода.

Очевидно, что нужна специальная работа в ВУЗе по изучению военной речи как русской, так и иностранной и приёмов и способов её перевода. Именно для подготовки специалистов, способных обучить военных переводчиков, приказом Народного Комиссара Обороны СССР и НКО РСФСР от 14 марта 1940 г. с 1 февраля того же года при 2-м Московском государственном педагогическом институте иностранных языков (МГПИИЯ) был сформирован Военный факультет как высшее военно-учебное заведение Красной Армии. Военный факультет (Военфак) имел своей целью подготовку для военных академий и училищ Красной Армии преподавателей трёх иностранных языков — английского, немецкого и французского. По существу он являлся военно-педагогическим факультетом. Факультет создавался срочным порядком и не с начала учебного года, а в его середине — после первого семестра. Его формировали военный инженер 2 ранга Мартыненко Гавриил Андрианович, назначенный приказом НКО от 21 ноября 1939 г. на должность помощника начальника Военфака по МТО, и майор Нароевский Сергей Константинович. В феврале 1940 г. на должность заместителя начальника факультета прибыл по приказу НКО майор Макаров Василий Дмитриевич, вступивший вскоре во временное исполнение обязанностей начальника факультета. Военным комиссаром факультета был назначен в конце февраля батальонный комиссар Кудинов Александр Николаевич. Эти четыре офицера взяли тогда на себя все трудности создания нового военно-учебного заведения в Красной Армии. Срок обучения был определён в 4 года. Занятия на Военфаке начались 8 февраля 1940 г. Он размещался тогда в здании 2-го МГПИИЯ — в доме № 55 по Ленинградскому шоссе. Соответствующие изменения происходили и на Военном факультете.

В октябре 1940 г. его начальником был назначен генерал-майор Биязи Николай Николаевич. В ноябре Военфак произвёл первый выпуск 38 слушателей, закончивших четвёртый курс и успешно сдавших государственные экзамены. В начале 1941 г. при Военфаке было организовано заочное отделение с изучением английского, немецкого и французского языков. Командование Военфака резко увеличило количество иностранных языков. Если в 1940 г. слушатели изучали один из трёх преподававшихся языков — английский, французский, немецкий, то весной 1941 г. на Военфаке готовились кадры уже на пятнадцати иностранных языках. На факультете развернулась научно-исследовательская работа с основным упором на издание учебных пособий, необходимых для подготовки военных переводчиков и для армии на случай войны. Колоссальная работа по перестройке Военфака и особенно по приспособлению его для подготовки кадров на военное время дала свои положи-

тельные результаты. Из маленького учебного подразделения при 2-м МГПИИЯ Военный факультет западных языков (это его новое официальное название) превратился к лету 1941 г., т.е. за один год своего существования, в самостоятельное крупное военно-учебное заведение, располагавшее хорошими профессорско-преподавательскими кадрами. С января 1941 г. на факультет пришёл автор многих научных работ и словарей Таубе Александр Михайлович, занявший должность профессора английской кафедры. Вскоре эту кафедру возглавила тогда еще молодой ученый доцент Цветкова Зоя Михайловна, впоследствии подполковник, профессор, проработавшая в институте почти со дня его основания до 1955 г. Осенью 1940 г. факультет насчитывал 248 слушателей, а к весне следующего года их было уже 339. К этому же времени на курсах военных переводчиков обучались 616 человек, на других курсах — 211, на заочном отделении Красной Армии — 3000 и войск НКВД — 1000 офицеров. Всего весной 1941 г. на факультете и его отделениях готовилось более пяти тысяч военнослужащих.

С началом войны подготовка военных преподавателей для ввузов была приостановлена, и Военфак полностью переключился на подготовку военных переводчиков для фронта. В связи с возникшей потребностью дополнительно были открыты учебные отделения финского, шведского, норвежского, датского, испанского, итальянского, польского, чешского, венгерского, румынского, сербского и болгарского языков. Эти учебные отделения были укомплектованы слушателями факультета, преимущественно старших курсов. Новые задачи и обстановка вынудили снять теоретические языковые и другие дисциплины (история языка, литература страны, введение в языкознание, психология, педагогика и ее история, латинский и современный русский языки). Вместе с тем как самостоятельная дисциплина был введен военный перевод.

Директивой Заместителя НКО от 28 августа при Военфаке с 1 сентября 1941 г. были сформированы постоянные курсы военных переводчиков со сроком обучения 6 месяцев и с переменным составом в количестве 400 человек. При них были развернуты временные ускоренные (краткосрочные) курсы с обучением 4 и полтора месяца. Их переменный состав был определен в количестве 400 человек, а срок существования этих временных курсов — до 1 декабря 1941 г. В это же время при Военфаке создавались: курсы усовершенствования работников центрального аппарата Генерального штаба со сроком обучения 1 год и 3-месячные специальные курсы усовершенствования. На всех курсах изучался только немецкий язык.

Военный факультет становится центром подготовки военных переводчиков для действующей Красной Армии и одновременно

языковым центром. Обучение велось на пятнадцати иностранных языках. С этого же времени и на протяжении всей войны ввиду отсутствия заявок на переводчиков французского языка и малого спроса на переводчиков английского языка пришлось в ряде учебных групп впервые ввести обучение слушателей двум языкам (французскому и румынскому, французскому и итальянскому, французскому и чешскому, английскому и немецкому, славянским и немецкому). С 1 сентября 1941 г. по новому штату было введено семь кафедр. Призыв партии «все для фронта» находил широкий отклик среди личного состава Военфака. Несмотря на чрезвычайно напряжённую учебную работу, преподавательский состав и слушатели старших курсов в течение нескольких первых месяцев войны перевели и обработали для Генерального штаба большое количество поступавших с фронта трофейных документов, работая иногда целыми сутками и неделями, не уходя из расположения факультета. Для фронта факультет разработал и издал ряд военных разговорников и словарей; русско-немецкий разговорник, военные разговорники по венгерскому, румынскому и итальянскому языкам, дополнения к немецкому, английскому и французскому военным словарям, учебник немецкого языка для военнослужащих Красной Армии.

В октябре 1941 г. последовал приказ НКО СССР об эвакуации Военного факультета при 2-м МГПИИЯ в г. Ставрополь на Волге (Куйбышевская область). Для передислокации был выделен специальный теплоход. Переезд проходил очень организованно, слушатели проявили высокую дисциплинированность. Факультет сумел захватить с собой в основном всю учебную базу, оборудование учебных кабинетов и многое другое, крайне необходимое для организации занятий на новом месте. Эвакуация проходила между 10 и 18 октября. Ставрополь — небольшой волжский городок в семидесяти километрах к северо-западу от Куйбышева. Прибыв сюда, Военный факультет столкнулся с дополнительными трудностями. Необходимо было разместить личный состав значительно выросшего по численности факультета, оборудовать и заново построить помещения для аудиторий, оснастить учебные и специальные кабинеты, создать минимум бытовых условий.

Было очень трудно. Об этом периоде жизни и деятельности Военфака подробно рассказала наша бывшая воспитанница и военная переводчица, активная участница войны, а ныне писательница Елена Ржевская в своей повести «От дома до фронта» [журнал «Новый мир». 1965. № 11]. Вот как она описывает увиденное своими глазами новое место Военфака и пережитое в тот трудный первый год войны. «Лошадей увели на войну, а в их опустевших стойлах свалены чемоданы, тюки. В проходе за столиком сидит военный

писарь, надзирающий за этой “камерой хранения”. А раньше тут колдовали учёные ветеринары над квашеным кобыльим молоком. С того дня, как мы причалили сюда, в Ставрополь на волжском пароходе “Карл Либкнехт”, наши курсы распространились по всему городку. Девушек поместили в школе, парней — в техникуме и в другой школе. На занятия мы ходим в помещение райзо (в районном исполнительном комитете были отделы заготовок — райзо, потребительской кооперации — райпо), обедать — в столовую райпо, готовить уроки — в агитпункт. В баню — изредка, к той хозяйке, какая пустит».

12 апреля 1942 г. приказом НКО СССР Военный факультет при 2-м МГПИИЯ был преобразован в Военный институт иностранных языков (ВИИЯ) Красной Армии с временной дислокацией в г. Ставрополе и с непосредственным подчинением Главному управлению Генерального штаба. Тем же приказом в институт вливался Военный факультет при Московском институте востоковедения (МИВ).

Военный институт иностранных языков, созданный в апреле 1942 г., к лету того же года был полностью укомплектован и состоял из первого факультета (западных языков), в который вошёл весь состав Военфака при МГПИИЯ, второго факультета (восточных языков), созданного на базе бывшего Военфака при МИВ, и курсов переподготовки (военных переводчиков) с отделениями западных и восточных языков. Общая численность переменного состава была определена в 1200 человек. Перед институтом поставлена задача готовить военных переводчиков-референтов и преподавателей для высших и средних учебных заведений Красной Армии. Установлены были следующие сроки обучения: для обоих факультетов — 3 года, для курсов переподготовки — до одного года. В сентябре 1942 г. приказом НКО СССР от 23 августа в составе ВИИЯ было создано специальное отделение ГлавПУРККА с общей численностью переменного состава 300 человек. Позднее, после войны, это отделение было развёрнуто в четвёртый факультет (ГлавПУРа).

Сформировал институт и стал его первым начальником генерал-майор Н.Н. Бязи, бывший начальник Военфака при МГПИИЯ. Военным комиссаром института был назначен старший батальонный комиссар Бабкин Петр Николаевич. Заместителем начальника ВИИЯ (он же начальник учебного отдела) стал по приказу НКО от 30 апреля полковник С.Н. Степанов, бывший начальник Военфака при МИВ (обязанности по последней должности исполнял до июня—до расформирования Военфака). После убийства в 1942 г. генерала Н.Н. Бязи в распоряжение Генштаба начальником института с 16 июля приказом НКО был назначен полковник С.Н. Степанов, руководивший институтом до 1944 г. и впоследствии по-

гибший на фронте (будучи начальником штаба корпуса). Штатные изменения следовали на протяжении всего военного времени. Они вызывались обстановкой, потребностью действующей армии в кадрах военных переводчиков и дальнейшими перспективными планами строительства советских Вооружённых Сил. В феврале 1943 г. численность переменного состава была сокращена до 1000 человек. Часто изменялись названия отдельных курсов, кафедр или других подразделений, порою сокращался или увеличивался их количественный состав, менялись преподаватели и специалисты — одни уходили на фронт, других отзывала Москва на работу в центральный аппарат НКО, но какие бы ни происходили изменения и независимо от них, фронт постоянно пополнялся новыми квалифицированными кадрами военных переводчиков. Все они были воспитанниками нового института — Военного института иностранных языков. Зима 1942/43 г. завершилась великой победой Красной Армии в битве на Волге. Из рук противника была вырвана стратегическая инициатива. Наступил коренной перелом как в ходе Великой Отечественной, так и всей Второй мировой войны.

Решение о переводе Военного института иностранных языков в Москву было принято в НКО СССР 31 января 1943 г. Перебазирование института из г. Ставрополя в столицу проходило в октябре. Первые квартиры, отряд из семидесяти слушателей под командованием полковника В.Н. Савченко, ещё в июле прибыли в Москву для приёма и подготовки помещений к занятиям. Поскольку до войны институт своего здания не имел, СНК СССР 7 сентября отдал распоряжение о временном размещении в зданиях двух законсервированных средних школ в разных районах Москвы — по Кирпичной улице в школе № 445 (дом № 18, в районе Семёновской площади) и по Котельническому переулку в школе № 497 (дом № 5, в районе Таганки).

С переездом в Москву в институте произошли некоторые организационные изменения. С 1 сентября 1943 г. ВИИЯ передан в подчинение Главного управления кадров НКО СССР. В сентябре же на основании директивы Народного Комиссара ВМФ от 16 августа при ВИИЯ создается военно-морской факультет с численностью переменного состава в 150 человек. Этот факультет был создан на базе военно-морского отделения, которое существовало еще с октября 1940 г. при Военфаке МИВ (по приказу НКВМФ СССР). В августе директивой Генштаба в штат ВИИЯ дополнительно было включено 600 слушателей для краткосрочной подготовки военных переводчиков немецкого языка. Эти изменения свидетельствовали прежде всего о возрастающей популярности института и о том, что он, несмотря на многие трудности, связанные с войной, успешно справлялся с поставленными перед ним зада-

чами по обеспечению фронта квалифицированными кадрами военных переводчиков.

Вместе с тем фронт требовал новых пополнений. Военный институт иностранных языков продолжал расширяться, превращался в центр языковой подготовки командного состава Советской Армии. Приказом НКО СССР от 16 июля 1944 г. ВИИЯ с 1 августа этого года перешёл на новый штат с численностью переменного состава слушателей в 1500 человек. Территориальная разобщённость факультетов (в разных районах города) вносила дополнительные организационные трудности.

В июле 1944 г. распоряжением НКО Военный институт иностранных языков переводится на постоянное расквартирование в Красногвардейские казармы по Танковому проезду. 30 августа 1944 г. начальником института вновь назначается доцент генерал-майор Н.Н. Биязи (впоследствии генерал-лейтенант). Его знали как опытного штабного офицера и хорошего организатора учебной работы. Существование и учебная деятельность института в период 1941—1944 гг. характерны тем, что обучение слушателей с учётом требований войны ведётся непрерывно. Учебные годы как таковые не существуют. Никакой передышки, никаких перерывов в учебном процессе! Выпуск слушателей не производился. По указанию Генштаба они командами по необходимости направлялись на фронт в качестве военных переводчиков. Почти еженедельно, сначала на факультет, а потом в институт, поступали заявки с требованием срочной отправки на фронт такого-то количества переводчиков. В документах того времени отражены предельно краткие, свойственные военному времени распоряжения Москвы по телеграфу: «направить в наше распоряжение четырнадцать переводчиков», «срочно подготовить группу переводчиков, тщательно проверьте здоровье», «доложите о ваших возможностях дать фронту переводчиков...» и так далее, и тому подобное. Запросов было очень много.

Военфак и институт дали фронту за три года войны (до середины 1944 г.) две с половиной тысячи военных переводчиков, в том числе по годам: до 1943 г. — 1092, в 1943 г. — 774, в 1944 г. — 658. Со всеми убывшими на фронт слушателями институт поддерживал непосредственную связь, ведя активную переписку. Подводя первые итоги массовой подготовки военных переводчиков в условиях войны, нельзя не рассказать хотя бы вкратце о военной профессии переводчика. Военный переводчик на фронте всегда одним из первых узнавал о противнике, и в связи с этим на нём лежала большая моральная ответственность. Он был обязан безукоризненно знать язык, военную терминологию и организацию армии противника, уметь правильно перевести документ противника и составить протокол допроса военнопленного. Как показал опыт, военному пере-

водчику приходилось зачастую в порядке взаимозаменяемости выполнять самостоятельно многообразные обязанности офицера штаба, вытекающие из конкретной боевой обстановки. В годы Великой Отечественной войны военные переводчики сумели найти свое место в штабной деятельности и тем самым снискать себе заслуженное уважение и авторитет. Постепенно, хотя и в короткий срок, в ходе борьбы с немецким фашизмом определился профиль военного переводчика во всех армейских звеньях как штабного офицера-переводчика. Повседневный контроль со стороны вышестоящих штабов, систематическое живое общение полковых и дивизионных переводчиков со своими непосредственными начальниками и коллегами прививали им вкус к работе, заставляли их чувствовать большую ответственность за добываемые путём допроса военнопленных сведения, за обработку и изучение документов противника.

Слушатели института являлись участниками парада Победы. За хорошую организованность, слаженность и строевую выучку Верховный Главнокомандующий Вооружёнными Силами СССР в приказе от 26 июня 1945 г. объявил всему личному составу института благодарность! Подводя итоги предвоенному и военному периоду в жизни и деятельности института, нельзя не отметить, что это был период труднейшего становления учебного процесса, период организационного оформления и утверждения его жизнеспособности и целесообразности для советских Вооружённых Сил. За время Отечественной войны, т.е. за четыре года, институт дал армии около четырёх тысяч квалифицированных переводчиков.

Многие преподаватели и выпускники института участвовали в качестве переводчиков при безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии, на заседаниях Нюрнбергского и Токийского судебных процессов над главными немецкими и японскими военными преступниками. Большое количество слушателей института принимали участие в комиссиях по репатриации, работали в качестве переводчиков при военных иностранных делегациях, посещавших нашу страну.

Где бы ни находился институт — в эвакуации в Ставрополе или в Москве — и несмотря ни на какие трудности, никогда не прекращалась напряжённая учеба слушателей и самоотверженная работа преподавательского состава.

Окончание войны и переход к мирной жизни сказались и на перестройке деятельности Военного института иностранных языков. Послевоенный период начался для института значительным увеличением контингента обучающихся на очном и заочном факультетах с подготовкой в нормальные для мирного времени сроки. Директивой Генерального штаба Красной Армии с 1 октября

1945 г. институт переводится на новый штат с численностью переменного состава в 2850 человек (институт превратился в крупное высшее языковое военно-учебное заведение со многими отраслевыми направлениями).

В это время в своём составе он имел девять факультетов: 1-й — западных языков (500 слушателей), 2-й — восточных языков (250), 3-й — специальный ГлавПУР ККА (200), 4-й — военно-морской (200), 5-й — заочного обучения (4000), 6-й — военно-педагогический (250), 7-й — особый Главного управления Генштаба (450), 8-й — специальные курсы (500) и 9-й — переподготовки войсковых переводчиков (500). В таком составе институт просуществовал почти два года. Количество кафедр иностранных языков было увеличено с девяти до пятнадцати.

В 1948 г., например, в институте работали и обучались четырнадцать Героев Советского Союза, орденом Ленина были награждены три генерала, тридцать офицеров и один сержант, орденом Красного Знамени — 81 человек, орденами Отечественной войны I и II степени — 197, орденом Красной Звезды — 405, орденами Славы разных степеней — 54, медалью «За отвагу» — 135, партизанскими медалями — шесть человек.

Действительно, бурное развитие военной техники и поступление на оснащение войск более совершенного оружия вносили существенные изменения в организацию войск и армии в целом, в характер и способы ведения вооружённой борьбы. Эти изменения полностью отражались и на подготовке командных кадров в вузах. Поэтому и структурные изменения в институте находились во внутренней взаимосвязи с дальнейшим развитием Советской Армии.

Однако процесс послевоенного организационного становления ВИИЯ на этом не закончился. Новый начальник института генерал-майор Ратов Петр Филиппович, назначенный в марте 1947 г., вместе со своим бессменным заместителем по учебной и научной работе генерал-лейтенантом проделал определённую работу по упорядочению организационной структуры института и укомплектованию учебного аппарата опытным профессорско-преподавательским составом языковых кафедр и кафедры марксизма-ленинизма — полковник Н.В. Волков, подполковники Б.Н. Козлов, С.Г. Склярский, П.И. Лозовой, Н.В. Быченков, майор К.Н. Редозубов, Ю.Я. Бессмертный и другие.

Приказом Министра Вооружённых Сил СССР от 5 сентября 1949 г. для Военного института иностранных языков устанавливался ежегодный праздник его создания — 1 февраля. С 1 сентября 1958 г. снова возрождается прерванная ненадолго подготовка военных переводчиков. Решением военного командования при Военной

академии был сформирован Военный факультет иностранных языков. Казалось, что история повторяется. Но ничего не было похожего на сороковой год. Создание Военфака проходило в иной обстановке и совершенно на другой учебной основе. В развёртывании факультета приняли участие опытные офицеры: полковники А.И. Автомонов — первый его начальник, М.И. Кабанов — его заместитель по политчасти, подполковник Н.А. Федоренко — заместитель начальника факультета (он же начальник учебной части), подполковник В.И. Небольсин — начальник отделения восточных языков, подполковник Л.А. Щербаков — начальник отделения западных языков, подполковник Н.П. Николаев. Факультет размещался там же, где и ВИИЯ.

В 1961 году двухгодичный Военфак был преобразован в 5-годичный с обязательным изучением двух иностранных языков. Начальником качественно нового факультета назначен генерал-майор Я.Я. Малахов. Под его руководством осуществлялась организация учебного процесса в новых условиях и дальнейшее становление факультета, укрепление его организационной структуры.

Второму рождению института предшествовало Постановление Совета Министров СССР от 22 мая 1963 г. о преобразовании Военного факультета в Военный институт иностранных языков. Этим же постановлением ВИИЯ причислили к высшим учебным заведениям страны. Институт сразу же был подчинён Главному управлению кадров Министерства обороны СССР. Ему было предписано готовить: офицеров-переводчиков со знанием иностранных языков с квалификацией по основному языку «переводчик-референт» и по второму языку «переводчик» — на факультетах западных и восточных языков; офицеров спецпропаганды со знанием двух иностранных языков с квалификацией по основному языку «политработник со знанием иностранного языка» и по второму языку «переводчик».

Вскоре начальником ВИИЯ назначается Герой Советского Союза генерал-полковник Андреев Андрей Матвеевич — видный военачальник, командовавший корпусом в Великую Отечественную войну и впоследствии армией, затем командующий войсками Воронежского военного округа. Заместителем начальника института по учебной и научной работе стал профессор доктор филологических наук полковник А.А. Пашковский (впоследствии генерал-лейтенант). Этот и следующий учебный год (1964/65-й) были этапом организационного становления института, развёртывания обеспечивающих учебный процесс подразделений, технического оснащения, создания собственных учебных пособий. Большую работу провели кафедры по обеспечению слушателей учебными материалами по профилю их подготовки. Создана была лаборатория

устной речи (ЛУР), оборудовались лингафонные кабинеты. С большими трудностями была организована оперативная полиграфическая база, активно пополнялась новой литературой библиотека института. В 1966 г. вступил в строй 8-этажный главный учебный корпус института. На 1964/65 учебный год в состав института временно были включены курсы по подготовке переводчиков с одногодичным сроком обучения. В ноябре в институт были приняты военнослужащие рядового состава Революционных вооружённых сил Республики Куба для обучения переводу на русском языке со сроком обучения два года.

Значительные изменения произошли в составе языковых кафедр: вместо трёх их стало семь — английского основного языка, английского языка (второго), французского языка, германских языков, романских языков, ближневосточных языков, языков Среднего и Дальнего Востока. Их возглавили соответственно полковник П.Т. Кузнецов (исполняющий обязанности), подполковник А.А. Васильченко, доцент полковник Р.К. Миньяр-Белоручев, полковник Н.А. Федоренко, кандидат наук подполковник В.И. Рычков, доцент полковник С.А. Тимофеев, подполковник И.Д. Кленин.

Институт рос и мужал с каждым годом, возрастала и его притягательная сила. Ежегодно приезжали десятки представителей из военных и гражданских вузов Москвы и других городов, чтобы познакомиться с методикой преподавания иностранных языков, с оснащением ЛУР и лингафонных кабинетов, получить консультации по интересующим их научным проблемам. Большим спросом пользовались издаваемая в институте учебная литература, особенно по военному переводу. В 1965—1966 гг. более чем в двадцать вузов столицы и многих других городов по их заявкам было отправлено около полутора тысячи экземпляров учебных пособий на десяти иностранных языках. В первой (1965) и особенно во второй (1966) научно-методических конференциях, посвящённых актуальнейшим вопросам современного языкознания применительно к ВИИЯ (о месте военного перевода и интенсификации процесса обучения), приняли участие представители пятнадцати высших военных и гражданских (военные кафедры) учебных заведений Москвы, Калинин, Киева и Рязани. От десятков преподавателей других вузов приняты кандидатские экзамены по иностранным языкам и общему языкознанию.

В 1970—1980-е гг. Военный институт становится признанным лидером не только для военных переводчиков, но и для специалистов по работе среди войск и населения зарубежных стран, а также в деле переподготовки военнослужащих армии стран Варшавского Договора, стран, сотрудничающих с СССР. В эти годы слушатели и курсанты института в качестве боргпереводчиков обеспечивали

поставки вооружения и боевой техники в зоны локальных войн и военных конфликтов. Они становились переводчиками военных специалистов, направляемых в страны Ближнего Востока, Центральной Америки, Африки, Юго-восточной Азии. Большую работу проделали военные переводчики, подготавливая военных специалистов зарубежных стран в учебных центрах МО СССР (Мары, Перевальная, Торжок и т.д.), а также в академиях Советских Вооружённых Сил. В период войны в Афганистане Военный институт дополнительно готовит для ограниченного контингента Советских войск в Афганистане переводчиков на десятимесячных курсах.

После 1991 г. Военный Краснознаменный институт Министерства обороны был включён в состав Военной академии финансов и права, а затем Военного университета Министерства Обороны.

5 июля 1999 г. Приказом начальника Военного университета факультеты восточных и западных языков были объединены в единый факультет иностранных языков. Главной задачей факультета является качественная подготовка военных переводчиков для обеспечения международной деятельности Министерства обороны и Правительства России. Результат пятилетнего срока обучения — подготовка офицера с квалификацией лингвист, переводчик по специальности лингвистика и международная коммуникация, свободно владеющего двумя иностранными языками, способного осуществлять реферирование и аннотирование иноязычных источников и обеспечивать перевод на официальном и неофициальном уровнях в интересах МО РФ и государства, как на территории РФ, так и зарубежом. Кроме этого факультет готовит специалистов для Главного Управления Генерального Штаба по квалификации «лингвист-переводчик» со знанием двух иностранных языков по специализациям «организация зарубежной военной информации и коммуникации», «добывание и обработка зарубежной военной информации», «анализ зарубежной военной информации». Структурно факультет состоит из кафедр: английского языка (основного), английского языка (второго), французского языка, германских языков, романских языков, ближневосточных языков, средне-восточных языков, дальневосточных языков, зарубежной военной информации. Учебными планами предусмотрено обучение по 31 иностранному языку, в том числе по 17 западным языкам и 14 восточным. Каждая кафедра имеет свои славные традиции и историю.

При обучении большое внимание уделяется и организации практической работы с носителями языков по широкому спектру тем и лингвистических направлений. Только за последние десятилетия преподаватели и курсанты привлекались к выполнению служебных заданий в Афганистане, Эфиопии, Анголе, Чаде, Ливии, Таджикистане, Боснии и Герцеговине, Косово и Чеченской рес-

публике и т.д., а также направлялись в командировки за пределы России для приобретения языковой практики в военных институтах иностранных государств, обеспечения зарубежных конференций МО РФ, НГШ, Правительства РФ.

Личный состав факультета постоянно участвует в выполнении правительственных заданий в вооружённых конфликтах и миротворческих операциях. С 1998 г. курсанты факультета осуществляли миротворческие миссии в Боснии и Герцеговине, Косово, Таджикистане, Абхазии. Десятки преподавателей принимали участие в военных конфликтах и «горячих точках» на различных континентах.

За успешное выполнение правительственных заданий пятеро курсантов факультета были награждены медалью Суворова (М. Демьянов, С. Иванютин, И. Слепцов, А. Тарасов, С. Харченко), 20 человек — медалью «За укрепление боевого содружества», более 150 курсантов — медалью НАТО «За миротворческую миссию».

Выполнение миротворческих задач и специальных заданий в «горячих точках» было связано с опасностями и риском для жизни. В Книгу Памяти Военного университета занесены имена офицеров и курсантов факультета, погибших при выполнении миротворческих и специальных заданий. Это С.Б. Белогуров, А.А. Бесолов, А.Н. Добрынин, Д.Л. Ващенко, С.В. Дорошенко, Г.И. Иванов, А.Д. Кудрин, Р.А. Тимуршин, Г.А. Кошпаков, С.Н. Кирышкин, И.Н. Олейников, Ю.М. Стокоз, Д.Л. Фильченко. Г.А. Кашлаков, А.П. Лепёхин, В.С. Лосев, Б.С. Сенев, А.С. Стебунов, К.Н. Колпашиков, А.А. Шишкин, Г.А. Татур.

В канун 65-летия Победы советского народа над фашистской Германией автор намеренно более подробно остановился на деятельности военного института в годы Великой Отечественной войны, отдавая дань мужеству, трудолюбию, самоотверженности профессорско-преподавательского состава в подготовке переводчиков, сражавшихся на фронтах за свободу и независимость нашей Родины.

М.Я. Цвиллинг,

профессор, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой Теории истории и критики перевода Московского государственного лингвистического университета

КАК Я ВЫУЧИЛ НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК

В центре внимания статьи — подготовка военного переводчика в Военном институте иностранных языков и последующая работа переводчика на фронте. Автор статьи рассказывает о становлении подготовки военных переводчиков в послевоенный период, о расцвете всех видов переводческой работы с немецким языком, а также научного и педагогического направлений в германистике.

Ключевые слова: Военный институт иностранных языков, военный переводчик, факультет, разведчик, доброволец, агитационная работа, лагерь военнопленных, преподавание, учебные пособия, кандидат наук, профессор, заведующий кафедрой.

Mikhail Ya. Tsvilling,

Dr.Sc (Philology), Professor, Head of Chair of Translation Critics and History at Moscow State University of Linguistics.

How I learnt the German Language

The article focuses on the process of training of military interpreters at the Military Institute of Foreign Languages and their further work at the front line. The author dwells on both the question of the post-war development of military interpreters' training and the flourishing of all kinds of interpreters' activities related to the German language as well as scientific and pedagogical work in Germanic Studies.

Key words: Military Institute of Foreign Languages, military interpreter, faculty, spy, volunteer, propaganda, POW camp, education, manuals, PhD, Professor, Chairholder.

Начнём с того, что мне посчастливилось вырасти билингом. Мои родители были штатными работниками Народного комиссариата внешней торговли, поэтому я попал за границу, когда мне ещё не было и года. Так что первые десять лет своей жизни я провёл за границей. Мы жили в Верхней Силезии, которая до Первой мировой войны принадлежала Германии, поэтому и население там в 1930-е гг. было в основном немецкоязычным. Когда мне было шесть лет, мама определила меня в школу с немецким языком обучения. Эта школа находилась в городе Катовице на территории современной Польши.

Возвратившись в 1935 г. с мамой в Советский Союз, я стал учеником немецкой школы в Ленинграде, а после нашего переезда

в Москву я учился в известной Karl-Liebknecht-Schule¹ — до самого её закрытия в 1938 г. Кстати, в этой же школе на два или три класса старше меня училась известная переводчица Татьяна Ступникова². Мы с ней снова встретились в 1957 г., когда я активно занимался синхронным переводом. Она была сотрудником Библиотеки иностранной литературы в Москве, где одно время работала и моя мама.

Таким образом, только за три года до начала войны я потерял постоянную связь с живым немецким языком, но к этому времени, к тринадцати годам, язык уже достаточно прочно закрепился в моём сознании.

Начало войны

К началу войны в возрасте шестнадцати лет я закончил 9-й класс средней школы. Буквально через неделю после нападения Гитлера на Советский Союз школьники-старшеклассники были мобилизованы для строительства оборонительных сооружений на дальних подступах к Москве. Нас, т.е. все старшие классы нашей школы, тоже отправили в первых числах июля 1941 г. из Москвы в западном направлении. Сначала никто толком не знал, куда и зачем нас направляют. Мы оказались в районе станции Издешково, где железная дорога Москва—Берлин пересекает Днепр. Мы строили противотанковые рвы, или так называемые эскарпы: это стена, сооружаемая на берегу реки, для того чтобы танк не смог на неё взобраться. В конце нашего пребывания там мы попали под бомбёжки, а некоторые группы даже оказались в окружении. Об этом пишет в своих воспоминаниях писатель Борис Васильев³, мой ровесник, находившийся тогда на том же рубеже.

¹ Немецкая школа имени Карла Либкнехта в Москве (1924—1938) — первоначально создана для обучения детей из семей иностранных, в основном немецких, политэмигрантов, сотрудников Коминтерна и др. В дальнейшем в школу стали принимать также детей советских граждан. Преподавание велось на немецком языке, и школа в целом отличалась высоким уровнем обучения. Многие выпускники связали свою профессиональную жизнь именно с работой в области перевода. Школа была преобразована в связи с ликвидацией обучения на национальных языках и повсеместным переходом на русский язык обучения.

² Ступникова Татьяна Сергеевна (1923—2005) — переводчик-синхронист на Нюрнбергском процессе, затем переводчик немецкой художественной литературы и научный сотрудник Библиотеки иностранной литературы. Её воспоминания легли в основу автобиографической книги «Ничего, кроме правды».

³ Васильев Борис Львович (1924) — писатель, киносценарист, драматург. Участник Великой Отечественной войны. По профессии — военный инженер-испытатель. Военный опыт лёг в основу почти всех его произведений. Автор повестей «А зори здесь тихие...» (1969), «И был вечер, и было утро» (1989), романов «В списках не значился» (1974), «Были и небыли» (1978), «Завтра была война» (1984), киносценариев, в том числе и по собственным произведениям.

Через три недели, в двадцатых числах июля, нас оттуда вывезли. С приключениями мы добрались до Москвы как раз накануне первой бомбежки, так сказать, из огня да в полымя. Помню, что первую ночь я провел в бомбоубежище в подвале Театра Революции, нынешнего Театра имени Вл. Маяковского — это было одно из первых зданий, поврежденных немецкой бомбой. Мы почувствовали этот удар, сидя в подвале. Внезапно погас свет и поднялась паника среди женщин. Но в результате никто не пострадал.

Мы оставались тогда в Москве, дежурили на чердаках или просто на улице, поскольку налёты на город стали регулярными. Основным видом поражающих средств, которые применялись против жилых кварталов, были зажигательные бомбы. Эти бомбы для человека не опасны, если они не попадают непосредственно в него. Зажигательная бомба представляет собой болванку весом в пару килограммов, она не взрывается, а горит ярким пламенем, как сварка, и деревянные конструкции вспыхивают от него моментально. Эти бомбы мы подцепляли лопатой или хватали клещами и бросали в ящик с песком или на землю, а потом засыпали песком.

Учёба на курсах военных переводчиков

В августе 1941 г. я узнал, что производится набор на курсы военных переводчиков при военном факультете, который был подразделением Второго московского государственного педагогического института иностранных языков. С самим институтом я так никогда и не соприкоснулся, так как его вскоре закрыли.

В июле мне исполнилось 16 лет, а в начале августа я получил паспорт и, уже будучи почти полноправным гражданином, отправился по названному мне адресу — на курсы военных переводчиков. Там сначала протестировали мои знания немецкого языка. Естественно, я не очень хорошо знал военную терминологию, но языком владел свободно. Мне пришлось заполнить многостраничную анкету — тогда это было обязательно. В ней были и такие вопросы, как, например, служил ли кто-нибудь из родственников в белой или царской армии. Причем ответить неправильно было опасно — за это можно было поплатиться. Я честно указал, что мой отец был унтер-офицером царской армии. Сей факт вызвал некоторые сомнения, но потом всё уладилось, и меня приняли на шестинедельные курсы военных переводчиков. Слушателями курсов были в основном студенты-старшекурсники языковых вузов или филологических факультетов, отчасти даже преподаватели немецкого языка, моих ровесников было всего два-три человека.

На курсах нас обучали немецкой военной терминологии, военному делу и элементарным знаниям, которые были необходимы офицеру: владению стрелковым оружием, строевой подготовке

и т.д. Но такое спокойное течение учёбы прервалось уже где-то в первых числах октября 1941 г., потому что резко обострилась ситуация под Москвой⁴.

Как известно, немецкие войска под командованием генерала Гудериана⁵ приближались к Москве, почти не встречая сопротивления, так как основные части Красной Армии были разбиты ещё раньше. На фронт бросали всех, кто только попадался под руку: в первую очередь ополчение и курсантов военных учебных заведений. С наших курсов тоже многих отправили на фронт, в большинстве своём это были взрослые мужчины. Для дальнейшего обучения на курсах оставили только женщин и подростков, не достигших совершеннолетия. Меня же и нескольких моих товарищей перевели с краткосрочных курсов на Военный факультет Второго МГПИИЯ. Нас сразу взяли на второй курс, чтобы потом подготовиться к преподавательской деятельности.

Однако вскоре учёба на курсах была прекращена и заменена боевой подготовкой. Нас всех перевели на казарменное положение. Мы готовились к тому, что в любой момент нас могут отправить на фронт, чтобы задержать немецкие войска до тех пор, пока не подойдут пополнения из Сибири. Но наш начальник, генерал Николай Николаевич Биязи⁶, всё-таки сумел убедить командова-

⁴ 30.09.1941 г. фашистские войска перешли в активное наступление на Москву через Орёл (с юго-запада) и Вязьму (с запада). В течение недели были заняты города, составлявшие Вяземскую линию обороны Москвы. 15.10. Государственный Комитет Обороны принял постановление «Об эвакуации столицы СССР г. Москвы». 16.10. называют «чёрным днём» в обороне Москвы, так как шла спешная эвакуация учреждений и предприятий, и город был охвачен паникой. Вторая, Можайская, линия обороны во второй половине октября также была прорвана, и только к 30.10.1941 г. наступление гитлеровских войск было в основном остановлено в 80—100 км от Москвы.

⁵ Гудериан Хайнц Вильгельм (1888—1954) — генерал-полковник немецкой армии, военный теоретик. В октябре 1941 г. был назначен командующим 2-й танковой армией, ведшей наступление на Москву. В декабре 1941 г. за поражение под Москвой снят с должности и отчислен в резерв. Автор книги «Воспоминания солдата».

⁶ Биязи Николай Николаевич (1893—1973) — генерал-лейтенант, кандидат военных наук. Окончил театральное училище в Одессе, Военную академию имени Фрунзе, Академию Генерального штаба. Владел 14 языками. В 1923—1927 — начальник Объединённой командной школы имени В.И. Ленина в Ташкенте. В 1936—1938 — военный атташе в Италии. Инициатор создания и первый начальник (1940—1942) Военного факультета при 2-м МГПИИЯ и Военного института иностранных языков Красной армии (1944—1947). В 1943—1944 — заместитель командующего Закавказским фронтом, занимался формированием специальных ударных отрядов альпинистов и лыжников для борьбы с гитлеровскими альпийскими стрелками. Первый дипломированный футбольный судья России (1912), чемпион Красной Армии по пулевой стрельбе (1922), чемпион СССР по стрельбе из боевой винтовки (1928), судья Всесоюзной категории по боксу. Автор 35 научных работ по лингвистике и военному делу.

ние в том, что как боевая единица мы едва ли представляем какую-то ценность, а как резерв переводческих кадров — незаменимы, так как в этой затяжной войне потребуются много специалистов с хорошими знаниями немецкого языка. В итоге нам разрешили покинуть Москву. Правда, на построении генерал Биязи сказал, что каждого, кто произнесёт слово *эвакуация*, он отдаст под трибунал как паникёра. Это называлось не *эвакуация*, а *плановая передислокация*, и только этот термин мы смели употреблять.

Передислоцировали нас в Ставрополь-на-Волге, старинный городок, на месте которого сейчас процветает автоград Тольятти⁷. В то время там размещался наш военный факультет, основной базой которого был не сам город, а расположенный в нескольких километрах от него санаторий-кумысолечебница. Там и продолжалось обучение специалистов-переводчиков. Помещения санатория приспособили под жилые, административные, учебные комнаты и под столовую.

Учёба заняла первый год моего пребывания в Ставрополе. Однако собственно занятиям отводилась в лучшем случае треть времени, потому что много сил уходило на внутреннюю службу: дневальство, караульную службу и хозяйственные дела, т.е. на лесозаготовки и другие работы, которые нам были необходимы для жизнеобеспечения. В основном этим приходилось заниматься молодёжи, но не из-за того, что существовала дедовщина, а просто потому, что старшие ребята знали язык хуже, чем мы. Преподаватели и командование понимали, что отрывать их от учёбы — значит лишить возможности усвоить свои специальности, а мы могли «экономить» на тех уроках, которые для нас были уже «избыточными».

Первый год я числился слушателем: нас тогда называли не курсантами, а слушателями высших военных учебных заведений.

Наши преподаватели были очень преданы своему делу, они сами создавали учебные пособия по разным аспектам языка. В качестве примера можно привести учебники Москальской⁸, Гофма-

⁷ Ставрополь-на-Волге (с 1964 — Тольятти) — город в Куйбышевской области на левом берегу Волги. При строительстве Куйбышевской ГЭС (с 1950 г.) попал в зону затопления будущего водохранилища и в 1954—1955 гг. был перенесён на более возвышенное место.

⁸ Москальская Ольга Ивановна (1914—1982) — доктор филологических наук, профессор. Работала в военном институте иностранных языков до 1956 г.: начальник кафедры немецкого языка (с 1942), начальник кафедры германской филологии (с 1946), помощник начальника института (с 1952). В 1956—1982 гг. — заведующая кафедрой грамматики и истории немецкого языка в МГПИИЯ, главный редактор журнала «Иностранные языки в школе». Автор учебников для вузов, более 100 статей. Редактор «Большого немецко-русского словаря» в 2 томах (М., 1969).

на⁹, а также Нины Александровны Липеровской¹⁰, учебники которой переиздавались после войны уже в переработанном виде. Несмотря на то что у нас имелась своя типография, возможности всё же были ограничены, и мы отчасти пользовались и довоенными учебниками.

Одним из руководителей курсов был Александр Михайлович Таубе. Я затрудняюсь сказать, сколько ему к тому времени было лет, но наверняка больше пятидесяти. В наших глазах он выглядел стариком. Начиная свою деятельность ещё в царское время, служил инженером на флоте, выпустил перед войной несколько военных словарей на разных языках¹¹.

Другим нашим преподавателем, который мне особенно запомнился, был Борис Эммануилович Шванебах, впоследствии издавший учебник по немецкому военному переводу¹². Он преподавал нам организацию вооружённых сил Германии, поскольку имел и личный опыт работы переводчиком на «объектах», где офицеры Рейхсвера¹³ испытывали вместе с командирами Красной Армии запрещённую Версальским договором военную технику¹⁴. Так что

⁹ Гофман Евгений Абрамович (1918—1986) — переводчик, один из основоположников преподавания синхронного перевода. Окончил ВИИЯ в 1940 г. (выпускник первого набора военфака), оставлен в качестве адъюнкта для подготовки к преподаванию военного перевода. Работал в ВИИЯ до 1956 г. преподавателем и старшим преподавателем немецкого языка. Руководитель группы советских переводчиков на Нюрнбергском процессе. С 1956 — старший преподаватель и исполняющий обязанности профессора кафедры немецкого языка Военной академии бронетанковых войск. Автор учебников (см., например: *Гофман Е.А., Куриленко П.Н. Синхронный перевод*. М., 1987).

¹⁰ Н.А. Липеровская (ум. 1969) — старший преподаватель кафедры немецкого языка ВИИЯ (1940 или 1941—1956). С 1956 г. — редактор в редакции словарей германских языков издательства национальных и иностранных словарей (после реорганизации переименовано в издательство «Советская энциклопедия»), затем издательства «Русский язык». Автор учебников: «Самоучитель немецкого языка» (2-е изд. М., 1965), «Учебник немецкого языка» (4-е изд. М., 1967).

¹¹ Таубе Александр Михайлович — полковник, начальник кафедры военного перевода ВИИЯ (1941—1956). Автор «Военного немецко-русского словаря» (М., 1931), «Военного французско-русского словаря» (М., 1931), «Военного англо-русского словаря» (М., 1938).

¹² Шванебах Борис Эммануилович (1903—1981) — выпускник Царскосельского лицея. Кандидат филологических наук, доцент института имени М. Горького в Москве. Автор «Руководства по немецкому военному переводу» (М., 1943), ряда учебников и книг.

¹³ Reichswehr (нем.) — вооружённые силы Германии в 1919—1935 гг., состоявшие, согласно Версальскому договору, из сухопутных войск и военно-морского флота.

¹⁴ Версальский мирный договор завершил Первую мировую войну. Подписан 28.06.1919 г. в Версале (Франция) США, Англией, Францией, Италией и Японией, с одной стороны, и капитулировавшей Германией — с другой. Германии запрещалось иметь военно-воздушные силы, танки, зенитную, тяжёлую и противотанковую

преподаватели у нас были толковые, и преподавать мы начинали тоже под их руководством. Генерал Биязи и его ближайшие помощники понимали свои задачи правильно, не как некоторые последующие начальники.

В начале 1942 г., вскоре после нашей передислокации в Ставрополь-на-Волге, был издан приказ о формировании Военного института иностранных языков, который до этого самостоятельно не существовал. Это был просто военный факультет при 2-м МГПИИЯ. Параллельно с ним существовал военный факультет при Московском институте востоковедения, который осенью 1941 г. был передислоцирован из Москвы в Фергану. После издания приказа о слиянии обоих факультетов в Военный институт иностранных языков факультет института востоковедения был переведён из Ферганы в Ставрополь-на-Волге. Таким образом, летом 1942 г. мы там соединились. Вновь прибывшим отвели другие помещения, но у нас было общее начальство, общая служба. Подавляющее большинство слушателей Военного института изучали немецкий язык. По окончании института нас распределяли кого куда. Например, в Среднеазиатский и Дальневосточный военные округа направляли восточников, среди которых были японисты и китайцы, готовые принять участие в боевых действиях против Японии на территории Кореи и Китая.

В Военном институте, конечно, же обучались не только переводчики. Контингент вуза был довольно разнообразным, потому что часть слушателей набрали ещё в довоенные годы, когда обучение было четырёхгодичным. Некоторых слушателей переводили со старшего курса гражданского вуза на старший курс Военного института. Они оканчивали институт уже через год и получали соответствующие дипломы.

До войны на учёбу принимали только отслуживших в армии; действительная служба в то время продолжалась три, а для младших командиров даже четыре года. Это были люди, имевшие звания, соответствующие нынешним офицерским, примерно от лейтенанта до капитана. Многие из них участвовали в операциях на Дальнем Востоке, в Польше и Бессарабии, среди них были и участники Финской войны. Относились они к нам по-отечески

артиллерию, подводные лодки, линкоры водоизмещением свыше 10 000 т и крейсера — свыше 6000 т, а также Генштаб в любой форме. Благодаря сотрудничеству командования Рейхсвера с руководством СССР, которое также было заинтересовано в подготовке военных кадров и разработке перспективных видов вооружения, во второй половине 1920-х гг. на территории СССР было создано несколько секретных военных объектов Рейхсвера (авиашколы, испытательные полигоны для химического и тяжёлого танкового вооружения).

и учили нас, мальчишек, уму-разуму и выживанию в тех достаточно трудных условиях. К сожалению, сейчас из них никого уже нет в живых: они были старше нас минимум на пять-шесть лет, так что им сейчас было бы где-то под девяносто. Во всяком случае, среди моих знакомых таких уже не осталось.

На курсах мы жили дружной семьёй. Даже военные невзгоды нас как-то мало затрагивали: снабжение было скудным, но регулярным, а это для того времени было уже немаловажно. Осенью 1943 г. мы вернулись в Москву, когда ситуация на фронте уже более-менее нормализовалась. Сначала нас разместили в школьных зданиях, но к лету 1944 г. нам выделили здание Красных казарм в Лефортове, где до сих пор находится военное учебное заведение — факультет иностранных языков Военного университета — преемник Военного института.

Преподавание на курсах военных переводчиков

К преподавательской деятельности я приступил уже летом 1942 г. А было это так. Однажды после смены с караула меня совершенно неожиданно вызвали к начальнику факультета. Я думал, что получу какой-нибудь выговор за нарушение в караульной службе, потому что за сутки на посту были какие-то шероховатости. Но оказалось, что мне поручают преподавать на курсах, так как ожидается пополнение курсантов. К этому времени курсы стали уже регулярными, с четырёхмесячным сроком обучения, и набирали туда в основном ребят с приличными школьными знаниями. Через эти курсы прошли и некоторые известные люди, в частности актер Владимир Этуш¹⁵ и композитор Эшпай¹⁶. Многих слушателей отправляли на фронт ещё из Москвы, начиная с первых недель войны. Стоит отметить, что каждый из нас стремился попасть на фронт. В то время патриотизм был чем-то вполне естественным, а не просто лозунгом, тем более когда наша страна оказалась в таком положении. Мы постоянно подавали рапорты с просьбой отправить нас на фронт, но генерал Биязи как-то собрал молодых преподавателей и сказал, мол, нечего «рыпаться», командованию лучше знать, где мы нужнее. И пригрозил отправить нас в какую-нибудь тыловую строительную часть вместо фронта, если мы будем надоедать ему своими рапортами.

Чтобы как-то легализовать и закрепить наше положение, он выдал нам дипломы, хотя большинство из нас ещё не успели за-

¹⁵ Этуш Владимир Абрамович (1923), с 1945 — актёр Театра имени Евгения Вахтангова.

¹⁶ Эшпай Андрей Яковлевич (1925) — композитор, ученик Арама Хачатуряна. Автор оперетты, балетов, симфоний и музыки к кинофильмам. Во время войны — военный переводчик на 1-м Белорусском фронте.

кончить вуз. Эти дипломы были оформлены в волевом, приказном порядке. В них, правда, записали, что квалификация нам присвоена не решением государственной экзаменационной комиссии, а решением академической выпускной комиссии. Мне неизвестны юридические основания для такого диплома. Нам говорили, что он действителен на время войны, а потом придётся получать «нормальный» диплом.

Так мы из слушателей превратились в адъюнктов — так в военных учебных заведениях до сих пор называют аспирантов, хотя ни о какой аспирантуре никто из нас и не думал. Это был просто более солидный статус. Нам полагалось несколько большее денежное довольствие, хотя это было для нас не особенно важно. Мы получали в размерах хоть и скудной, но регулярной нормы продовольственного снабжения всё, что нам было нужно. Небольшое количество денег я даже мог отсылать своей сестре-студентке в Свердловск по аттестату: оформлялся специальный документ, и деньги поступали через военкомат по месту её жительства.

Так в 1942 г., когда мне было семнадцать лет, я начал преподавать на военно-морском факультете. Он был сформирован для подготовки переводчиков военно-морского флота. Слушатели факультета носили военную форму, начальство было из числа моряков. Я сам, как и все мальчишки, интересовался флотом только в детстве. Но Таубе, наш руководитель, хорошо знал флот, у него имелось много специальной литературы, хотя и несколько устаревшей. Под его руководством я и приобщился к преподаванию военно-морского перевода и спустя много лет даже участвовал в издании немецко-русского военно-морского словаря¹⁷.

Занятия летом 1942 г. проходили не в аудиториях, а на прилегающей к санаторию благоустроенной территории. Там были скамейки, дорожки, столики, на краю санатория уже начинался лес. Для занятий мы дополнительно поставили во дворе скамейки и столы. Вместо звонка раздавался сигнал горниста, оповещающий начало и конец занятия.

Мои студенты набирались из школьников: это были либо мои ровесники, либо ребята на год-два старше меня. Они уже обладали базовыми знаниями немецкого языка на хорошем школьном уровне. В округах при военкоматах работали специальные комиссии, которые отбирали среди призывников ребят, пригодных для подготовки в качестве офицеров: кого в авиацию, кого на флот, кого в танковые войска, а кого и в переводчики. Учились они, в общем-то, хорошо, так как плохо учиться было просто нельзя — вылетишь моментально.

¹⁷ Цвиллинг М.Я., Яхонтов Ю.А. Немецко-русский военно-морской словарь. М., 1961.

В моей работе начинающего преподавателя случались и смешные эпизоды. Прихожу однажды на занятия, а ребята говорят, что я не из их группы. Я им пытаюсь объяснить, что я — их преподаватель. Рядом проходили занятия старшего преподавателя, и мне пришлось позвать эту даму, чтобы она подтвердила, что я действительно преподаватель группы. У меня тогда была солдатская форма, звания ещё не было, так как первое звание я получил лишь осенью 1942 г., перед поездкой в лагерь военнопленных. Но в целом всё проходило без дисциплинарных проблем, ученики понимали, что я их преподаватель. Человек в таком молодом возрасте ещё не способен и не склонен к самоанализу, он воспринимает жизнь такой, какая она есть. Поговаривали, что я нравился многим слушательницам. Конечно же, мне это было приятно и не мешало преподавать, даже, наоборот, помогало общаться, проявлять остроумие. Дистанция сохранялась, но свободное от занятий время мы проводили вместе: танцевали, развлекались, обсуждали различные темы, между нами не было «стенки». Но в то же время я не допускал фамильярности в отношении с учениками, они меня уважали.

Я довольно долго обучал людей старше меня или одного со мной возраста. Наверное, лишь через десять лет после окончания войны возрастные различия между мной и моими учениками изменились. В первые послевоенные годы бывшие студенты, после фронта возвращались доучиваться. У них был перерыв в учёбе два-три года. Само собой, они приходили более зрелыми, нежели я. У меня перерыва в учёбе практически не было, потому что несколько месяцев пребывания на фронте не прервали учёбу, тем более что сразу после окончания войны для нас создали экстернатуру.

Со своими бывшими слушателями военных курсов я поддерживал дружеские отношения в течение многих лет, мы и до сих пор встречаемся. После 60-летия Победы, кажется, в конце мая или в начале июня в Военном институте проходил День военного переводчика. В этот день в Москве в Лефортовском парке обычно снимают летнее кафе, где собирается много людей: и бывшие преподаватели, и выпускники, и нынешние слушатели. Однажды я пошёл на это мероприятие в военной форме, которую сам заказал себе к 60-летию Победы. Помню, подходит человек, примерно моего возраста, тоже далеко не молодой и говорит: «О, капитан Цвиллинг!». Я ему говорю, что уже я подполковник, а не капитан. А он: «Для нас вы остались капитаном». Он учился у меня где-то в конце сороковых годов. Сейчас ему тоже около восьмидесяти.

Что касается методики преподавания, старшие преподаватели провели со мной инструктаж, поскольку я раньше никогда не преподавал. Главный методический принцип, который мне внушили и который я сейчас часто повторяю своим ученикам, гласит: сна-

чала задай вопрос, а потом назови, кто на него должен ответить. Даже такой простой принцип мне нужно было как-то освоить.

Учёба начиналась с повторного фонетического курса. Образцовое произношение мы не отработывали, но слушатели не должны были хотя бы путать такие слова, как «schießen» и «scheissen», это даже вошло в поговорку. Грамматику и лексику мы отработывали на простых упражнениях и текстах. Но при этом как можно раньше переходили к военной тематике: сначала повседневная жизнь, а потом элементарные сведения из боевых действий.

Звукозаписывающей аппаратуры на курсах, к сожалению, в то время вообще не было. На первых порах звукозапись велась на пластинках, где специальным резцом снималась стружка. Только потом перешли к магнитофонам. Когда генерал Биязи отправлял нас на практику на фронт, он дал нам задание привозить всё, что может представлять интерес для учебного процесса, в частности трофейные материалы, письменные тексты, научную и учебную литературу. Собственно, учебник Шванебаха и построен на материале, собранном именно таким образом: немецкие ордена, медали, значки за участие в тех или иных боевых действиях, знаки различия, офицерские погоны, петлицы. У нас на курсах из них был даже сделан особый кабинет-музей.

Биязи ещё объяснил нам, что такое магнитофон — мы этого и не знали. Причем тогда в магнитофоне использовали не плёнку, а магнитную проволоку. Он сказал, что магнитофоны могут быть в немецких почтовых или телеграфных отделениях. Обнаружив подобное невиданное нами ранее устройство, мы должны были сказать, объяснял нам Биязи, что у нас приказ демонтировать звукозаписывающее оборудование и переслать его в институт. Конечно, никто и слушать бы не стал, если бы на почту пришёл какой-нибудь лейтенантик и приказал переслать магнитофоны в Военный институт, но мне они и не попадались. Зато была ценная для учебного процесса литература, однако часть её у меня отобрали на пограничном контроле на границе Германии и Советского Союза, когда я возвращался с фронта. Никаких паспортов и виз не было, проверяли личные документы, командировочное удостоверение, смотрели, что везёшь. У меня с собой была большая сумка типа вещмешка, набитая литературой. Её отобрали, несмотря на мои попытки уверить, что книги я везу для учебных целей...

Во время обучения мы пытались приобщиться и к практике. В частности, Шванебах получал мешки с перехваченной солдатской почтой и документами низового звена, которые велись от руки, и мы учились их расшифровывать. Например, было такое задание: студент получал два-три письма, к следующему занятию он их расшифровывал и прочитывал, а потом переводил. Таким способом

мы учились разбирать солдатский почерк, ведь письма часто были написаны неграмотно и с сокращениями.

Был ещё и другой, более радикальный способ привить нам практические навыки: производственная практика в лагерях военнопленных. Первый раз я оказался на такой практике осенью 1942 г. Это было ещё до перехода в наступление наших войск под Сталинградом. Оно началось 19 ноября 1942 г., а мы вернулись с практики как раз под праздник, 7 ноября, — это были самые тяжёлые времена на фронте. Нас отправляли на практику в две очереди, и я попал во вторую. От тех, кто оказался в первой очереди, я узнал, что нас везут в лагерь военнопленных, расположенный где-то на Волге недалеко от Казани.

Там находился большой лагерь военнопленных. Мы проводили среди них агитационную работу, расспрашивали об организации немецкой армии, их гражданской профессии, городах, в которых они жили. Какой-либо ценности для командования эти сведения, скорее всего, не представляли, но с точки зрения языковой практики наше пребывание в лагере было полезным для нас: мы впервые столкнулись с немцами, с носителями разных диалектов и разной манеры речи, разного уровня образования. Условия содержания пленных в то время были далеки от идеальных, заболеваемость и смертность в лагерях были высокими. Сам лагерь производил тяжёлое впечатление, тем не менее среди пленных имелись и такие, которые говорили нам: «Сегодня мы здесь сидим, может, мы и не выживем, но вы всё равно скоро окажетесь на нашем месте!».

Второй раз я попал в лагерь немецких военнопленных летом 1944 г., причём меня направили из Москвы уже в качестве руководителя практики. Я был тогда преподавателем немецкого языка в звании лейтенанта, и мне подчинялась группа слушателей, кажется, второго курса. Будучи моими ровесниками, некоторые из них уже побывали на фронте и были опытнее меня в жизненном отношении. Произошло это после завершения операции «Багратион», когда наши войска разбили большую немецкую группировку в Белоруссии и захватили сотни тысяч военнопленных, часть из которых после этого проконвоировали через Москву, о чём сохранились известные кинокадры. Эта масса военнопленных была в значительной части не профильтрована. Многие из них шли колоннами, с одного этапа на другой, их никто толком не опрашивал, только считали по головам. Они были распределены по лагерям военнопленных, и задача практикантов заключалась в том, чтобы провести первичную кадровую обработку, т.е. заполнить на них опросные листы. Затем сотрудники лагерей, представители политических органов, органов безопасности и разведки по этим опросным листам отбирали тех, кто их интересовал. Далее мы уже

работали по заданиям или в качестве переводчиков при каком-либо сотруднике.

Лагерь, в который я попал в 1944 г., находился вблизи города Усмань, который сейчас относится к Липецкой области. По сравнению с тем лагерем, в котором я побывал в 1942 г., — просто день и ночь. Это учреждение действительно хорошо было организовано с вполне благоустроенными, чистыми бараками, кухней, организованным выходом на работу. Находиться внутри с оружием запрещалось: оно полагалось только охране, а все остальные должны были его сдавать, чтобы оно не могло попасть в руки военнопленных.

В лагере был специальный орган — Ordnungsdienst, который назывался Lagerpolizei. Первое наше столкновение с этим органом Ordnungsdienst произошло так. Когда мы вошли в лагерь, военнопленные должны были нам отдать честь. У входа обычно стоял кто-то из Lagerpolizei и кричал в таких случаях:

— Achtung!

И тут кто-то из пленных, сидевших поодаль, не встал вовремя. Так этот Lagerpolizist на него набросился с криком:

— Du, Mensch, wenn dir dein Arsch zu schwer ist, um aufzustehen, brauchst du dich gar nicht erst hinzusetzen!

Мы запомнили это выражение, тем более что когда мы учились в Ставрополе-на-Волге, среди наших преподавателей был Теодор Ауэрбах, специализировавшийся как раз на Kraftausdrücke. Он издал специальный словарь и впоследствии защитил диссертацию о бранных выражениях в солдатском жаргоне. А здесь мы одно из таких выражений услышали на практике.

В этом лагере мы проводили не только следственно-разведывательную работу, но и пропагандистскую. Наше пребывание там совпало как раз с 20 июля 1944 г., когда произошло покушение на Гитлера, и на этом фоне активизировалась работа национального комитета «Свободная Германия», который уже тогда набирал антифашистский актив для послевоенных лет. В лагере мы проводили что-то вроде политинформации, а также собирали подписи военнопленных, готовых присоединиться к этому комитету или сотрудничать с ним, хотя их всё равно ещё требовалось многократно проверить.

Работа фронтовым военным переводчиком

Осенью 1944 г. генерал Бязи объявил нам, что в Генеральном штабе утверждён план боевых стажировок адъюнктов-преподавателей, которые не принимали участие в боевых действиях. На два-три месяца в плановом порядке наших учащихся или молодых преподавателей посылали в качестве переводчиков на фронты Великой Отечественной войны.

До меня дошла очередь в январе 1945 г., и меня направили в распоряжение командования 3-го Белорусского фронта, который относительно недавно вступил на территорию Восточной Пруссии. Это было первое проникновение советских войск на территорию Германии. Пока определяли, куда меня назначить, я несколько дней находился в составе воинской части с очень странным названием «Опрос». Когда в управлении кадров сказали, что меня направляют в «Опрос», я подумал, что меня подвергнут какому-то допросу, а оказалось, что «Опрос» — это сокращение, означающее «Отдельный полк резервного офицерского состава» — «ОПРеОС». Там собирали всех офицеров, впервые попавших на фронт или возвращавшихся после ранения или переформирования.

Вскоре определилось моё окончательное назначение, и меня направили в 42-й стрелковый корпус 48-й армии, которая находилась на левом фланге 3-го Белорусского фронта и прикрывала его стык со 2-м Белорусским фронтом. Это была ещё Восточная Пруссия, но не направление Кёнигсберга, а направление Эльбинг (польски Эльблонг) — Данциг — Штетин. Там шла рутинная работа, потому что мы наступали постепенно, активных боевых действий не велось, но случались местные стычки или отдельные прорывы попавших в окружение немецких частей. Немцы отходили, хотя и в плановом порядке, стараясь удержать рубеж по дельте Вислы. На восточном рукаве Вислы, который называется Ногат, расположена крепость Мальборк, известный исторический замок Тевтонского ордена, — за такие рубежи они и пытались зацепиться.

На фронте всё сводилось к обычной работе военного переводчика: радиоперехват, работа с местными жителями, военнопленными и захваченными документами. Наша задача состояла в том, чтобы узнать, какими силами располагают немцы, долго ли они пытаются удержать рубеж, где у них слабые места обороны.

Мы расспрашивали пленных, где расположены их части, какое у них вооружение, как они укрепляют свои позиции. Кроме того, нам важно было знать, что происходит на главном направлении боевых действий 3-го Белорусского фронта, т.е. вокруг Кёнигсберга и в самом городе, поэтому мы выясняли, к каким военным частям принадлежат пленные, что косвенно позволяло установить, кто остался в «Кёнигсбергском котле».

Многие в то время сдавались уже добровольно, закоренелых фашистов среди них почти не было или, по крайней мере, они старались это не проявлять, потому что понимали, что война проиграна, и мало кто из них был готов жертвовать собой.

Местных жителей на нашем участке фронта почти не осталось, потому что все местное население было эвакуировано или бежало.

Часть из них, правда, потом оказалась в «Кёнигсбергском котле», об этом хорошо известно и достаточно написано и в художественной литературе. Например, у Льва Копелева в книге «Хранить вечно» есть целая глава «Восточная Пруссия». С этими событиями связан и один из романов Нобелевского лауреата Гюнтера Грасса «Im Krebsgang», название которого почему-то очень странно переведено на русский язык как «Траектория краба». Там речь идёт как раз о беженцах и о попытке спасения гражданского населения на пароходе «Вильгельм Густлов», который потопила подлодка нашего моряка-подводника Александра Маринеско.

Но в нашей работе были и попытки наладить мирную жизнь. Дело в том, что эта часть Восточной Пруссии расположена ниже уровня реки и защищена от наводнений дамбами. Из-за боевых действий часть этих дамб была разрушена, и территорию залило водой так, что проехать можно было только на тяжёлой технике. Поэтому нужно было найти способы осушить эту территорию, или хотя бы защитить её от дальнейшего затопления. Для этого надо было разыскать среди местного населения людей, разбирающихся в системе осушения, которые знали, где расположены насосные станции. Мы раздобыли схемы, чертежи, инструкции, и наши сапёрные офицеры изучили их, для того чтобы справиться с ситуацией.

Я помню довольно забавный эпизод, когда взяли в плен одного молодого парня, кажется, младшего офицера. Он дал все нужные показания, и его должны были отправить в лагерь. Как-то наши офицеры несколько расслабились, пригласили его поужинать и даже налили водки. Он был очень грустный, а наши офицеры ему говорят: «Ну, что ты так раскис? Война для тебя кончилась, через некоторое время вернёшься домой, и всё будет Слава Богу!». Он отвечает: «Да, кончилась... Теперь меня пошлют в Сибирь». Офицеры говорят: «В Сибирь? Давай поменяемся. Ты оставайся здесь, а мы поедem». Немец сделал круглые глаза: «Это что, шутка такая?» «Почему шутка? — продолжает один из офицеров. — У меня там семья». Удивлению пленного не было предела: как это — семья в Сибири, разве там можно жить? «Можно. Смотри, — говорит офицер, — я там живу, и с тобой в Сибири ничего страшного не случится». К сожалению, слова эти звучали преувеличенно оптимистично — всё-таки Сибирь есть Сибирь, и люди, не жившие там, были плохо подготовлены к её условиям.

Уже в 1970—1980-е гг. я ездил с советскими делегациями в Германию на наши крупные мероприятия, выставки. Туда приходило немало пожилых людей, прошедших войну и советский плен. Надо сказать, что они часто очень непосредственно выражали нам симпатии. Как-то пришёл один немец со своими внуками и сказал: «Я вспоминаю плен. Это были тяжёлые времена, но мы пони-

мали, что населению, которое живёт вокруг нас, приходилось не легче, а временами даже труднее, потому что нам хотя бы регулярно давали баланду, мы жили в тёплых бараках, а работавшие с нами русские должны были сами думать о том, как прокормить себя и свою семью. И тем не менее они не издевались над нами и не испытывали к нам ненависти».

Вспоминается в этой связи и другой послевоенный эпизод, связанный с городом Штукенброк, что недалеко от Билефельда, в Германии. Там есть кладбище советских военнопленных, погибших в находившемся там лагере. Эти военнопленные оказались после освобождения под контролем британских войск, и те пытались склонить их к тому, чтобы они стали невозвращенцами. Но бывшие узники образовали свой комитет и оставались в лагере, пока туда не прибыли представители советского военного командования. За это время кто-то из них соорудил памятник на кладбище, и местное население, часть которого поддерживала пленных, организовало общественный комитет под названием «Blumen für Stuckenbrock», т.е. «Цветы для Штукенброка». Раз в год, по моему, в день освобождения этого лагеря, проводится мероприятие, куда приезжают наши делегации по линии Советского комитета ветеранов войны. Там как-то выступал местный пастор и сказал, что благодарит Бога, за то что во время войны был немецким пленным в советском плену, а не советским пленным в немецком плену. Это тоже очень показательно.

Но вернёмся к военным временам. Далеко не всех переводчиков распределяли на фронт: часть из них направляли в центральные, тыловые учреждения, в лагеря военнопленных. Моя будущая супруга, Любовь Алексеевна Новикова, покойная ныне, училась на курс младше меня и была в своё время одной из моих слушательниц. В 1943 г. она с очередной группой выпускников была направлена в распоряжение Главного управления кадров в Москву, и её оставили в качестве переводчика в Разведуправлении Генерального штаба, где она и проработала два года. Как мы впоследствии вычислили, по-видимому, при этом сыграла роль не столько её хорошая успеваемость, сколько пролетарское происхождение: она родилась в рабочей семье, никто из членов семьи не был за границей, никто не был причастен к каким-нибудь уклонам — у неё была безупречная анкета.

С 1943 г. до окончания войны она участвовала в издании некоторых справочников. А в конце войны у неё было почетное задание — вместе с одним из офицеров Разведуправления отобрать среди трофейных знамён те, которые было целесообразно продемонстрировать на Красной площади во время Парада Победы. Они старались отобрать знамёна известных соединений вроде

Leibstandarte Adolf Hitler. Кроме того, она принимала участие в допросе пленных генералов, поскольку их привозили в Москву и допрашивали на самом высоком уровне. Ей тогда было чуть за двадцать, она была на два года старше меня...

Моя жизнь и работа после войны

До конца войны на фронте я, к сожалению, оставаться не мог, потому что срок моей стажировки окончился в марте 1945 г. В конце месяца я возвратился в Военный институт, где для нас был организован экстернат для сдачи государственных экзаменов. Нам читали в сжатом виде лекции по основным теоретическим предметам, таким, как история литературы, история языка, история страны, педагогические дисциплины и т.д. С языком дело было проще, поскольку мы им уже владели.

Осенью 1945 г. мы сдали госэкзамены и получили настоящие дипломы, после чего большинство из нас осталось в Военном институте уже в качестве настоящих адъюнктов, т.е. аспирантов, готовящих диссертацию. Я написал кандидатскую диссертацию под руководством Ольги Ивановны Москальской, продолжая при этом преподавать военный перевод, общий перевод, практику немецкого языка.

В начале 1950-х гг. я был назначен заместителем начальника кафедры. В то время всё руководство было молодым: мне было 27 лет, когда я получил эту должность, ещё не успев защитить диссертацию. С защитой произошло некоторое замедление из-за дискуссии в языкознании, завершившейся выступлением Сталина, — мы-то писали на основе «нового учения о языке» Мара, поэтому многое приходилось потом перерабатывать. В нашем институте этот «лингвистический» поворот прошёл довольно «безболезненно»: никого не преследовали, все перестроились довольно быстро и легко. В Военном институте я преподавал до его расформирования в 1956 г. и вместе с известным лингвистом Колшанским Геннадием Владимировичем руководил кафедрой.

В 1956 г., когда Хрущёв принял решение о резком сокращении советских вооружённых сил, Военный институт расформировали. Мне предложили должность старшего преподавателя в высшем военном училище где-то под Москвой, но я уже был кандидатом наук, мне это было ни к чему, и я дал согласие на демобилизацию после пятнадцати лет службы. У меня был выбор: идти преподавать в Инязе или в МГИМО. Я предпочёл МГИМО, поскольку там была доцентская должность. В течение шести лет я вёл преподавание перевода и практики немецкого языка, участвовал в издании учебников. В 1962 г. объявили конкурс на должность заведующего

кафедрой перевода немецкого языка в Инязе. До этого там была только одна кафедра перевода — межъязыковая, а в 1962 г. её разделили по языковому принципу и пригласили специалистов. Должность эту предложили мне, тем более что мой бывший начальник Колшанский к этому времени стал в Инязе проректором, а Москальская — заведующей кафедрой, и меня там хорошо знали. В качестве завкафедрой перевода немецкого языка я проработал в течение тринадцати лет до 1975 г.

В 1972 г. меня переманили в Академию Наук на должность заведующего кафедрой иностранных языков. Там я проработал до 1987 г., после чего вернулся в Иняз на должность профессора. С 2005 г. я возглавляю в Инязе кафедру теории, истории и критики перевода.

Так сложилась моя профессиональная жизнь.

Список литературы

Жданова Владислава. Нашим оружием было слово. Переводчики на войне. Peter Lang. Frankfurt am Main; Berlin, 2009.

Информация для авторов журнала

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода» выходит один раз в три месяца.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Требования к формату текста статьи:

- объём рукописи 10—15 стр.;
- поля 2,54 × 3,17 см;
- полуторный междустрочный интервал;
- шрифт Times New Roman (12 кегель);
- текстовый редактор.

Требования к статье:

- необходимо предоставить 2 рецензии;
- текст отправляется по электронной почте на адрес vestnik22@mail.ru или приносится лично в комнату № 1150 первого гуманитарного корпуса МГУ (на диске в формате RTF);
- *таблицы, схемы, иной иллюстративный материал* необходимо сохранить отдельными файлами и распечатать на отдельных листах;
- необходима *аннотация* (3—5 предложений) на русском и английском языках;
- наличие списка *ключевых слов* после аннотации на русском и английском языках;
- *примечания* в виде подстраничных сносок;
- *список литературы* сразу после статьи: без нумерации, в алфавитном порядке по фамилиям авторов. В тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора(ов), год издания и страница. Например: [Иванов, 1998, с. 125]. При повторном цитировании: [там же, с. 128] для русскоязычных источников или [Ibid., p. 123] для иноязычных источников;
- данные *об авторе* (на русском и английском языках) — фамилия, имя, отчество (полностью), учёная степень, учёное звание, полное название научного или учебного учреждения и его структурного подразделения, контактный телефон и адрес электронной почты автора.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведённых фактов, цитат, экономико-статистических данных, имён собственных, географических названий и иных сведений.

Материалы присылать по адресу: 119899, Москва, Ленинские горы, МГУ, ГСП-2, 1 учебный корпус ГФ, факультет “Высшая школа перевода”, комн. 1150. Тел.: 8-495-939-33-48. Адрес электронной почты: vestnik22@mail.ru

Плата с аспирантов не взимается. Рукописи не возвращаются. Во всех случаях полиграфического брака просьба обращаться в типографию.

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ГАРБОВСКИЙ Н.К., главный редактор,
ДИАНОВА Г.А., зам. главного редактора,
КОСТИКОВА О.И., зам. главного редактора,
МОЗГОВАЯ Л.А., ответственный секретарь,
БЕЛЬСКИЙ Е.В., **ВИССОН ЛИНН (США)**, **ЕСАКОВА М.Н.**,
ЗАБРОВСКИЙ А.П., **КОЛЬЦОВА Ю.Н.**, **МАТАСОВ Р.А.**,
МИШКУРОВ Э.Н., **РЕЗНИЧЕНКО О.Л.**, **ТОРСУКОВ Е.Г.**,
ШАБАГА И.Ю.

Редактор *М.Л. Балашова*
Технический редактор *З.С. Кондрашова*
Корректор *А.Я. Марьясис*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-28752 от 4 июля 2007 г.

Адрес редакции:

*125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5/7.
Тел. 697-31-28*

Подписано в печать 23.04.2010. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офс. № 1.
Гарнитура Таймс. Офсетная печать. Усл. печ. л. 9,0. Усл. кр.-отг. 2,25.
Уч.-изд. л. 8,55. Тираж 245 экз. Заказ № . Изд. № 9014.

Ордена “Знак Почета” Издательство Московского университета.
125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5/7.

Типография ордена “Знак Почета” Издательства МГУ.
119992, Москва, Ленинские горы.

ИНДЕКС 20408 (каталог «Роспечать»)
ИНДЕКС 88134 (каталог «Пресса России»)

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

ISSN 0201-7385. ISSN 2074-6636.

Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2010. № 1. 1—144.

ISSN 0201-7385

ISSN 2074-6636

**К 65-летию Победы в Великой
Отечественной войне**